

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 **3** (792)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 3 (792)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 3 (792)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

С. С. Куланбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василиук, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захары Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарева, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Андреева Е. А.</i> Фонетические особенности речи, обращенной к ребенку: к истории вопроса	9
<i>Бурая Е. А.</i> Система фонетико-фонологических признаков в английском языке Канады как проявление национальной идентичности	21
<i>Демина М. А.</i> Интернационализация новостного дискурса	38
<i>Карташевская Ю. В.</i> Влияние лексического и сегментного факторов на реализацию стыковой аллофонии в американском варианте английского языка (гендерный аспект)	50
<i>Куликова К. С.</i> Интонация и определение эмоционального отношения студентами-англофонами в британской устной речи	73
<i>Романова Е. Ю.</i> Восприятие речи военнослужащих: оценка личностных черт и определение принадлежности к вооруженным силам на основании анализа высотно-мелодических и темпоральных характеристик американской речи	85
<i>Шевченко Т. И.</i> Социокультурные основания вариативности английского ударения и ритма: вопросы методологии	100
<i>Цибуля Н. Б.</i> Взаимодействие просодии и невербальных средств в организации публичного дискурса	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Войтехович Р. С.</i> Воинствующий аполитизм цветаевой: полемика с мистерией-буфф Маяковского	132

<i>Корнилова Е. Н.</i>	
Языческие корни экспрессионистского бунта в поэтическом цикле Годфрида Бенна «Морг»	143
<i>Солдатова М. В.</i>	
Проблемы популяризации корейской литературы в мире: к вопросу о специфичности национального культурного кода	158

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Перова Е. Ю.</i>	
Парадоксы Владимира Соловьева (на примере статьи «Идолы и идеалы»)	167
<i>В. М. Соловьев</i>	
История русской культуры в научном наследии С. М. Соловьева	176
<i>Тёмкин В. А.</i>	
Основные тенденции в трактовке образа Спасителя в романской скульптуре Франции	187

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Дьякон Александр (Болдырев), Васильев В. А.</i>	
Русская Православная Церковь за границей: история и современность	200
<i>Соколова Е. Н.</i>	
О концепте «дом» в русской и английской культурах	209

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Andreeva E. A.</i> Phonetic Peculiarities of Child – Directed Speech: Historical Perspective	9
<i>Buraya E. A.</i> The System of Phonetico-Phonological Features of Canadian English as a Vivid Identity Marker	21
<i>Demina M. A.</i> Internationalization Of News Discourse	38
<i>Kartashevskaya Y. V.</i> Influence of Lexical and Segmental Factors on the Realization of Word Boundary Allophony in American English (Gender Aspect)	50
<i>Kulikova K. S.</i> Intonation and Emotional Perception of British Oral Speech by Anglophone Students	73
<i>Romanova E. Y.</i> Military Speech Perception: the Analysis of Personal Identity and the US Military Membership Performed Through the Investigation of F ₀ , Pitch Range and Temporal Characteristics of American Speech	85
<i>Shevchenko T. I.</i> Sociocultural Basis of English Rhythm and Stress Variation: Principles of Methodology	100
<i>Tsibulya N. B.</i> Interaction of Prosody and Non-Verbal Means in Public Discourse Organization	111

LITERARY STUDIES

<i>Voitekhnovich R. S.</i> Militant Political Indifference of Tsvetayeva: Polemic With Mystery Bouffe by Mayakovsky	132

<i>Kornilova E. N.</i>	
Trickster Model as Expressionist Revolt in the Poetic Cycle «Morgue» by G. Benn	143
<i>Soldatova M. V.</i>	
Problems of Popularization of Korean Literature in the World: to the Specificity of National Cultural Code	158

CULTUROLOGY

<i>Perova E. Yu.</i>	
Paradoxes of Vladimir Solovyov (on the Example of the Article «Idols And Ideals»)	167
<i>Soloviev V. M.</i>	
The History of Russian Culture in the Scientific Heritage of S. M. Solovyov	176
<i>Tyomkin V. A.</i>	
Main Tendencies in Interpretation of the Image of Saviour in French Romanesque Sculpture	187

PHILOSOPHY

<i>Alexander Boldyrev, Deacon, Vasiliev V. A.</i>	
Russian Orthodox Church Outside Of Russia: History And Modern (Present Day)	200
<i>Sokolova E. N.</i>	
On Concept “Home” In Russian And English Cultures	209

УДК 81'34

Е. А. Андреева

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: lisa992@bk.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ, ОБРАЩЕННОЙ К РЕБЕНКУ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматриваются исследования, посвященные изучению речи, обращенной к детям (далее – РОД). Предпринимается попытка хронологически описать, как менялось отношение научного сообщества к коммуникантам в паре «взрослый – ребенок», а также понять, с какого момента ребенок начинает восприниматься как активный участник диалога. Описаны типичные для межвозрастной коммуникации фонетические замены в речи взрослого, а также самые ранние открытия в области фонетической составляющей РОД.

Анализ экстралингвистических факторов, влияющих на изменение данного стиля речи при обращении к ребенку, показал, что «материнский язык» возникает не только у всех лиц женского пола, осуществляющих заботу о ребенке, но и у тех, кто не имел предыдущего опыта общения с детьми. В статье также прослеживается зависимость РОД от вида деятельности коммуникантов. Присутствие самого ребенка в эксперименте изучается как параметр, влияющий на наличие у взрослого типичных для РОД просодических моделей. Приводятся данные, доказывающие, что уже в детстве ребенок способен менять стиль общения при взаимодействии с детьми более младшего возраста, что позволяет трактовать понятие материнской речи как одну из социолингвистических компетенций.

Ключевые слова: речь, обращенная к детям (РОД); коммуникация в паре «взрослый – ребенок»; фонетические особенности материнской речи; вариативность РОД; РОД как социолингвистическая компетенция.

Andreeva E. A.

Teacher, Department of English Phonetics, Faculty of English Language, MSLU;
e-mail: lisa992@bk.ru

PHONETIC PECULIARITIES OF CHILD – DIRECTED SPEECH: HISTORICAL PERSPECTIVE

The article deals with the historical background of the phonetic peculiarities of the speech directed to children (CDS) by their parents and caretakers. The research offers a chronological survey of the main articles and monographs

devoted to child-adult interaction, while addressing the issue of the changing relationships between speakers. The work touches upon the typical phonetic modifications found in the speech of parents resorting to CDS.

It is suggested that even women who have no children are likely to use a certain speech register for communicating with the latter. Moreover, the so-called 'motherese' style of speaking might be regarded as a sociolinguistic competence that children develop at a very early age. Furthermore, some extralinguistic factors such as the presence of the child in the room during the experiment or a type of the task the partners are occupied with appear to influence the peculiarities of CDS used by an adult.

Key words: child-directed speech; 'child-adult' interaction; phonetic peculiarities of motherese; variation of child-directed speech; child-directed speech as a sociolinguistic competence.

Введение

Проблема объяснения такого феномена, как овладение речью, уже давно занимает и, по-видимому, еще долго будет занимать центральное место в лингвистических дебатах. В данной работе нас прежде всего интересует, какую роль играет взрослый в процессе усвоения ребенком родного языка. Между тем не все лингвисты считают, что язык, который ребенок слышит в детстве от родителей и окружающих его людей, влияет на его лингвистическое развитие [Pinker 1988]. Однако исследования подтвердили наличие корреляции между входными данными, или инпутом (*input*)¹, и формированием речи как высшей психической функции у ребенка. Несмотря на отсутствие единой концепции, мы исходим из того, что материнская речь оказывает существенное влияние на развитие ребенка в целом и на его способность овладеть языком, в частности.

Первые шаги к изучению материнской речи

Долгое время обозначенный выше вопрос оставался в тени. Между тем Ч. Фергюсон утверждает, что актуальность феномена материнской речи обсуждалась еще в I в. до н.э. римским грамматиком Варроном [Ferguson 1964]. Несколько позже антропологи, занимающиеся языками американских индейцев, также исследовали свойства речи, обращенной к ребенку [Sapir 1929].

¹Под входными данными, или инпутом, мы будем понимать все, что слышит ребенок, в особенности речь окружающих его взрослых.

Однако именно вторая половина XX в. является началом современного этапа исследований и характеризуется возрастанием интереса к проблеме языковой вариативности, в частности зависимости структурных особенностей речи от ситуации. Всё чаще изучается влияние экстралингвистических факторов, таких как возраст адресата и адресанта, на языковую организацию высказывания. Здесь имеется в виду повышенное внимание к межвозрастной коммуникации со слабой речевой поддержкой партнера. Анализ синтаксических особенностей речи, обращенной к детям, показал, что до того времени, когда ребенок начинает говорить, взрослый ведет диалог «за двоих», приписывая младшему партнеру некую языковую компетенцию и в соответствии с этим имитируя диалог [Гаврилова 2007]. По мере взросления ребенок начинает принимать всё более активное участие в разговоре, и его коммуникативная компетенция начинает влиять на процесс выстраивания диалога.

Первые попытки изучить материнскую речь были сделаны после выхода в свет работ Н. Хомского в 1960–1970 гг. [Chomsky 1957, 1965]. Ученый, в частности, считал, что у ребенка присутствуют врожденные механизмы, предопределяющие природу и путь лингвистического развития человека. Психологов и лингвистов XX в. буквально потрясла идея Н. Хомского о том, что в детском мозге содержится некий механизм овладения языком – *LAD (language acquisition device)*. Это врожденная неврологическая система, способная генерировать гипотезы о лингвистических структурах языка, на котором говорят взрослые. В соответствии с указанной теорией, чтобы привести этот механизм в действие, ребенку достаточно просто послушать речь на родном языке. Предполагалось, что активное взаимодействие с языком или какое-то особое поведение матери не требовалось для усвоения ребенком грамматических и других правил родного языка: *LAD* при прослушивании образцов речи сам активировал программу с определенным набором правил для данного языка, и ребенок начинал им пользоваться.

Такой взгляд пролил свет на ряд ранее необъяснимых явлений, например обозначилась прямая связь языка и мозга, язык перестал рассматриваться как что-то, пришедшее извне, из окружающей среды. Наоборот, он рассматривается как явление, «встроенное» в мозг человека и связанное с его психической деятельностью. Кроме того, Н. Хомский предложил рассматривать постижение

человеком грамматики на двух уровнях. Так, родившись, каждый человек обладает набором глубинных структур – это базовый, начальный, уровень синтаксиса. Второй уровень, с помощью которого общается человек, – это поверхностная структура, «оболочка», в которую нужно облечь свои мысли и идеи, чтобы они стали понятны окружающим. При разговоре глубинные структуры переводятся в поверхностные, и наоборот, по определенным правилам. Таким образом, чтобы овладеть языком, детям требуется просто изучить эти правила, характерные именно для их языка.

Взгляды Н. Хомского относительно «врожденных структур» были встречены резкой критикой со стороны отечественных лингвистов [Лурия 1975].

Теория «врожденных структур» не предусматривала наличия каких-либо особенных черт материнской речи, способствующих усвоению языка. Такое заявление побудило противников теории Н. Хомского провести экспериментальное исследование с целью узнать, действительно ли старания родителей научить ребенка говорить совершенно излишни. Однако, начав анализировать языковую среду детей, лингвисты заметили, что речь, обращенная к ребенку, обладает рядом характеристик, отличающих ее от речи, обращенной к взрослому.

Критика теории Н. Хомского: первые исследования материнской речи

В 1970-х гг. вышли работы, опровергающие теорию Н. Хомского [Farwell 1973; Vorster 1975]. В частности, К. Фаруэлл подробно описала имеющиеся на тот момент данные о материнской речи. Помимо этого, в ее статье ведется ожесточенная полемика с Н. Хомским, цель которой – доказать, что овладение языком зависит от «входных данных», которые ребенок получает от матери. Обсуждается вопрос о грамматической правильности предложений, произносимых матерью, а соответственно, о том, слышит ли ребенок правильную или грамматически неправильную речь. (Заметим: по мнению Н. Хомского, ребенок не способен из таких скудных образцов, которые имеются в его распоряжении от матери, понять и выстроить структуру родного языка, а значит, он уже знает ее с рождения). В работе К. Фаруэлл делаются важные выводы

относительно РОД: во-первых, присутствуют фонологические замены и специальная лексика; во-вторых, взрослый берет на себя роль главного, «ведущего», и, отвечая ребенку, он нередко повторяет или расширяет высказывание младшего партнера. В-третьих, при общении с ребенком предложения взрослого становятся более простыми и короткими, в них присутствуют повторы, но они усложняются по мере возрастания лингвистической компетенции ребенка. Исследователь предполагает, что частотность употребления матерью определенных конструкций не зависит от порядка, в котором ребенок усваивает эти конструкции. Иными словами, мать использует разнообразные синтаксические структуры вне зависимости от того, знаком с ними ребенок или нет [Farwell 1973].

Обобщая предыдущий лингвистический опыт, К. Фаруэлл, как и другой исследователь Ч. Фергюсон [Ferguson 1964], также отмечает, что системные описания материнского языка практически отсутствуют, хотя многие его черты подробно описаны в научной литературе.

Как и многие другие ученые, К. Фаруэлл описывает речь, обращенную к ребенку, как стиль речи или же как код, объясняя это тем, что она не возникает и не создается заново каждым отдельными родителями, а проявляется одинаково в рамках одной культуры из поколения в поколение. Допущение об относительной филогенетической (т. е. эволюционной) устойчивости материнской речи стало возможным благодаря сходству записей арабской речи, обращенной к ребенку, начала XIX в. и ее современного аналога. Так, в книге М. Саббагха описаны пять слов из материнской речи, которые сохранились в современном арабском языке [Ferguson 1964]. Следовательно, речь, обращенная к ребенку, является конвенциональной, традиционной частью языка, существующей в виде стиля.

Говоря о РОД как о стиле, Ч. Фергюсон одним из первых затрагивает тему компонентов материнской речи. В нее входят, во-первых, ряд лексических единиц, специфических для данного типа речи; во-вторых, интонационные, а также паралингвистические явления, присущие как коммуникации взрослых партнеров, так и обращению к ребенку; в-третьих, фонологические и грамматические модификации языка взрослых [Ferguson 1964]. Мы придерживаемся мнения, что модификации происходят не только на

супрасегментном, но и на сегментном уровне. Между тем выводы ученого послужили отправной точкой для исследования сегментных и супрасегментных особенностей РОД.

Фонетические и синтаксические изменения в речи взрослого при разговоре с ребенком

Следует обратить внимание на фонетические модификации, выделенные Ч. Фергюсоном на основе анализа шести языков: арабский язык (Сирия), маратхи, команчский, нивхский, (американский) английский и испанский. Исследователь делает вывод, что хотя шесть анализируемых языков являются абсолютно разными, фонетические и грамматические модели модификации материнской речи во многих из них имеют схожие черты.

Важными для нашей работы оказываются сделанные исследователем выводы относительно фонетической составляющей РОД. К примеру, в материнской речи отмечается бóльшая частота основного тона (ЧОТ), предпочтение отдается определенным мелодическим контурам, а также во многих языках присутствует явление лабиализации [Ferguson 1964]. Изменения, отличающие РОД от речи, обращенной к взрослому, сводятся к следующему:

1. в фонетическом плане:

– происходит упрощение сочетаний согласных, что было засвидетельствовано во всех шести языках (в частности, вместо английского слова *stomach* мать будет использовать слово *tummy* – «живот»). Такую лексическую замену Ч. Фергюсон объясняет различным характером начальных согласных; по-видимому, один взрывной звук ребенку будет проще повторить за родителем, чем сочетание щелевой-взрывной);

– согласный сонант /r/ часто заменяется другим согласным (к примеру, произнесение в слове *rabbit* – «кролик» – начального согласного как [w]: [w]abbit);

– единицы РОД состоят из простых согласных, в частности смычных взрывных и смычных носовых, и из очень небольшого набора гласных;

2. в синтаксическом плане:

– преобладает редупликация как частей слов, так и целых слов. Ученый при этом оговаривается, что даже если в речи взрослых в некоторых языках редупликация обладает грамматическим

значением, в речи, обращенной к ребенку, она является самостоятельным явлением.

Интересно, что повторы не только лексических единиц, но и просодических структур часто используются в детской речи, чтобы облегчить процесс усвоения ребенком родного языка [Snow 1972]. Еще одна причина применения просодических повторов заключается в стремлении матери облегчить узнавание речевого сигнала ребенком. Воспринимая речь, ребенок пытается понять, является ли этот сигнал обращенным к нему, или же его можно расценивать как «общий шум», «фон». Так, группа ученых доказала, что более высокая ЧОТ и расширенный диапазон ЧОТ позволяют ребенку выделить из речевой продукции взрослых фразы, произнесенные в регистре общения с детьми [Sachs, Johnson, 1976, с. 61].

Вышеописанные работы являются лишь попытками изучить материнскую речь и носят, скорее, описательный и бессистемный характер, что отмечается самими учеными. Однако они, в свою очередь, обобщив предыдущий опыт в области исследования РОД и наметив ключевые вопросы, определили основные направления для дальнейших исследований и тем самым позволили более подробно изучить данный стиль.

Материнская речь как стиль общения

Одним из волнующих вопросов стал возраст, с которого дети начинают использовать материнский стиль речи, обращенной к ребенку. Ж. Глисон [Gleason 1973] определила, что восьмилетние дети уже говорят с двухлетними коммуникантами так же, как с ними (двухлетними) говорит мать, а значит, используя РОД. Напротив, четырехлетние обращаются к двухлетним так же, как и к старшим детям, таким образом, не прибегая к РОД. Показательно, что по отношению к четырехлетним адресатам восьмилетние дети используют несколько измененный стиль речи, но не такой, как при взаимодействии с двухлетними. Этот стиль напоминает способ обращения матери к детям 4–8 лет, который Ж. Глисон назвала «языком социализации». Данный языковой код является переходным этапом между речью, адресованной ребенку, и речью, адресованной взрослому, и показывает, что с этого момента ребенку уже может быть присвоен статус полноценного члена языкового сообщества.

По другим данным, дети изменяют свое речевое поведение при общении с младшими детьми уже с трехлетнего возраста – через упрощение, использование повторов и фраз, привлекающих внимание (*attention-getters*) [Snow 1977]. Некоторые авторы трактуют понятие материнской речи как еще одну социолингвистическую компетенцию, которой должен овладеть ребенок уже в раннем возрасте [Gleason 1973].

В возрасте восьми лет дети в состоянии дифференцировать, с каким коммуникантом они говорят, и изменить код общения, следовательно, уже в этом возрасте они могут контролировать свою речь.

Отечественные и зарубежные лингвисты сходятся во мнении, что и взрослый человек, не имеющий маленьких детей, способен «подстроить» свою речь в ситуации разговора с ребенком [Snow 1972; Brown et al 1972; Gleason 1973; Цейтлин 2000]. Так, С. Н. Цейтлин полагает, что «материнский» стиль общения проявляется и у бабушки, и у старшей сестры, и у няни, и у всех лиц женского пола, ухаживающих за детьми. Эквивалентно в зарубежной литературе используется понятие *caregiver* – «тот, кто осуществляет заботу о ребенке», значит, есть основания считать стиль или код, используемый лицами женского пола, общающимися с ребенком, единым феноменом.

Интересно проследить особенности использования РОД не только матерью ребенка, но и другими взрослыми. К. Сноу и Р. Браун – основоположники лингвистического поворота в сторону межвозрастной коммуникации в паре «взрослый – ребенок» – изучили речь женщин, не состоявших в родстве с детьми. Эксперимент Р. Браун подтвердил, что женщины, имевшие даже небольшой опыт общения с маленькими детьми, меняли свою речь в разговоре с другими детьми, с которыми до того момента они не были знакомы [Brown et al. 1972].

Информантами в эксперименте К. Сноу явились женщины, имевшие совсем не большой опыт общения с детьми, однако, получив инструкцию записать собственную речь на пленку в качестве обращения к двухлетним адресатам (сами дети отсутствовали), женщины существенно меняли свою речь. Статистически разница между речью матерей и нематерей была незначительной [Snow 1972].

Вариативность РОД

РОД обладает способностью изменяться в зависимости от многих (преимущественно экстралингвистических) параметров, а именно – от возраста адресата, от его эмоционального состояния, от вида деятельности коммуникантов, от пола адресанта, его возраста и т. д. Говоря о вариативности РОД, следует иметь в виду, что отличаются как отдельные параметры РОД – фонетические, грамматические, лексические – так и совокупность этих параметров.

Известно также, что речь взрослого, обращенная к ребенку, меняется при лонгитюдном рассмотрении вследствие прогрессирующего когнитивно-речевого развития ребенка.

В серии исследований 1970-х гг. материнская речь была «проверена на прочность» в разных ситуациях: РОД изучалась в свободной игре и в процессе чтения ребенку книги, а также сравнивалась во время непринужденного общения и в ситуациях ухода за ребенком. Так, было выявлено, что длина фразы матери была максимальной при чтении книги, средней во время игр и непринужденного разговора и минимальной при проведении рутинных процедур (кормление, одевание, принятие ванны) [Snow 1977]. Одно из объяснений данному феномену – необходимость добиваться понимания взрослого ребенком в ситуациях повседневного ухода порождает более простые и короткие фразы.

Таким образом, одним из параметров, влияющих на структуру материнской речи, является тип деятельности коммуникантов в паре «взрослый – ребенок».

На степень изменения характеристик материнской речи также влияет фактор присутствия самого ребенка в эксперименте. Женщины изменяли свою речь больше, когда ребенок был в пределах видимости, чем когда ребенка не было в комнате. На это указывает исследование К. Сноу 1972 г. [Snow 1972], а также эксперимент, проведенный А. Фернальд и Т. Саймоном [Fernald, Simon 1984]. В последнем случае была записана речь 24 немецких женщин, обращенная к их новорожденным детям (возраст – от трех до пяти дней). Все дети были здоровыми и доношенными, испытание проходило на территории родильного дома. Из 24 информантов 12 были первородящими и, по анкетным данным, не имели серьезного опыта межвозрастной коммуникации с ребенком.

У 12 других адресантов уже были старшие дети. А. Фернальд и Т. Саймон записывали три типа речи: речь матери, обращенная к взрослому; речь матери, обращенная к ребенку, который временно находился вместе с матерью в палате; речь, записанная женщинами на пленку, чтобы впоследствии проиграть ее ребенку в отсутствие самой матери. При записи последнего образца ребенок не находился рядом с матерью.

Оказалось, что во втором случае (в присутствии ребенка) 77 % исследуемых речевых образцов состояли из просодических моделей, не типичных для коммуникации взрослых партнеров. Они включали диапазонально расширенные мелодические контуры, а также шепот. Показательно, что в речи и первородящих, и повторнородящих женщин одинаково присутствовали эти просодические изменения. Следовательно, предыдущий опыт общения с ребенком не оказывает влияния, по крайней мере, на просодическую составляющую РОД.

Примечательно, что взрослый даже в отсутствии ребенка использует некоторые лексические и синтаксические особенности РОД [Snow 1972]. Что же касается просодических характеристик РОД, то, как оказалось, степень их проявления зависит от присутствия / отсутствия ребенка [Fernald, Simon 1984].

Выводы

Интерес к проблеме отличия коммуникации с ребенком от коммуникации с взрослым появился еще в I веке до н. э., однако именно во второй половине XX в. проводятся эксперименты, направленные на выявление конкретных лингвистических черт материнской речи. Отчасти «пусковым механизмом» послужили работы Н. Хомского, теории которого в последующем пытались опровергнуть К. Фаруэлл и Дж. Форстер, доказывая, что речь, которую ребенок слышит от родителей, чрезвычайно важна для овладения родным языком.

В 1960-е гг. Ч. Фергюсон получил данные о фонетической составляющей материнской речи, сравнив шесть языков. Ученый выделил в числе основных характеристик более высокий голос матери, наличие фонетических замен, упрощение сочетаний согласных. Ч. Фергюсон также обратил внимание на преобладание

редупликации частей слов и целых слов. Однако уже в 1972 г. стало известно, что повторы присутствуют и в мелодических контурах РОД.

Интересным фактом становится использование детьми уже с трехлетнего возраста некоторых черт материнской речи при общении с младшими друзьями. Отсюда следует, что РОД является своего рода «кодом» при обращении к ребенку, а овладение таким кодом становится важной социолингвистической компетенцией. Таким образом, говорящий будет использовать «материнский язык» при обращении к ребенку, даже если до этого он не имел опыта общения с детьми.

На вариативность РОД также влияют такие факторы, как наличие или отсутствие младшего партнера в эксперименте, возраст адресата, а также тип деятельности взрослого и ребенка.

Несмотря на отсутствие единой точки зрения на процесс овладения речью, в лингвистике, тем не менее, наметилась тенденция к рассмотрению ребенка как активного партнера взрослого в диалоге уже с первых дней его жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова Т. О.* Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 181 с.
- Лурия А. Р.* Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике // Вопросы философии. 1975. № 4. С. 142–149.
- Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи, учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.
- Brown R., Salerno R.A., and Sachs J.* Adults' speech to children. Paper presented at the International Symposium on First Language Acquisition, Florence, Italy. 1972.
- Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA : MIT Press, 1965. 131 p.
- Farwell C.* The language spoken to children // Papers and reports on child language development. 1973. № 5. P. 31–62.
- Ferguson C.A.* Baby talk in six languages // Gumperz and Hymes. The ethnography of communication / Am. Anthropol. 1964. № 66. P. 103–114.

- Fernald A., Simon T.* Expanded Intonation Contours in Mothers' Speech to Newborns // *Developmental Psychology*. 1984. Vol. 20. # 1. P. 104–113.
- Gleason J.B.* Code switching in children's language // T. E. Moore (eds). *Cognitive development and the acquisition of language*. New York: Academic Press, 1973. P. 159–167.
- Pinker S.* Learnability theory and the acquisition of a first language // F.S. Kessel (eds). *The development of language and language researchers*. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1988. P. 97–120.
- Sachs J., Johnson M.* Language development in a hearing child of deaf parents // Engel W. Raffler, Y. LeBrun (eds.). 1976. P. 246–252.
- Sapir E.* Nootka baby words // *International Journal of American Linguistics*. 1929. № 5. P. 118–119.
- Snow C.* Mothers' speech to children learning language // *Child Development*. 1972. № 43. P. 549–565.
- Snow C.E.* Mothers' speech research: From input to interaction // C. E. Snow & C. A. Ferguson (eds). *Talking to children: Language input and acquisition*. London : Cambridge University Press. 1977. P. 31–49.
- Vorster J.* Mommy linguist: The case for motherese // *Lingua*. 1975. № 37. P. 281–312.

УДК 81'34

Е. А. Буряя

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: helen812@list.ru

СИСТЕМА ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАНАДЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одним из компонентов национальной идентичности является язык. Канадский английский рассматривается в статье как кодифицированная разновидность английского языка. Канадский стандарт описывается в литературе с социальных позиций как речь англоязычных канадцев во втором поколении, принадлежащих к среднему классу, проживающих в городе. Таковых в Канаде около 36 % населения. Канадский английский возник как вариант североамериканской разновидности английского языка, влияние американского стандарта на канадскую речь велико, поэтому при описании особенностей канадского варианта его обычно сравнивают с американским.

Отличительные особенности канадского произношения рассматриваются в статье на сегментном уровне с учетом трех типов вариативности: 1) системной; 2) дистрибутивной и 3) реализационной. Среди системных отличий следует выделить слияние трех фонем заднего ряда: [ɒ], [ɔ:] и [ɑ:]. Дистрибутивные отличия в основном совпадают с американскими. К безусловным маркерам канадского произношения исследователи относят проявления реализационной вариативности, получившие названия Канадский сдвиг и Канадский подъем. Канадский сдвиг – это процесс изменения в реализации кратких гласных переднего ряда [ɪ], [e] и [æ]. Их артикуляция оказалась сдвинутой вправо в вокалическом пространстве и расширена. Процесс был вызван слиянием гласных заднего ряда. Канадский подъем – это изменение в артикуляции ядра дифтонгов [aɪ] и [aʊ] в сторону сужения перед глухими согласными. Степень проявления Канадского сдвига и Канадского подъема зависит от гендерного и возрастного факторов. К канадским особенностям следует отнести централизацию [æ] и [u:] и произношение заимствований с буквой «а» в ударной позиции (*plaza, façade, lava*). В речи канадской молодежи в этих словах реализуется звук промежуточный по качеству между [ɑ:] и [æ].

Приводятся данные о гендерной, возрастной и территориальной вариативности канадского произношения.

Ключевые слова: британский / американский / канадский вариант английского языка; национальная идентичность; Канадский сдвиг; Канадский подъем; канадский стандарт; слияние; гендерная / возрастная / территориальная вариативность.

Buraya E. A.

PhD, Professor, Department of English Phonetics, Faculty of the English language, MSLU; e-mail: helen812@list.ru

THE SYSTEM OF PHONETICO-PHONOLOGICAL FEATURES OF CANADIAN ENGLISH AS A VIVID IDENTITY MARKER

Language is a component of national identity. Canadian English is regarded as a codified variety of the English language. Standard Canadian English is defined socially as the accent of those Canadians who have been urban, middle-class Anglophones for two generations or more. About 36 % of the Canadian population speak Standard Canadian.

Canadian English is a North American variety and it is very similar to Standard American, so the best way to illustrate a particular Canadian trait is to compare it with the American variant. Features of Canadian English pronunciation are regarded at the segmental level in search of three types of differences: 1) segmental; 2) distributional and 3) realisational. The complete merger of back phonemes [ɒ], [ɔ:] и [ɑ:] is a striking feature of the segmental level differences. Distributional differences generally side with American ones. The markers of Canadian pronunciation are to be found at the realisational level. The Canadian Shift and Canadian Raising are undoubtedly the most salient characteristics. The Canadian Shift is the lowering and retraction of the short front vowel sounds [ɪ], [e] и [æ] as a consequence of the low-back merger. Canadian Raising is changing in the articulation of the diphthongs [aɪ] and [aʊ]. Raised variants of their nuclei are used before voiceless consonants. The variance of the Canadian Shift and Canadian Raising is affected by age and gender. Other properties of Canadian English pronunciation are centralized articulation of [æ] and [u:] and the appearance of a sound intermediate in quality between [ɑ:] and [æ] in nativisation of borrowed words in which the stressed vowel is spelled with the letter 'a' (*plaza, facade, lava*). This feature is most typical of younger speakers.

The article cites data on gender, age and geographical variation of Canadian pronunciation.

Key words: British/American/Canadian English; national identity; Canadian Shift; Canadian Raising; standard Canadian English; merger; gender/age/ geographic variation.

Исторические условия формирования канадского варианта

Проблема национальной самоидентификации в Канаде чрезвычайно актуальна. Говорят, нет другой страны, граждане которой были бы так же сильно озабочены поиском своей национальной идентичности. Главной проблемой является сохранение различий

с соседними США, доминирующими как в экономике Канады, так и в культурном пространстве этой страны. Напомним, что Канада обрела Конституцию только в 1982 г., а такие неотъемлемые атрибуты национального самосознания, как национальный флаг и национальный гимн, появились только в 1964 г. и в 1980 г. соответственно. К основным компонентам национальной идентичности относят общность традиций, места проживания, религии, обычаев, истории и, безусловно, языка.

Национальное самосознание в канадском обществе чрезвычайно возросло вскоре после Второй мировой войны, и при полной поддержке государства началась борьба за продвижение канадской культуры. В 1954 г. была создана Канадская лингвистическая ассоциация (the Canadian Linguistic Association), которая поставила вопрос о создании словаря канадского варианта английского языка, т. е. началась работа по его кодификации. С тех пор в Канаде вышло несколько словарей: *Gage Canadian Dictionary*, *Canadian*

Oxford Dictionary, в которых представлены лексические, орфографические и, конечно, фонетические особенности канадского варианта. На их страницах канадцы нашли подтверждение того, что они отличны от американцев, что неуловимая ранее канадская индивидуальность приобрела ощутимые формы в большом количестве слов, которые они употребляли всю жизнь, не зная, что они – канадизмы.

Канада – страна двуязычная. В ней на государственном уровне распространены два языка – английский и французский. Билингвальный статус отражает историческое прошлое Канады, которая была образована как союз французских и британских колоний. Французские поселения были созданы в восточной Канаде в начале XVIII в., но к тому времени, когда Канада обрела независимость (в 1864 г.), говорящие на французском языке уже составляли меньшинство.

Сегодня менее четверти канадского населения говорит по-французски. Большинство из них живет в провинции Квебек и в отдельных районах провинций Онтарио и Нью-Брансуик, прилегающих к Квебеку. В этом географическом ареале проживает свыше 80 % франкоговорящих канадцев. По данным на 2001 г. только 59 % человек в Канаде считают английский своим родным языком. Кроме английского и французского в Канаде говорят на китайском, итальянском, немецком, испанском, пенджаби [Labov et al. 2006].

В настоящее время бесспорным является факт, что канадский английский возник как вариант североамериканского английского языка, а именно – той его разновидности, на которой говорят в Новой Англии, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании. На протяжении всей своей истории канадский английский подвергался воздействию со стороны двух мощных произносительных норм – британской и американской. Их престиж, а следовательно, и степень воздействия на канадский английский менялись в зависимости от социальных и политических обстоятельств.

С ранних периодов своего развития англоговорящая Канада находилась в тесном общении с США, с которыми она делит большую часть континента. Географическая близость двух государств и их удаленность от Великобритании привели к тому, что при описании особенностей канадского произношения его обычно сравнивают с американским.

Колоссальное американское влияние, оказываемое на все аспекты английского языка в Канаде, сдерживается постоянно растущим самосознанием населения, благодаря чему сохраняется и поддерживается национальный характер и отличительный канадский язык. Большую роль здесь играют различия на фонетическом уровне.

Самоидентификация современных канадцев

Интересно проанализировать, что сами канадцы думают о своем варианте английского языка и о его сходстве с американским или британским вариантами. Согласно анализу Ч. Боберга [Voberg 2010], 77 % опрошенных им студентов признают, что канадский английский ближе к американскому варианту, чем к британскому, и только 23 % студентов считают, что канадский вариант ближе к британскому.

На вопрос, в какой степени схожи канадский и американский варианты, ответы студентов разделились следующим образом: 45 % студентов считают, что эти варианты различаются «в незначительной степени», 19 % опрошенных полагают, что они «достаточно похожи», а 11 % уверены, что они «очень различаются».

Что касается престижности вариантов английского языка, то 61 % студентов, участвующих в опросе, полагают, что для них наибольшим авторитетом пользуется британский вариант, 31 % считают «более правильным» канадский вариант, и только один студент ответил, что более правильным является американский вариант.

Студентов также попросили ответить, какой вариант «звучит лучше». 58 % студентов полагают, что британский и 41 % – что канадский. Если предположить, что мнения опрошенных студентов являются отражением тенденций, характерных для канадского населения в целом, то эти результаты достаточно красноречиво говорят о том, что всестороннему американскому воздействию противостоит отрицательное отношение к нему канадцев. Влияние Соединенных Штатов на канадский английский невозможно отрицать, но некое чувство неполноценности и гордость помогают канадцам его сдерживать. Ч. Боберг замечает, что канадцы не хотят звучать, как американцы.

Ч. Боберг [Voberg 2010] считает, что британское влияние сильно в образовательной сфере, а именно – на школьном уровне,

и некоторые школьные учителя сознательно не поощряют употребление американских произносительных вариантов. Использование британских вариантов, однако, в большей степени не системно, носит случайный характер и в какой-то мере отражает меняющуюся, нестабильную приверженность англоговорящих канадцев двум главным исторически сложившимся влияниям, которым подвержены их язык и культура.

Канадский стандарт

Ч. Боберг [Voberg 2010] отмечает, что в настоящее время сформировались две точки зрения на канадский английский. Более пессимистичный взгляд разделяют, например, У. Авис (Avis) и М. Блумфилд (Bloomfield), полагающие, что английский язык в Канаде есть не что иное, как ответвление американского варианта, а те черты, которые не являются американскими, являются британскими. Еще один лингвист, Г. Вудз (Woods), считает, что существование канадского английского – это миф, придуманный для того, чтобы возродить и укрепить хрупкое канадское самосознание. Отличительные фонетические особенности канадского варианта, если таковые и были, к настоящему времени вышли из употребления, так как были вытеснены американскими вариантами. Канадцы часто смотрят американские кино и телепрограммы, поэтому канадский акцент всё больше сближается с американским, утрачивая свою самобытность, а некоторые особенности произношения считаются канадскими чертами только потому, что совпадают с британскими [цит. по: Voberg 2010].

Тем не менее другие исследователи, и среди них можно назвать Ч. Боберга [Voberg 2010], У. Лабова [Labov 2006], не отрицая большое сходство между этими двумя разновидностями, отмечают, что канадский английский развивался самостоятельно и сложился как отдельный вариант.

Что такое канадский стандарт, и какова численность канадцев, говорящих на нем? Ч. Боберг [Voberg 2010] полагает, что стандартный канадский – это унифицированный тип канадского варианта английского языка, на котором говорит большинство канадских англофонов на всей территории Канады. Унифицированность канадской речи на всей территории страны является признанным фактом в социолингвистике.

С. Долинджер [Dolinger 2011] определяет канадский стандарт с социальных позиций и считает, что это речь англоязычных канадцев, принадлежащих к среднему классу, проживающих в городе, в семьях, где английский язык был родным на протяжении двух и более поколений. Это означает, что второе поколение тех, кто родился в Канаде, в городской среде и принадлежит к среднему классу, говорят на стандартном канадском варианте по умолчанию.

Одним из индикаторов принадлежности к среднему классу является образование, а именно, его университетский уровень. Согласно данным за 2006 г., таковых в Канаде – 71 % населения. Если из этого количества вычесть франкоговорящих канадцев, канадцев в первом поколении, сельских жителей, то количество англофонов во втором поколении, являющихся городскими жителями с университетским образованием, составит 36 %. Иными словами, теоретически стандартным канадским произношением владеет чуть больше трети населения Канады [Dolinger 2011]. Для сравнения: на RP говорят 3–5 % населения Великобритании, носители общеамериканского варианта составляют в США около 33 % [Шевченко 2009; 2016]. Долинджер полагает, что в результате социализации второго поколения количество владеющих канадским стандартом постоянно растёт.

Ч. Боберг отмечает, что экспериментальные исследования последних лет позволяют говорить о канадском английском как о достаточно однородном варианте по всей территории Канады, по крайней мере, среди представителей среднего класса [Voberg 2010]. Диалектальная вариативность общеканадского произношения незначительна, и речь жителей из Торонто мало чем отличается от речи проживающих в других городах, например в Ванкувере, Виннипеге или Галифаксе. Тем не менее можно отметить, что на произношение жителей в Квебеке сильное влияние оказывают французский язык и иврит. В некоторых провинциях Атлантического побережья ощущается влияние шотландского и ирландского акцентов, под влиянием которых на острове Ньюфаундленд сложился диалект, получивший название *нююфи* (Newfie). Речь жителей приморских провинций Канады, куда входят Новая Шотландия, Нью-Брансуик, о-в Принца Эдуарда, похожа на речь жителей Новой Англии: там тоже отмечается безэрный тип произношения.

Фонетические маркеры канадского варианта

Каковы же особенности канадского варианта английского языка, позволяющие определить, что это значит – звучать по-канадски?

Для описания различий между вариантами английского языка Дж. Уэллс [Wells 1982] установил три типа сегментной вариативности: 1) вариативность на системном уровне; 2) дистрибутивная вариативность; 3) вариативность фонетической реализации фонем.

4.1. Системные отличия канадского варианта

Здесь речь идет о различиях в построении фонемного инвентаря. Известно, что система согласных фонем относится к наиболее стабильным фонетическим факторам, способным обеспечить устойчивость английского языка во всех его национальных вариантах [Шахбагова 1992]. Поэтому различия в системе консонантизма между британской, американской и канадской разновидностями не наблюдаются. Единственное замечание касается факультативной согласной фонемы /hw/, способной различать такие пары, как *wine-whine*, *weather-whether*. К настоящему времени ни в одном из трех национальных вариантов английского языка различие между /w/ и /hw/ практически не проводится, и слова в подобных парах звучат как омофоны. Контраст сохранился лишь в речи консервативного меньшинства США, Канады и в некоторых британских диалектах. Для 80 % канадского населения слова *whale*, *which*, *whine* звучат, как *wail*, *witch*, *wine*.

В отличие от согласных, система вокализма в вариантах английского языка всегда была подвижной, и различия в фонемном инвентаре между ними касаются, главным образом, гласных фонем. Ч. Боберг [Boberg 2010] отмечает, что вокалическая система канадского стандарта включает 14 гласных фонем в ударной позиции:

1) /ɪ/ как в <i>kit</i>	8) /ju:/ как в <i>few</i>
2) /e/ как в <i>dress</i>	9) /eɪ/ как в <i>face</i>
3) /æ/ как в <i>trap</i>	10) /aɪ/ как в <i>price</i>
4) /ʌ/ как в <i>strut</i>	11) /ɔɪ/ как в <i>voice</i>
5) /ʊ/ как в <i>put</i>	12) /oʊ/ как в <i>goat</i>
6) /i:/ как в <i>fleece</i>	13) /aʊ/ как в <i>mouth</i>
7) /u:/ как в <i>goose</i>	14) /ɑː-ɒ-ɔː/ как в <i>palm, lot, thought</i>

Как известно, британский стандарт RP в ударной позиции содержит 19 гласных: 11 монофтонгов (пять долгих и шесть кратких) и восемь дифтонгов. Система, приведенная Ч. Бобергом, содержит восемь монофтонгов (два долгих, пять кратких и звук, исторически образовавшийся от слияния трех монофтонгов /ɑː-ɒ-ɔː/), пять дифтонгов и сочетание звуков /juː/, которое Ч. Боберг предлагает рассматривать как самостоятельную фонему.

Приведенные данные нуждаются в комментарии.

Слияние /ɒ/ и /ɔː/

В 90-е гг. XX столетия в канадском варианте впервые было описано полное слияние гласных фонем /ɒ/ и /ɔː/ (как в *cot* и *caught*). Авторы «Атласа североамериканского варианта английского языка» [Labov et al. 2006] отмечают, что слияние открытых задних гласных наблюдалось в некоторых районах Канады уже в середине XIX столетия. Ко второй половине XX в. это явление окончательно сформировалось и распространилось по всей территории Канады. Оно зафиксировано и в некоторых областях Соединенных Штатов: в восточной Пенсильвании, на Западе, в восточной части Новой Англии, Флориде, Техасе, в Мидлэнде. Однако на большей части территории США и в стандартном британском варианте RP контраст между /ɒ/ и /ɔː/, как в *cot-caught*, *stock-stalk* и *collar-caller*, сохраняется. В канадском варианте эти пары являются омофонами.

Слияние /ɒ-ɔː/ и /ɑː/

К середине XX столетия в Канаде завершился еще один процесс слияния: с фонемой, полученной от слияния /ɒ/ и /ɔː/, объединилась фонема /ɑː/, как в словах *palm*, *balm*. Таким образом, три гласные фонемы /ɒ/, /ɔː/ и /ɑː/, как в словах *lot*, *caught* и *palm* произносятся одинаково. Для обозначения такой фонемы канадские словари используют символ /ɒ/.

Похожие явления наблюдаются и в Соединенных Штатах: слиянию подверглись фонемы /ɒ/ и /ɑː/, как в словах *cough* и *calf* с общим качеством, близким к /ɑː/. В некоторых областях произошло слияние звука /ɒ-ɑː/ со звуком /ɔː/. П. Ладефогед [Ladefoged 2005] отмечает, например, что студенты в Калифорнии не делают различия между этими тремя гласными. Различие между канадской и американской результирующей фонемой заключается в том, что она имеет более оттянутую артикуляцию в канадском варианте и более продвинуто в американском.

Канадский стандарт, подобно американскому, является «эрным» типом произношения. Ч. Боберг, однако, не объясняет, как канадцы произносят слова с диграфами *ar* и *or* как в словах *start* и *horse*. *Collins Gage Paperback Dictionary* (2006) в этих случаях сохраняет /ɑr/ и /ɔr/.

Большинство канадцев не соблюдает различие между /ɹ/, как в *hurry* и /ɜː/, как в *her*, и Ч. Боберг предлагает рассматривать /ɜː/ не как отдельную фонему, а как ретрофлексный вариант /ɹ/. Однако *Collins Gage Paperback Dictionary* [2006] в транскрипции слов *colonel*, *prefer*, *concern* используют символ /ɜː/.

Представленный инвентарь гласных фонем в канадском варианте не содержит центрирующих дифтонгов /ɪə/, /eə/ и /ʊə/, как в словах *peer*, *pair*, *poor*, представленных в RP. В канадском стандарте они реализуются как ретрофлексные варианты /ɪ/, /e/ и /ʊ/ соответственно, и эта тенденция объединяет канадскую разновидность английского языка с общеамериканской.

Не вполне ясной представляется позиция Ч. Боберга относительно фонемы в словах типа *few*, *new*. Автор пишет, что он выделяет этот гласный, произносимый, как [ju:], в отдельную фонему, отличную от той, которая употребляется в словах *food*, *noon*, *do*. Однако далее он отмечает, что в большом количестве слов различие между /ju:/ и /u:/ после /t/, /d/ и /n/ утратилось, поэтому слова *dew* и *do* произносятся одинаково.

Процесс перехода [ju:] в [u:] получил в литературе название *jod-dropping*. Это явление было подмечено в канадской речи давно. Почти сто лет назад канадский писатель Стивен Ликок (Stephen Leacock), рисуя портрет хозяина гостиницы в маленьком городке – крупного человека с устрашающей внешностью – передал фонетические особенности его речи при помощи орфографии, как “just wait till I get the license **renood**...” и “Take them signs... out of the bar. Put up **noo** ones.”

В настоящее время тенденция к опущению [j] наблюдается в речи 50–60 % населения старшего возраста и 90 % молодежи. Предполагается, что через два поколения вариант [ju:] будет полностью вытеснен. Тем не менее С. Кларк [Clarke 2006] отмечает, что скользящая артикуляция, хотя и не связывается более с британским вариантом, всё же обладает достаточно высоким престижем для представителей верхних слоев среднего класса, особенно

женщин среднего возраста. Она характерна для официальных стилей общения и имеет высокую частотность употребления в федеральных средствах массовой информации, особенно в речи дикторов-мужчин. Вариант [ju:] ассоциируется с высоким уровнем образования.

4.2. Дистрибутивные отличия канадского варианта

Канадский английский сохраняет большинство дистрибуционных характеристик, выявленных для американского варианта. Он тоже относится к так называемому эрному типу и солидаризируется с американским в произношении таких слов, как *class*, *dance last*, т. е. тех, в которых за буквой **a** следуют две согласные, за исключением буквы **l**. Они произносятся со звуком [æ]. В британском варианте, как известно, звучит [ɑ:].

В американском английском многие слова произносятся со звуком [ɔ:], если за ним следует интервокальный [r]: *lorry*, *orange*, *warrant*, в отличие от RP, в котором в этой позиции реализуется [ɒ]. Тем не менее в некоторых достаточно частотных словах (*sorry*, *tomorrow*, *borrow*) реализуется [ɑ:], что свидетельствует о том, что американский вариант теряет [ɔ:] перед интервокальным [r]. Канадский вариант, напротив, сохраняет [ɔ:] в этой позиции, и произношение *sorry* как ['sɔ:ri] является типичным проявлением канадизма.

На большей части территории Канады, как и в общеамериканском варианте, практически утратилось различие между [e], [æ] и [eə] перед интервокальным [r], поэтому слова *merry*, *marry* и *Mary* звучат одинаково. Во всех случаях в канадском английском используется вариант [ɛ], занимающий промежуточное положение между [e] и [æ].

Слияние [e], [æ] и [eə] в этой позиции относится к инновационным явлениям. В середине XX столетия наблюдалось четкое противопоставление этих звуков в провинциях к западу от Онтарио, а в Ванкувере оно было выявлено только в речи молодежи. Позднее, в 1980-е гг., отмечалась зависимость в реализации [e], [æ] и [eə] перед интервокальным [r] от возраста говорящего: слияние звуков было характерно лишь для молодого поколения. В речи канадцев старшего возраста чаще сохраняется различие между [-eri]

и [-ægi]. В американском варианте это различие сохраняется в речи жителей Нью-Йорка и Новой Англии [Labov et al. 2006].

Слова, оканчивающиеся на *-ile*, типа *missile*, произносятся, как ['misɪl] (американский вариант) в основном молодыми канадцами. В речи их родителей чаще можно услышать британский вариант ['misail].

4.3. Реализационные отличия канадского варианта

Именно на этом уровне можно отметить наиболее заметные проявления канадского акцента. Две из описанных ниже тенденций получили в литературе особые названия. Это – *Канадский сдвиг* (Canadian Shift) и *Канадский подъем* (Canadian Raising). Эти явления считаются основными диагностическими чертами канадского произношения.

Канадский сдвиг

Полное слияние гласных заднего ряда в канадском варианте дало толчок сдвигу в реализации кратких гласных переднего ряда [ɪ], [e] и [æ]. Их артикуляция оказалась сдвинутой вправо в вокалическом пространстве и расширена. Впервые это явление было описано в конце XX столетия и получило такое название [Clarke et al. 1995].

Значения F_2 для этих гласных в канадском варианте существенно ниже, чем значения F_2 для аналогичных гласных в американском варианте, а значения F_1 – выше. Как известно, показатель F_2 указывает на продвижение языка в полости рта: низкие значения указывают на оттянутую артикуляцию; с продвижением языка вперед значения F_2 увеличиваются. Показатель F_1 указывает на степень подъема активной части языка. Низкие значения отражают закрытую артикуляцию, а высокие – открытую. Хотя изменения в артикуляции передних гласных не столь велики, чтобы сделать речь канадцев мало понятной, всё же качественные различия между аналогичными звуками легко воспринимаются.

Канадский сдвиг можно отнести к инновациям. Впервые это явление было подмечено в речи молодых людей в 90-е гг. прошлого века. Анализ речи двух возрастных групп (до и после 1965 года) показал, что между ними существуют значительные различия в артикуляции передних гласных. Это означает, что канадский сдвиг можно считать развивающимся процессом.

Гендерная, возрастная, социальная и географическая принадлежность говорящего влияют на артикуляцию этих гласных. Молодые канадцы (20–30 лет) демонстрируют более инновационные артикуляции, по сравнению с пожилыми (60 лет) канадцами. В речи женщин, особенно молодых, открытость и оттянутость гласных проявляется особенно ярко, и по этому показателю они опережают мужчин на целое поколение. Было высказано предположение, что *Канадский сдвиг* – это явление, в большей степени присущее среднему классу, и наблюдается на территориях от тихоокеанского побережья до провинции Онтарио.

Авторы Атласа [Labov et al. 2006] отмечают, что *Северный сдвиг* гласных в американском английском и *Канадский Сдвиг* развиваются в противоположных направлениях. Так, в *Северном сдвиге* артикуляция [æ] сдвинулась вверх и вперед, а в канадском сдвиге – вниз и назад.

Канадский подъем

Канадский подъем – это процесс, при котором ядра дифтонгов [aɪ] и [aʊ] (гласные низкого подъема) изменяют свое качество и поднимаются до уровня полуоткрытых гласных в тех случаях, когда за ними следует глухой согласный, один из [p], [t], [k], [s] или [f]. Например, в парах *lies–lice*, *powder–pouter* используются разные аллофоны дифтонгов [aɪ] и [aʊ]. Разница между ними в среднем составляет 60 Гц. Для слуха американских говорящих и представителей других вариантов английского языка канадский вариант фразы *about the house* может звучать, как *about the hoos*. Эта черта часто преувеличивается и обыгрывается в юмористических выступлениях для создания комического эффекта. Лингвисты обратили внимание на это явление в середине XX в., хотя есть свидетельства, что оно наблюдалось и раньше – в середине XIX столетия.

Проявление канадского подъема зависит от гендерного и возрастного факторов. В речи людей старшего поколения дистрибуция аллофонов подчиняется описанному правилу: закрытые варианты употребляются перед глухими согласными в ударных слогах. В речи молодых людей, особенно женщин, наблюдались иные тенденции. Отмечалось, что закрытые аллофоны не всегда произносятся в соответствующих фонетических контекстах, однако

в случаях реализации «правильного» варианта более узкая артикуляция ядра сопровождается продвижением его вперед до положения [ɛ] [Dailey-O’Cain 1997].

Канадский подъем зарегистрирован практически на всей территории Канады, однако он мало заметен в речи молодежи в Британской Колумбии и в отдельных районах провинции Онтарио. В Монреале и Ванкувере это фонетическое явление не отмечается в речи 12-летних подростков. Признаки *Канадского подъема* не были зафиксированы в Ньюфаунленде и Квебеке. *Канадский подъем* не характерен для речи молодых женщин с низким социально-экономическим статусом [Voberg 2010].

Хотя это явление получило название *Канадский подъем*, его распространение не ограничено только территорией Канады. Оно было зарегистрировано в США: в штатах Вирджиния, Миннесота, Северная Дакота, в штате Нью-Йорк, в некоторых районах Новой Англии, в городах Филадельфия, Детройт. Более узкие варианты дифтонгов [aɪ] и [aʊ] всегда считались отличительной чертой штата Вермонт, но в настоящее время они отмечаются там в речи, главным образом, пожилых людей.

Эта черта характерна для речи англоговорящих жителей Багамских и Фолклендских островов, о-ва Святой Елены. Однако это явление практически не известно на территории Великобритании.

Эксперимент К. Холл [Hall 2006] позволил высказать предположение, что реализация дифтонга не всегда зависит лишь от / глухости последующего сегмента. На артикуляцию оказывают влияние разные параметры: фонологические (местоположение ударения), личностные (пол, возраст, образование говорящего), лексические (частотность слова). Так, в словах *psych* и *psychology* [aɪ] произносится по-разному: в *psych* реализуется закрытый дифтонг, а в *psychology* подъема не будет, несмотря на последующий глухой согласный.

Можно отметить и другие проявления вариативности канадского произношения на уровне реализации фонем. Так, отмечается значительная продвинутость в артикуляции гласных [ʊ], [ʌ] и в особенности [u:] [Clarke et al. 1995]. Артикуляция [u:] заметно сместилась к центру вокалического пространства, и на схеме гласных звуков [u:] практически располагается над [æ].

Исследования Ч. Боберга [Voberg 2011] показали, что звуки [u:] и [æ] поменялись местами по параметру продвинутости. Особенно

это заметно в речи молодых (родившихся после 1965 года) людей, и особенно молодых женщин: артикуляция [u:] стремительно продвигается вперед, а артикуляция [æ] существенно оттягивается. Лидирующие позиции занимают наиболее урбанизированные регионы, особенно Торонто и Ванкувер – самые крупные англоговорящие города в Канаде. В речи мужчин, особенно тех, кто проживает в регионах со значительно меньшей степенью урбанизации, напротив, сохраняется более консервативная, оттянутая артикуляция [u:].

Смещенная к центру артикуляция [u:] в настоящее время отмечается в разной степени во многих районах США: в Мидлэнде, на юге Соединенных Штатов, и даже в RP, но в Канаде она проявляется наиболее заметно.

Отличительной чертой канадского произношения можно считать реализацию двух дифтонгов: [ou] и [ei]. Незначительная централизация ядра в [ou] наблюдается на большей части территории Канады, но в провинциях Альберта, Саскачеван, Манитоба и в самых урбанизированных городах Канады, Торонто и Ванкувере, ее артикуляция становится более продвинутой. Тенденция к централизации отмечается и во многих районах Соединенных Штатов.

Канадский звук [ei], в отличие от британского и американского вариантов, имеет достаточно консервативную, периферическую, артикуляцию, при этом женщины демонстрируют еще более продвинутые варианты, чем мужчины [Boberg 2010].

Интересно отметить, как канадский вариант адаптирует заимствованные слова с буквой «а» в ударной позиции (*macho, pasta, plaza, lava*). Ч. Боберг [Boberg 2009] отмечает, что большинство таких слов (72%) произносятся одинаково в британском и американском вариантах, а именно, со звуком [ɑ:]. В оставшихся 28 % слов британский вариант предпочитает [æ], а американский [ɑ:]. В канадском варианте такие слова чаще произносятся с [æ]: *drama, lava, Slavic*. Звук [ɑ:] используется только в словах, где [æ] невозможен фонологически: *bra, spa* и в некоторых отдельных словах: *macho, taco, Vietnam, karate*.

Последние данные, тем не менее, свидетельствуют о том, что иногда в речи молодежи в этих словах реализуется звук, промежуточный по качеству между [ɑ:] и [æ]. В канадском варианте этот звук используется чаще – в 22 % проанализированных слов, в американском – в 11 %.

Проведенный анализ позволил Ч. Бобергу сделать следующий вывод: эта тенденция будет развиваться, и в будущем возможно появление новой фонемы в вокалической системе канадского варианта.

Среди последних тенденций в произношении Ч. Боберг выделяет две инновации: 1) в речи молодых людей участились случаи палатализации [s] в [str], как в словах *street, destroy*; 2) в определенном артикле *the* и в предлоге / частице *to* в положении перед гласными как в *the apple, to Ann* реализуется нейтральный гласный [ə] как в *the pear, to Bill*.

Среди бритицизмов в канадском английском можно назвать произношение таких слов, как *lieutenant, shone, lever, leisure, adult, syrup, Basil*. Название буквы алфавита Z произносится как в британском: [zed]. Американский вариант [zi:] в Канаде известен, но относится к осуждаемым. Британскому варианту отдается предпочтение в произнесении слов с ударным компонентом *aqua-* ['ækwə]: *aquamarine, aquanaut*. Американский вариант реализуется как ['ɑ:kwə]. Слова *either / neither* могут употребляться в обеих формах, британской и американской. Ограниченное количество слов имеет особое, канадское, произношение: *asphalt* ['æʃfɒlt], *tom* [mɒm].

Выводы

Канадский английский принадлежит к его североамериканской разновидности и вследствие этого сохраняет многие фонетико-фонологические черты американского варианта. Распространение в Канаде CNN, популярных американских телесериалов и других образцов поп- и массовой культуры способствуют сближению этих двух акцентов.

Однако издание канадских словарей *Gage Canadian Dictionary* и *Canadian Oxford Dictionary*, особенно публикация «Атласа североамериканского варианта английского языка», в котором были представлены карты США и Канады с нанесенными изоглоссами распространения фонетических явлений, убедительно доказали наличие отличительных черт канадского произношения на сегментном уровне. К таковым, без сомнения, относят прежде всего *Канадский сдвиг* и *Канадский подъем*. Именно в этих процессах проявляется национальная канадская идентичность в произношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шахбагова Д. А.* Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М. : Фолис, 1992. 284 с.
- Шевченко Т. И.* Теоретическая фонетика английского языка, 2-е изд. М. : Высшая школа, 2009. 191 с.
- Шевченко Т. И.* Социофонетика, 2-е изд. М. : Ленанд, 2016. 240 с.
- Boberg Ch.* The Emergence of a new phoneme: Foreign (a) in Canadian English // *Language Variation and Change*. 2009. V. 21. # 3. P. 355–380.
- Boberg Ch.* The English Language in Canada. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 272 p.
- Boberg Ch.* Reshaping the Vowel System: An Index of Phonetic Innovation in Canadian English // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2011. Vol. 17. #. 2. P. 20–29.
- Clarke S.* Nooz or nyooz?: The Complex Construction of Canadian Identity // *The Canadian Journal of Linguistics*. 2006. V. 51. # 2/3. P. 225–246.
- Clarke S., Elms F., Youssef A.* The Third dialect of English: Some Canadian evidence // *Language variation and Change*. 1995. Vol. 7. # 2. P. 209–228.
- Collins Gage Paperback Dictionary*. Collins Gage, 2006. 1024 p.
- Dailey-O’Cain J.* Canadian Raising in a Midwestern U.S. city // *Language variation and Change*. 1997. Vol. 9. # 1. P. 107–120.
- Dolinger S.* Academic and public attitudes to the notion of ‘standard’ Canadian English // *English Today*. 2011. Vol. 27. # 4. P. 3–9.
- Hall K.* Canadian Raising revisited: evidence for a gradient, lexicon-based approach // *Proceedings of the 24th West Coast Conference on Formal Linguistics / John Alderete et al. (eds.)*. Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project. 2005. P.191–199.
- Labov W., Ash Sh., Boberg, Ch.* The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Mouton de Gruyter. 2006. 335 p.
- Ladefoged P.* A Course in English Phonetics. 5th ed. Thomson Wadsworth. 2005. 289 p.
- Wells J. C.* Accents of English. Cambridge : Cambridge University Press. 1982. 673 p.

УДК 81'373

М. А. Демина

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: malvinademina@rambler.ru

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются актуальные тенденции развития новостного дискурса в средствах массовой информации, в частности на телевидении, вызванных рядом причин, главным образом – глобализацией информационной среды и усиливающейся конкуренцией социальных СМИ. Наиболее значительно данные изменения претерпевает формальная сторона новостного дискурса, в которую всё чаще привносятся элементы развлекательности и интерактивности, выражающиеся в чрезмерной визуализации и снижении формальности подачи информации.

Унификация новостного формата особенно сказывается на речевой манере преподнесения информации ведущими. Глобальные информационные агентства сегодня навязывают свои эффективные речевые практики национальным СМИ, которые, в погоне за рейтингами и конкурентоспособностью, заимствуют англоязычные коммуникативные стратегии, часто противоречащие ценностям ориентирам национальных культур.

Ключевые слова: интернационализация; медиадискурс; новостной дискурс; телевидение; социальные медиа; глобализация; медиавоздействие; заимствование; англоязычные коммуникативные стратегии.

Demina M. A.

Associate professor, the Department of English Phonetics, The Faculty of the English Language: e-mail: malvinademina@rambler.ru

INTERNATIONALIZATION OF NEWS DISCOURSE

This article examines current trends in the development of news discourse, particularly on television, under the pressure of globalization in information markets and growing competition from social media. The most significant are changes in presentation of the news discourse, with the formalities of imparting information giving way to increased use of visual techniques as part of a growing dependence on elements of entertainment value and interactivity.

Increased uniformity of the news format has a particular impact on newsreaders' verbal presentation of information. Global news agencies now impose their own effective speech practices on the national media of individual countries, which borrow English communicative strategies in the competition for ratings that often run contrary to the values of their national cultures.

Key words: internationalization; media discourse; news discourse; television; social media; globalization; media influence; borrowing; English communicative strategies.

Введение

В современном мире глобализационные процессы неизбежно приводят к интеграции и унификации различных информационных потоков в единый формат, диктуемый стандартами западных медиа. Данную тенденцию, охватившую современное информационное пространство и протекающую на фоне фундаментальных процессов в экономике стран, регионов и всего мира в целом, можно назвать *интернационализацией* средств массовой информации.

Термин *интернационализация*, пришедший из политической и экономической сфер и традиционно относящийся к адаптации национальных продуктов к международным критериям в процессе развития и укрепления отношений между странами, в последнее время активно применяется и в других областях знания, которые также затронуты процессами глобализации. Информационная среда, довольно часто представляемая как рынок, на котором информация циркулирует от производителя к потребителю, сегодня активно пользуется стратегиями интернационализации, осваивая всё новые коммуникативные технологии с целью систематической интеграции международной составляющей в национальное информационное пространство. При этом новости становятся главным глобальным медиапродуктом, пользующимся стабильным спросом в различных странах мира.

Под *интернационализацией новостного дискурса* в данной статье понимается развитие формы и содержания этого медиапродукта в контексте общемировых тенденций согласно требованиям глобального информационного рынка. Стремительное развитие коммуникационных технологий сегодня обеспечивает распространение новостей по всему миру за считанные секунды. Неудивительно, что данное обстоятельство провоцирует появление схожих формантных признаков и коммуникативных стратегий транслирования новостей, способствуя формированию и укреплению унифицированного глобального новостного дискурса.

Признаки интернационализации новостного дискурса: конкуренция с социальными СМИ

В современном мире центральная роль отводится интеллектуальным технологиям и умению ими пользоваться. Глобальные

информационные потоки, Интернет и компьютерные технологии привели к образованию нового коммуникативного пространства и особого цифрового общества, члены которого находятся в постоянном контакте – непрерывной интерактивной связи. Неудивительно, что официальные средства массовой информации сегодня вступают в жесткую конкуренцию с социальными СМИ (social media), к которым принято относить обмен информацией между пользователями в сети Интернет. При этом стоит заметить, что сама функция создания информационного пространства постепенно переходит от официальных информагентств к социальным сетям, основными преимуществами которых являются доступность, оперативность, реагирование в реальном времени, интерактивность, полифония оценок, полимодальность, неформальность и т. п. Огромное значение для современного человека имеет также возможность личного выбора интересующего контента без необходимости тратить время на ненужную и лишнюю информацию.

Среди основных преимуществ социальных СМИ можно также отметить так называемую ко-продукцию контента, при которой каждый пользователь Глобальной сети может участвовать в создании информационной среды в качестве соавтора: корреспондента, репортера, комментатора, экспертного гостя и т. п. Такое «коллективное авторство», являющееся результатом прямого взаимодействия людей и выражающее сопричастность каждого пользователя к конечному медиaproдукту, привлекает современное поколение гораздо больше, нежели готовые новости на телевидении. Немаловажно также, что в процессе взаимодействия вырабатывается определенная оценка медиасобытия большинством, которая, предположительно, вызывает больше доверия у аудитории, чем односторонняя манера подачи новостей в официальных СМИ.

Вполне очевидно, что новостные выпуски, которые проходят несколько стадий профессиональной подготовки, находятся сегодня в крайне затруднительном положении, поскольку буквально каждый человек способен узнать актуальную информацию за считанные секунды со своего мобильного устройства. В этих непростых условиях современные медиакомпании стараются развиваться в духе времени и, стремясь удержать телеаудиторию и, по возможности, привлечь новую, молодую, адаптируют свой новостной продукт к бурному и полифункциональному стилю

жизни современного человека. Перемены, которые претерпевает телевизионный новостной дискурс на данном этапе, охватывают как формат информационных выпусков, так и их содержательную сторону.

Интерактивность новостей

Интерактивность в современных информационных выпусках в основном выражается в модификации традиционной официальной подачи новостей. Информирование на телевидении всё больше напоминает непринужденную беседу телезрителя с давним знакомым. Вместо авторитарной манеры диктора аудитория всё чаще наблюдает более неформальный диалог ведущего с корреспондентом или приглашенным экспертом. Атрибутом современного телевизионного новостного стиля стал также дружеский обмен репликами между самими дикторами, ведущими разные рубрики, который как бы обрамляет отдельные информационные блоки. Это, по всей вероятности, снижает «градус» формальности и привносит определенный динамизм в новостную студию.

Представляется, что «правильное» зрительское впечатление складывается под контролем редакции теленовостей и является главным критерием ее эффективной работы. Так, в целях повышения доверия аудитории новостные телеканалы прибегают к созданию эффекта «свой человек», роль которого исполняет хорошо знакомое телезрителям медийное лицо. В простой, доверительной манере ведущий обсуждает с телезрителем содержание новостей, давая понять, как стоит трактовать событие и что случившееся означает на самом деле. При этом ведущий теленовостей всё реже статичен и всё чаще перемещается по студии, позволяя телезрителям увидеть себя в полный рост и оценить свои физические параметры. Все эти приемы, на наш взгляд, способствуют укреплению в сознании телеаудитории мысли о том, что перед ними находится конкретный, хорошо знакомый человек, которому можно верить.

Другим приемом повышения интерактивности новостей является проведение (под предлогом выявления общественной оценки события) различных онлайн-опросов и голосований, направленных на привлечение более молодой и активной аудитории. Данная тактика позволяет телеканалам подарить пассивному участнику коммуникационного процесса голос и возможность выразить

собственное мнение. Эффективность приема заключается также в том, что благодаря ему в эфире создается иллюзия плюрализма мнений. При этом дополнительным манипулирующим эффектом становится выявляемая в процессе подсчетов оценка «большинства», которая признается как закономерная и правильная, а сомневающимся и неопределившимся телезрителям ничего не остается, как присоединиться к мнению доминирующей группы респондентов.

Развлекательность новостей

По результатам недавних социологических исследований, концентрация внимания у зрелой аудитории сократилась с 12 до 5 минут [Fisher 2013], а по последним данным Microsoft, люди теряют интерес уже после 8-й секунды, что, по всей видимости, представляет собой меньше способности к концентрации, чем у рыб [Mcspadden 2015]. Эти неутешительные данные свидетельствуют о значимых, возможно, необратимых изменениях в психических процессах современного цифрового поколения. В этих обстоятельствах телеканалы вынуждены повышать уровень развлекательности информационных программ за счет привлечения более разнообразного контента и увеличения визуализации материала. Так, одним из нововведений в новостных выпусках стал интерактивный экран, создающий эффект «картинки в картинке», которым диктор может управлять как мобильным устройством: «листать» кадры, останавливать видеозапись, перематывать, увеличивать мелкие детали, выделять цветом значимые элементы и т. п. Всё это, предположительно, призвано вовлечь и увлечь телезрителя, погрузив его с головой в медиасобытие и, тем самым, повысить эмоциональный накал информационной подачи.

При этом, на наш взгляд, СМИ запускают опасный механизм подмены понятий: быстрая смена ярких кадров стимулирует упрощенную, поверхностную обработку информации по принципу «видишь – значит, знаешь». Визуальная «картинка» предлагает готовый ответ, результат без необходимости его предварительной и дальнейшей когнитивной обработки. Таким образом, информация подается в готовой, сжатой визуальной форме, и необходимость ее критически осмысливать, анализировать, систематизировать отступает на задний план. В результате новостные выпуски

всё больше напоминают детские книги, в которых красочные иллюстрации чередуются с минимальным текстом, как правило, ритмичным, задающим динамизм повествованию.

Данный тип сознания описывается в научной литературе как «клиповое» (от *англ.* clip – фрагмент, отрезок), или «мозаичное» [Моля 2008; Кара-Мурза 2015]. Исследователи отмечают, что при «клиповом» сознании человек мыслит не понятиями и логическими связями, а, главным образом, ситуациями, картинками и эмоциями [Колдасов 2012]. При этом подаваемая с высокой скоростью информация легко впечатывается в подсознание, мгновенно преодолевая барьер осознанного восприятия [Докука 2013]. В итоге телезритель воспринимает действительность как хаотичный набор визуальных всплесков отдельных аспектов жизни, которые за счет своей интенсивности, яркости и скорости создают иллюзию целостного восприятия мира.

«Национализация» содержания новостей

Полная интернационализация новостного дискурса предполагает, что национальная специфика не должна быть определяющей в транслировании новостей и влиять на трактовку того или иного медиасобытия. Однако в современных средствах массовой информации отчетливо выделяются две противоборствующие тенденции: желание развиваться как часть глобального медиарынка сосуществует с агрессивной защитой и продвижением национальных интересов на международной арене. Данное противоречие сегодня свойственно различным сферам жизнедеятельности и является, пожалуй, основным парадоксальным трендом в эпоху глобализации. Конфликт между глобальным и национальным в СМИ решается в виде своеобразного компромисса – «интернационализации» формы преподнесения новостей и «национализации» содержания новостного дискурса. Последнее стереотипно выражается в резкой реакции на привнесенное извне, неродное и противопоставлении внутренних культурных идеалов внешнему, враждебному миру.

В. В. Орлова отмечает, что доминирование западных СМИ на мировом информационном рынке провоцирует дебаты о медиаимпериализме, ведущем к «вестернизации», гомогенизации и синхронизации культур по модели доминирующей формы, которая часто не имеет связи с реальностью большинства стран [Орлова 2012].

Таким образом, глобальный медиарынок навязывает ценности чуждой культуры и препятствует выражению и укреплению национальной идентичности.

Неудивительно, что в подобных условиях интернационализация формы новостного дискурса провоцирует обратный процесс в его содержании: защитные механизмы медиавоздействия направлены на сохранение национальной специфики и самосознания аудитории. В этом отношении новости всегда выражают определенную позицию телеканала, идейность, близкую определенной массе потенциальных потребителей. Как это ни парадоксально, беспристрастная, нейтральная подача информации, о которой так часто говорят, не привлекает внимание широкой аудитории. Телезритель идет за четкой позицией, за идеологической установкой, противопоставленной информационному хаосу социальных СМИ.

Действительно, при всей сложности ситуации телевизионные новости по-прежнему остаются качественным медиапродуктом, над которым каждый день трудится целая команда специалистов. Профессиональные журналисты организуют для аудитории навигацию в нескончаемом потоке информации, создавая иерархию новостей, разделяя их на блоки, расставляя акценты, облегчая их когнитивную обработку. Сегодня телевизионные новости – это своеобразный фильтр, выделяющий только релевантное и заслуживающее внимание.

Содержательно-фактуальная недостаточность новостей на фоне информационной избыточности

На сегодняшний день существуют новостные каналы, на которых информационные выпуски повторяются через полчаса. Специфика подобного формата предполагает, что каждые 30 минут в мире происходит событие, достойное общественного внимания, что, разумеется, не находит отражения в реальной действительности. В итоге на современном телевидении наблюдается круглосуточная циркуляция одной и той же информации, обеспечивающая наполненность эфира в отсутствие значимых событий.

В случае же резонансного события диктор в студии, опираясь на видеокadres с места происшествия, заполняет эфирное время очевидными фразами с многочисленными повторами, описывающими

предоставленный видеоматериал. Подобное дублирование визуального канала вербальным комментарием в режиме он-лайн без подготовки создает огромный информационный массив на основе ограниченного количества фактов, вызывая при этом наложение объективной и субъективной, подтвержденной и непроверенной информации в сознании телеаудитории.

Таким образом, можно обозначить еще один парадокс современных СМИ – это информационная избыточность в условиях содержательно-фактуальной недостаточности. Представляется, что информационная избыточность на телевидении является результатом напряженной конкурентной борьбы за аудиторию с социальными сетями, в которых резонансное событие за считанные секунды «обрастает» огромным количеством ссылок на все возможные детали случившегося, а также многочисленными комментариями от пользователей по всему миру. Подобная информационная избыточность присутствует, по замечанию исследователей, и в печатных СМИ, выражаясь в масштабном освещении значимых событий, влекущем за собой увеличение объема колонок и количества страниц во многих изданиях [Cameron 2003].

5. «Новояз» современных СМИ

Многие исследователи медиадискурса обратили внимание на то, что «лингвистическая экспансия» в освещении события осуществляется не витиеватыми речевыми оборотами, а, наоборот, реализуется с помощью упрощенных коммуникативных моделей [Cvetanovich, Radovich 2017; Ванько 2017]. Традиционные СМИ всегда отличала определенная экономия языковых средств, их компрессия, вызванная, прежде всего, объективными ограничениями формата. Однако сегодня упрощение языковых средств, на наш взгляд, в большей степени связано с доминирующей интенцией информационного общества доставить сообщение максимально быстро в сжатой, концентрированной, однозначной форме. Короткие текстовые сообщения, которые уже получили широкое распространение в социальных сетях, набирают всё большую популярность у молодого поколения. Концентрация мысли в одном-двух словах или визуальной «картинке», максимальная краткость и прямолинейность сообщения – это те навыки письма, которые сейчас особенно ценятся молодым поколением.

Вполне закономерно, что данная коммуникативная характеристика, являясь глобальной тенденцией сегодня, находит отражение и в новостном формате. Парадоксальный, на первый взгляд, характер коммуникации в современных СМИ, совмещающий в себе одновременно упрощенность и избыточность, представляется связанным с базовыми ценностными ориентирами американского общества, продвигающего прямолинейность, открытость, дружелюбность в общении. В широко известной коммуникативной модели Э. Холла американское общество относится к низкоконтекстным культурам, в которых прямолинейность и открытость собеседников ассоциируется с их искренностью и вырывает безоговорочное доверие [Hall 1992].

Подтверждение высказанной мысли находим также в работах Д. Кэмерон, которая определяет основной лингвистический посыл, навязанный различным культурам в эпоху глобализации, следующим образом: «Используйте свой родной язык, но согласно культурным нормам англоязычного сообщества»¹ [Cameron 2003]. Исследователь приводит яркие примеры того, как политика «интернационализации» межличностной коммуникации активно продвигается в Японии и Венгрии, где жителей мотивируют быть более открытыми, прогрессивными, прозападными в своих взглядах, а их коммуникация должна стать более практически ориентированной, прямолинейной и дружественной. Среди основных принципов «хорошей коммуникации» (*a model of good communication*), насаживаемой в других культурах, Д. Кэмерон упоминает следующие:

- лучше говорить, чем молчать (*speech is preferable to silence*);
- прямолинейность лучше, чем недосказанность (*a preference for directness over indirectness*);
- эгалитаризм в общении лучше, чем дистантность (*a preference for a way of speaking that signals egalitarian social relationships*) [Cameron 2003, с. 28–29].

Нетрудно заметить, что приведенные постулаты во многом объясняют описанные выше противоречия в модернизированной форме новостного дискурса. Исследователь признает, что данные

¹ «It is not a question of telling people ‘you should stop speaking your own language and speak English instead’. Rather it is a question of saying , ‘by all means use your own language, but according to the cultural norms of an English-speaking society’» [Cameron 2003, с. 28].

принципы свойственны, прежде всего, американизированной речевой манере, а их экстраполирование на другие коммуникативные культуры связано исключительно с доминированием западных медиакорпораций на информационном рынке. Д. Кэмерон делает вывод, что дисбаланс в медиасреде заставляет национальные телеканалы следовать глобальному тренду и имитировать чужеродную манеру речи, адаптируя английские коммуникативные практики на родном языке¹. Стоит заметить, что аналогичные выводы были сделаны отечественными исследователями новостного дискурса на основе анализа речевой манеры русскоязычных дикторов современных информационных программ [Веренинова 2011; Demina 2017].

Примечательно, что данные коммуникативные практики навязываются западными медиакорпорациями не только как эффективные стратегии общения, но и как абсолютные вербальные признаки вежливости человека. Подобная однополярная трактовка полностью игнорирует национальную специфику межличностной коммуникации в культурах, в которых индивидуализм и эгалитаризм в общении [Hofstede 2010] не являются концептуальным фундаментом категории вежливости. Национальная специфика вежливости, противопоставленная поверхностному взгляду «универсалистов» на природу общения, была убедительно доказана А. Вежбицкой [Wierzbicka 2003].

Колоссальное влияние американизированной массовой культуры на развитие национальных языков подчеркивают также И. Цветанович и В. Радович. Исследователи выражают опасение о том, что ассимиляция самобытных коммуникативных стилей и культур ведет к их неизбежной симплификации [Cvetanovich, Radovich 2017]. Данный процесс авторы расценивают как намеренную манипуляцию массами со стороны глобальных СМИ и указывают на то, что новая «глобализированная» речь имеет все признаки ограниченного «новояза» тоталитарного общества, блестяще воссозданного Джорджем Оруэллом в его бессмертном произведении «1984».

¹«American talk shows are widely shown outside the US, and they often attract large audiences. This may prompt local media networks to develop their own home-grown imitations, with local participants using the local language, but with marked accommodation to the discourse style of the original» [Cameron 2003, с. 34].

Заключение

В современном мире вырабатывается единый формат преподнесения новостей, связанный, с одной стороны, с доминированием англоязычных СМИ, а с другой – с растущей конкурентной мощью социальных медиа. В условиях глобализации интернационализация новостного дискурса представляет собой закономерный процесс, отвечающий на стремительно возрастающий поток информации, с которым традиционная форма больше не может справиться. В этой связи, чтобы удерживать свое лидерство в производстве новостей, профессиональная журналистика всё чаще опирается на инструменты социальных СМИ и опыт глобальных медиакорпораций. Целью указанных процессов при этом видится интеграция в единое информационное пространство, не ограниченное региональными рамками, на котором локальные медиакомпании получают возможность выражать национальные интересы на международном уровне. В этом смысле интернационализация новостного дискурса как следствие глобализации всего мира является неизбежным шагом в процессе создания и продвижения национально-медиапродукта. Следуя этой глобальной задаче, национальные СМИ вынуждены заимствовать англоязычные коммуникативные практики и стратегии в ущерб национально-специфическим способам трансляции сообщения. Данный факт вызывает опасения у ряда исследователей, которые предполагают, что интернационализация масс-медийного формата и языка СМИ неизбежно приведет к упадку национальных стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ванько Т. Р.* Синтаксис новостных сообщений информационного агентства Bloomberg News // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 11 (784). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 118–126. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_784.pdf (дата обращения 09.01.2018).
- Веренинова Ж. Б.* Формирование фонетических компетенций на первом курсе языкового вуза: Методические приемы и рекомендации // Социофонетика звучащей речи. М. : Рема, 2011. С. 64–75 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (607). Серия Языкознание).

- Докука С. В.* Клиповое мышление как феномен информационного общества. 2013. URL: csosman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193783/169-176-DoKuka.pdf (дата обращения 08.01.2018).
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2015. 464 с.
- Колдасов Г. Д.* Клиповое сознание и особенности языка. 2012. URL: ruskline.ru/analitika/2012/11/12/klipovoe_soznanie_i_osobennosti_yazyka (дата обращения 08.01.2018).
- Моль А.* Социодинамика культуры. М. : ЛКИ, 2008. 416 с.
- Орлова В. В.* Глобальные телесети новостей на информационном рынке. 2003. URL: evartist.narod.ru/text5/68.htm (дата обращения 08.01.2018).
- Cameron D.* Globalizing ‘communication’// *New Media Language* / ed. by Jean Aitchison, Diana M. Lewis. London and New York : Routledge Taylor&Francis Group, 2003. P. 27–35.
- Cvetanovich I., Radovich V.* Language and style in the time of global mass media // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 4 (12). С. 3–7. URL: rulb.org/ru/article/yazyk-i-stil-v-epoxu-globalnyx-smi/ (дата обращения 08.01.2018). doi:10.18454/RULB.12.27
- Demina M.* Vocal shifts in the modernization of Russian news presentation style // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 2 (10). С. 51–55. URL: rulb.org/ru/article/variativnost-melodicheskix-xarakteristik-rechi-v-sovremen-nom-novostnom-diskurse/ (дата обращения 09.01.2018). doi:10.18454/RULB.10.09
- Fisher A.* Giving a speech? Conquer the five-minute attention span. URL: fortune.com/2013/07/10/giving-a-speech-conquer-the-five-minute-attention-span/ (дата обращения 08.01.2018).
- Hall E. T.* Context and Meaning // Gudykunst W. B. & Kim Y. Y. (eds.). *Readings on Communication with Strangers: An Approach to Intercultural Communication*. New York : Mc Graw-Hill, 1992. P. 82–89.
- Hofstede G. I.* *Cultures and Organisations: Software of the Mind*. London : McGraw Hill, 2010. 576 p.
- Mespadden K.* You Now Have a Shorter Attention Span Than a Goldfish. URL: time.com/3858309/attention-spans-goldfish/ (дата обращения 08.01.2018).
- Wierzbicka A.* *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.

ВЛИЯНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СЕГМЕНТНОГО ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СТЫКОВОЙ АЛЛОФОНИИ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

В статье представлены результаты второго этапа перцептивного исследования гендерной вариативности стыковой аллофонии смычно-взрывных согласных /t, d/ в американском произносительном стандарте, в ходе которого выявлялась зависимость реализации предстыковых аллофонов согласных от влияния сегментного и лексического факторов. Аллофония согласных рассматривалась в контексте с постстыковым вокальным компонентом. Под лексическим фактором подразумевается описание гендерной вариативности стыковой аллофонии в зависимости от степени семантической спаянности граничащих знаменательных (З) и служебных слов (С): в рамках фонетического слова (с учетом проклитического и энклитического способа примыкания лексических единиц) и на стыке фонетических слов (типы стыков С#С, З#С, С#З, З#З). Влияние сегментного фактора включает в себя описание гендерной вариативности стыковой аллофонии с учетом качественно-количественных характеристик постстыкового компонента (гласного полного образования, редуцированного гласного, сонанта). Анализ аллофонического варьирования указанных фонем проводился с учетом перцептивных признаков: 1) степень полноты артикуляции; 2) длительность; 3) участие голоса; 4) характер размыкания смычки.

Полученные данные свидетельствуют о том, что тенденция к большей артикуляционной компрессии в мужской речи, выявленная нами в рамках первого этапа перцептивного анализа, обнаруживается и при анализе аллофонической вариативности в зависимости от влияния *лексического фактора*. Полнота артикуляции стыковых аллофонов /t, d/ увеличивается от наиболее семантически связанной последовательности С#С к стыку фонетических слов З#З в обеих гендерных группах. Обратная зависимость наблюдается при частичной реализации стыковых аллофонов. Для речи мужчин отсутствие реализации характерно во всех типах стыков независимо от лексического фактора, наиболее частотное отсутствие реализации фиксируется в стыковых последовательностях С#З и З#З. При реализации признака длительности стыковых аллофонов наблюдается ярко выраженное сокращение сверхкраткой реализации и увеличение краткой реализации от стыка С#С к стыку З#З как в мужской, так и женской речи. При реализации признака участия голоса наблюдается подобная тенденция для обеих гендерных групп, при которой глухие аллофоны чаще реализуются на стыках З#З и З#С. Звонкая

реализация в большей степени характерна для стыков С#С и С#З. Для обеих гендерных групп характерно увеличение реализации предстыковых согласных /t, d/ со слабым ротовым взрывом от стыка С#С к стыку З#З. Уменьшается частотность реализации без ротового взрыва в этом же направлении как в речи мужчин, так и в речи женщин, однако эллиптирование согласного превалирует в мужской речи во всех типах стыка. Наличие гортанной смычки является характерным признаком женской артикуляции, которая значительно чаще реализуется женщинами в аналогичных стыковых последовательностях. Анализ влияния *сегментного фактора* на признаки стыковых аллофонов по двум гендерным группам также выявляет характерную для мужской речи артикуляционную редукцию, которая заключается в использовании на стыке с гласным полного образования частично реализованных кратких глухих или звонких аллофонов, сопровождающихся слабым ротовым взрывом или ротовой взрыв отсутствует. На стыке с редуцированным гласным дикторы-мужчины чаще реализуют сверхкраткие аллофоны, при этом ротовой взрыв также отсутствует. При реализации стыков с сонантами наиболее явная межгендерная вариативность обнаруживается при реализации гортанной смычки. В женской речи преобладает использование гортанной смычки в данном типе стыка, в мужской речи, вследствие наиболее частого по сравнению с женщинами эллиптирования /t/, реализация гортанной смычки наблюдается значительно реже.

Ключевые слова: перцептивный анализ; гендерная вариативность; смычно-взрывные согласные; стыковая аллофония; полнота артикуляции; длительность; участие голоса; характер размыкания смычки; лексический фактор; сегментный фактор.

Kartashevskaya Y. V.

Ass. Prof., Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: juliakar@mail.ru

INFLUENCE OF LEXICAL AND SEGMENTAL FACTORS ON THE REALIZATION OF WORD BOUNDARY ALLOPHONY IN AMERICAN ENGLISH (GENDER ASPECT)

The results obtained at the second stage of the auditory analysis of gender variation of American English stop consonants /t, d/ realization at a word boundary are presented in the article. The goal of this study is to determine the influence of lexical and segmental factors on the production of word boundary allophony. The influence of the *lexical factor* on word boundary allophony involves the analysis of semantic coherence of bounded sequences, either notional words (N) or functional words (F): within phonetic words (or rhythmic groups) (including proclitic or enclitic types of juncture) and at the juncture between the phonetic words, i.e. sequences F#F, N#F, F#N, N#N. The influence of the *segmental factor* on word boundary allophony includes the analysis of qualitative and quantitative characteristics of the second (vocalic) word juncture component (a full vowel, a reduced vowel or a sonorant). The perceptual analysis of the stop consonants

/t, d/ was based on the following characteristics: 1) completeness of articulation; 2) duration; 3) work of the vocal cords; 4) closure/release articulation patterns.

The data of the present research correlate with the findings of the previous auditory analysis of allophonic variation, suggesting regular articulatory reduction of consonants in male speech. Completeness of /t, d/ articulation increases from the semantically coherent sequence F#F to the sequence of words with less close semantic contact N#N. A reverse dependence is observed in the production of partially realized allophones. Male speech is characterized by the absence of allophonic realization regardless of the lexical factor, with the most frequent elision occurring at word junctures F#N and N#N. A frequent use of glottalization is a distinctive feature of female allophonic realization. The findings suggest a number of common perceptual features that were recorded in the realization of word boundary allophones in both gender groups: 1) realization of extra-short allophones significantly decreases and, consequently, the number of short allophones increases from F#F juncture to N#N juncture; 2) realization of voiceless allophones is more frequently observed in N#N and N#F junctures, and voiced allophones occur in F#F and F#N to a greater extent; 3) the production of allophones realized with a weak plosion increases from F#F juncture to N#N juncture; 4) realization with zero plosion decreases in the same direction. The influence of the segmental factor reveals articulatory compression of juncture allophones in male speech, which was recorded in previous research: 1) at the juncture with a full vowel the allophones have the tendency towards voiceless /voiced partial realization produced with a weak or a zero plosion; 2) at the juncture with a reduced vowel extra-short allophones are realized with a zero plosion more frequently in male speech; 3) at the juncture with a sonorant the most distinctive feature is the occurrence of glottalization in female production and /t/-elision with less frequent glottal replacement in male speech.

Key words: auditory analysis; gender variation; stop consonants; word boundary allophony; completeness of articulation; duration; work of the vocal cords; closure/release articulation patterns; lexical factor; segmental factor.

Введение

Проблема аллофонического варьирования фонем английского языка и, в частности, стыковых позиционных вариантов, является предметом многочисленных лингвистических исследований [Потапова 1963, 1981; Ким 1980; Крешина 1981; Лебедева 1987; Торсуев 1975; Lehiste 1960; Nakatani, Dukas 1977]. Аллофония на стыках лексических единиц признается исследователями в качестве средства делимитации речевого потока и является пограничным сигналом, представляющим сегментный фонетический уровень языка. Однако, по мнению Л. Д. Лебедевой, недостаточно изучена взаимосвязь между функционированием стыковой аллофонии

и средствами делимитации супraseгментного уровня, что, в первую очередь, представляет особую значимость для стыковых последовательностей с гласным звуком в силу отсутствия в данном контексте фонематического пограничного сигнала, однозначно указывающего на стык [Лебедева 2003].

О важной роли стыковой аллофонии свидетельствуют результаты экспериментов по выявлению перцептивных «ключей» стыка, проведенных Накатани и Дьюксом, которые позволяют говорить о доминирующей роли качественных пограничных сигналов (стыковой аллофонии) на перцептивном уровне, в то время как количественные сигналы (длительность, интенсивность, скорость формантных переходов) являются маркерами стыка на акустическом уровне [Nakatani, Dukes 1977]. Наиболее значимыми качественными характеристиками стыковых фонем, которые отчетливо распознаются слушающими в качестве пограничных сигналов, являются: гортанная смычка, или ларингализованное начало гласного в инициальной позиции слова (*known /ʔ/ocean* vs. *no notion*); аллофоны /l/ и /ɾ/ в финальной и в инициальной позиции слова (*we loan* vs. *we'll own*; *two ran* vs. *tour an*); аспирация инициального /t/ (*play taught*) vs. гортанная смычка перед инициальным гласным (*plate /ʔ/ought*). Как утверждают авторы, количественные пограничные сигналы, напротив, являются слабовыраженными перцептивными сигналами стыка лексических единиц и выступают в качестве второстепенных маркеров стыка.

Проведенный Л. Д. Лебедевой аудиторский анализ влияния сегментного¹ и супraseгментного факторов на полноту реализации стыковых согласных фонем позволил выделить два типа модификаций стыковых согласных по степени влияния рассматриваемых факторов – *функциональные* (участвующие в смысловой сегментации речи), вызванные супraseгментными условиями их реализации, и *фоновые*, зависящие от сегментного состава стыковых согласных. Полученные результаты свидетельствуют о превалировании супraseгментного фактора над сегментным в степени влияния на стыковую аллофонию [Лебедева 2012].

¹ В качестве сегментного фактора автор рассматривает зависимость аллофонической вариативности стыковых согласных звуков от сегментного состава стыковых согласных кластеров [Лебедева 2012].

Цели и задачи исследования

В статье представлены результаты второго этапа перцептивно-го исследования гендерной вариативности стыковой аллофонии смычно-взрывных согласных /t, d/ в американском произносительном стандарте, в ходе которого выявлялась зависимость реализации стыковых аллофонов, находящихся в контексте с постстыковым вокальным компонентом (С#V), от влияния сегментного и лексического факторов. Анализ аллофонического варьирования указанных фонем проводился с учетом следующих перцептивных признаков:

- 1) *степень полноты артикуляции* (полная / частичная реализация, отсутствие реализации);
- 2) *длительность* (сверхкраткий, краткий, долгий);
- 3) *участие голоса* (глухой, полужвонкий, звонкий);
- 4) *характер размыкания смычки* (сильный ротовой взрыв, слабый ротовой взрыв, отсутствие ротового взрыва, гортанная смычка).

Основные задачи данного этапа исследования:

1. Проведение анализа частотности стыковых последовательностей С#С, З#С, С#З, З#З с целью анализа зависимости реализации перцептивных признаков от *лексического фактора*¹.
2. Выявление частотности постстыкового вокального компонента с целью исследования влияния *сегментного фактора*² на реализацию перцептивных признаков.
3. Анализ влияния лексического фактора на степень реализации рассматриваемых признаков; выявление гендерно маркированных признаков стыковой аллофонии с учетом влияния лексического фактора.

¹ Под лексическим фактором подразумевается описание гендерной вариативности стыковой аллофонии в зависимости от степени семантической спаянности граничащих лексических единиц (внутри фонетического слова (с учетом проклитического и энклитического способа примыкания лексических единиц) и на стыке фонетических слов): С#С – служебное + служебное слово, З#С – знаменательное + служебное слово, С#З – служебное + знаменательное слово, З#З – знаменательное + знаменательное слово.

² Под сегментным фактором подразумевается описание гендерной вариативности стыковой аллофонии с учетом качественно-количественных характеристик постстыкового компонента: гласный полного образования, редуцированный гласный, сонант.

4. Анализ влияния сегментного фактора постстыкового вокального компонента на степень реализации рассматриваемых признаков; выявление гендерно маркированных признаков стыковой аллофонии с учетом влияния сегментного фактора.

Вариативность стыковой аллофонии с учетом лексического фактора

На необходимость учитывать двустороннее влияние взаимосвязанных факторов семантического и фонетического уровней при интерпретации признаков аллофонического варьирования фонем указывают в своей работе Р. К. Потапова и В. В. Потапов [Потапова, Потапов 2012]. В ряде исследований пограничных сигналов выявлена зависимость между степенью семантической спаянности контактирующих значимых единиц и степенью аллофонической модификации стыковых фонем. Так, с ослаблением семантического контакта значимых единиц текста ослабляется фонетический контакт компонентов стыка, что выражается в более полной количественно-качественной реализации стыковых фонем. И наоборот, с усилением семантической связности усиливаются аллофоническое взаимовлияние и взаимопроникновение тех или иных признаков компонентов стыка [Потапова, Потапов 2012; Лебедева 2003].

Результаты анализа реализации перцептивных признаков в зависимости от лексического фактора в мужской и женской речи (см. рис. 3), а также частотность стыковых последовательностей С#С, З#С, С#З, З#З (см. рис. 1) позволяют выявить возможную гендерную маркированность стыковой аллофонии с учетом данного фактора.

Как видно из результатов (см. рис. 3), наблюдаемая тенденция к большей артикуляционной компрессии в мужской речи, выявленная нами ранее, обнаруживается и при анализе аллофонической вариативности в зависимости от семантической связности стыковых последовательностей [Карташевская 2017].

Так, при реализации семантически спаянных лексических единиц на стыках С#С и З#С *бóльшая степень полноты артикуляции* заключается в преобладании полной артикуляции в женской речи (10 % vs. 0 %) и меньшем использовании частичной реализации по сравнению с дикторами-мужчинами (62 % vs. 72 %). На границах же лексических единиц, находящихся в позициях стыка

фонетических слов или в проклитической позиции (С#З и З#З), отмечается значительное увеличение полной реализации в женской речи почти в 2 раза как на стыке С#З (24 % – мужчины vs. 46 % – женщины), так и на стыке З#З (44 % – мужчины vs. 84 % – женщины). Соответственно, для речи мужчин в этих стыковых последовательностях характерно отсутствие реализации, отмечаемое как на стыках С#З (24 % vs. 4 %), так и на стыках З#З (24 % vs. 0 %).

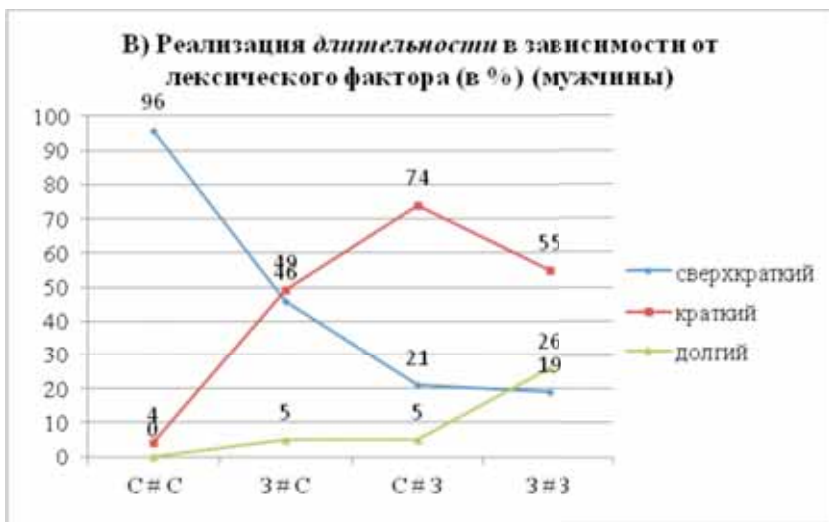
Рис. 1. Частотность лексических единиц в составе стыковых последовательностей (в %)

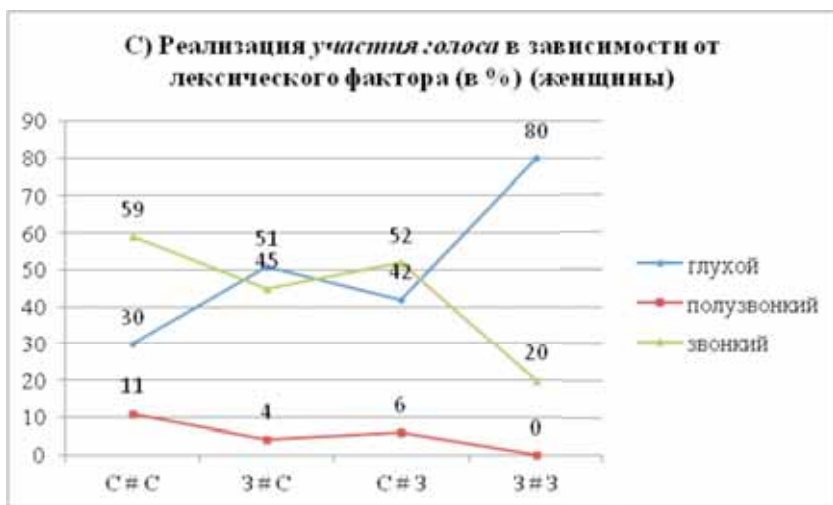
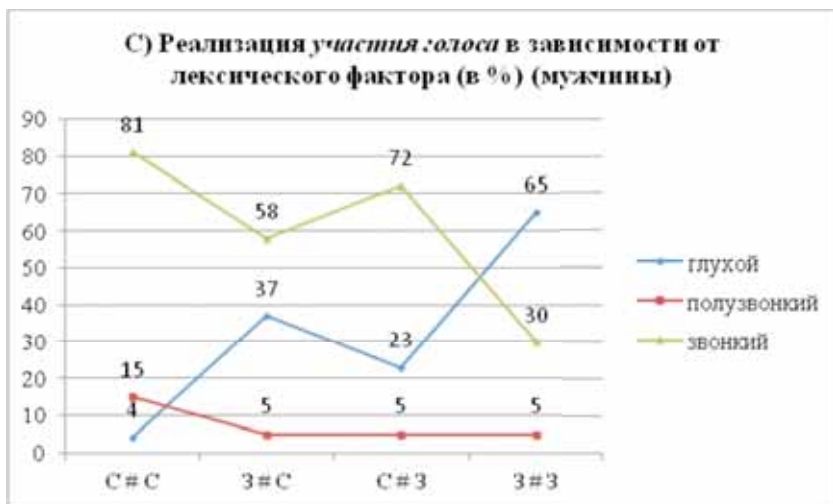
При анализе *длительности* аллофонов в женской речи наблюдается более выраженное увеличение длительности согласных от позиции С#С (тесная семантическая связь) к стыковой позиции З#З (ослабление семантического контакта). Менее частотная в женской речи сверхкраткая реализация сокращается с 74 % (стык С#С) до 0 % (стык З#З), в мужской речи – с 96 % до 19 %. Для женщин характерно использование долгой реализации во всех стыковых позициях, а также частотность долгой (= полной реализации) превышает данные показатели у мужчин (за исключением стыка С#З).

сверхкраткая реализация (%)	С#С	З#С	С#З	З#З
мужчины	96	46	21	19
женщины	74	35	9	0
долгая реализация (%)				
мужчины	0	5	5	26
женщины	5	13	4	36

Рис 3. Реализация перцептивных признаков в зависимости от лексического фактора (в %) (мужчины vs. женщины)

Перцептивный признак *участия голоса* является ярко выраженным гендерно маркированным показателем вариативности на сегментном уровне. Так, доминирование перцептивного признака глухости реализации в женской речи по всем анализируемым стыковым позициям и, соответственно, признака звонкости в мужской речи (см. рис. 3) является еще одним подтверждением артикуляционной полноты реализации признака глухого смычно-взрывного /t/, присущей женской речи. Таким образом, можно говорить о существующей в АЕ прямой зависимости между степенью семантической спаянности стыковых единиц и признака участия голоса: при тесном контакте велика вероятность реализации звонкого аллофона /t/, при большей независимости единиц стыка реализуется глухой вариант¹.

глухой (%)	С#С	З#С	С#З	З#З
мужчины	4	37	23	65
женщины	30	51	42	80
звонкий (%)				
мужчины	81	58	72	30
женщины	59	45	52	20

По *характеру размыкания смычки* предстыковых /t, d/ в зависимости от семантической спаянности граничащих лексических единиц в обеих гендерных группах наблюдается тенденция к увеличению частотности реализации слабого ротового взрыва от стыка С#С к стыку З#З. Отсутствие ротового взрыва значительно чаще фиксируется в мужской речи, что характерно для всех стыковых позиций.

слабый ротовой взрыв (%)	С#С	З#С	С#З	З#З
мужчины	3	40	46	70
женщины	10	52	50	88

¹Однако заметим, что в позиции З#С как в мужской, так и в женской речи чаще реализуются глухие аллофоны по сравнению со стыком С#З (37 % и 23 % – мужчины, 51 % и 42 % – женщины), что может быть объяснено рядом причин: 1) наличием кластеров *st, kt*, препятствующих озвончению или выпадению /t/ в данной позиции ('district of, 'picked up, 'cost of); 2) наличием краткой паузы между стыковыми последовательностями ('foot \dot{V} and); 3) эмфатической выделенностью предстыкового слова ('strut around, 'thought was).

отсутствие ротового взрыва (%)				
мужчины	85	54	27	25
женщины	58	31	4	0

В речи мужчин и женщин наблюдается подобная тенденция реализации гортанной смычки с учетом лексического фактора, которая заключается в отсутствии прямой зависимости стыковой глоттализации от степени семантической спаянности стыковых лексических единиц.

гортанная смычка (%)	С#С	З#С	С#З	З#З
мужчины	12	4	27	5
женщины	28	13	46	0

Как видно из результатов перцептивного анализа, появление гортанной смычки чаще отмечается аудиторами в проклитическом типе стыка С#З, подразумевающим наличие ударения на постстыковом слове (that 'itchy, that re'quired, but 'Mrs) (27 % – мужчины и 46 % – женщины). В женской речи в 28 % случаев стыковые последовательности С#С реализуются с гортанной смычкой, выступающей в качестве маркера дискретности речевого потока, которая сигнализирует о наличии паузы или просодической выделенности постстыкового элемента в данном типе стыка (внутри фонетического слова): foot \check{V} and, it \check{V} in, it \check{V} would, it \check{V} was. В стыковой позиции З#З глоттализация почти отсутствует за счет наличия предстыковых консонансов *nt*, *st* (first morning, different idea, almost immediately, can't imagine), которые имеют либо полную реализацию в речи женщин, либо реализуется назальный флэп, характерный для мужской речи. При этом, как отмечалось ранее, дикторы-женщины значительно чаще мужчин используют стыковую глоттализацию в своей речи [Карташевская 2017].

Вариативность стыковой аллофонии с учетом сегментного фактора

Сводные результаты реализации перцептивных признаков предстыковых смычно-взрывных согласных в зависимости от сегментного фактора представлены на графиках рис. 4. На графике (см. рис. 2) приводятся данные частотности постстыкового вокального компонента, представленного следующими звуковыми классами: гласный полного образования, редуцированный гласный и сонант.

Рис. 2. Частотность постстыкового вокального компонента (в %)

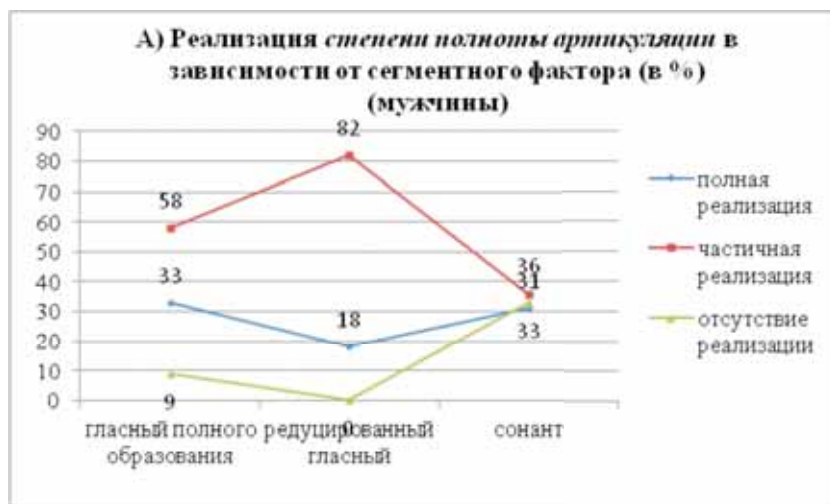
Наиболее частотные перцептивные характеристики стыковых аллофонов с учетом влияния сегментного фактора по двум гендерным группам представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Перцептивные характеристики аллофонов /t, d/ в позиции С#V
в зависимости от влияния сегментного фактора**

		Мужчины		
№	С# гласный полного образования	С# редуцированный гласный	С# Сонант	
1.	частичная реализация	частичная реализация	полная / частичная реализация; отсутствие реализации	
2.	краткий	сверхкраткий	краткий	
3.	звонкий / глухой	звонкий	глухой / звонкий	
4.	сопровождается слабым ротовым взрывом или отсутствует ротовой взрыв	отсутствует ротовой взрыв	сопровождается слабым ротовым взрывом или отсутствует ротовой взрыв	
		Женщины		
№	С# гласный полного образования	С# редуцированный гласный	С# Сонант	
1.	полная реализация	частичная реализация	частичная реализация	
2.	краткий	сверхкраткий / краткий	краткий	
3.	глухой	звонкий / глухой	глухой	
4.	сопровождается слабым ротовым взрывом	сопровождается слабым ротовым взрывом или отсутствует ротовой взрыв	сопровождается гортанной смычкой	

Рис. 4. Реализация перцептивных признаков в зависимости от сегментного фактора (в %) (мужчины vs. женщины)

С # V (V – гласный полного образования)

В контексте с гласным полного образования предстыковые аллофоны имеют полную реализацию в 75 % в женской речи, в мужской речи этот показатель составляет 33 %. Частично реализованные аллофоны составляют 58 % в мужской и 25 % в женской речи. По признаку длительности можно отметить наиболее частотное использование долгой реализации женщинами по сравнению с мужчинами (27 % и 7 % соответственно). По признаку участия голоса в обеих гендерных группах реализуются глухой и звонкий аллофоны, но при этом их соотношение различается: в женской речи преобладает глухая реализация (60 % vs. 40 %), в мужской речи наблюдается обратная тенденция, при которой звонкая реализация превышает глухую (незначительно) (53 % vs. 42 %). По характеру размыкания смычки на стыке с гласным полного образования в женской речи отмечается наличие слабого ротового взрыва при артикуляции предстыковых аллофонов (79 %), мужчинами реализуется либо слабый ротовой взрыв (56 %), либо ротовой взрыв отсутствует (42 %).

С # V (V – редуцированный гласный)

В стыковой позиции с последующим редуцированным гласным аллофоны в женской речи представлены как в частичной (65 %), так и в полной реализации (34 %). В мужской речи доминирует частичная реализация аллофонов (82 %). По признаку длительности в обеих гендерных группах реализуются и сверхкраткие, и краткие аллофоны, однако их соотношение несколько отличается: в мужской речи преобладает сверхкраткая реализация (62 % и 32 %), в женской речи данные признаки распределены поровну (46 % и 44 %). По участию голоса отмечается преобладание звонкой реализации в мужской речи (72 %) и почти равное распределение признаков глухости / звонкости реализации в женской речи (43 % и 51 %). По характеру размыкания смычки женская речь характеризуется наличием слабого ротового взрыва в 79 % реализаций, в то время как в мужской речи почти в равной степени реализуется слабый ротовой взрыв и ротовой взрыв отсутствует (56 % и 42 %). В данной стыковой позиции использование гортанной смычки чаще наблюдается в женской речи (8 % vs. 2 %).

С # V (V – сонант)

Если в предыдущих двух исследуемых позициях (стык с гласным полного образования и редуцированным гласным) обнаруживается непосредственная взаимосвязь сегментного и лексического

факторов (отсутствие / наличие семантической связанности компонентов стыка), то в позиции стыка с последующим сонантом эта связь не является столь очевидной, так как постстыковые единицы представлены как знаменательными (*had managed, that required, but Mrs*), так и служебными словами (*it would, thought was, it was, treatment might*). Таким образом, как показывают результаты анализа реализации аллофонов предстыковых фонем в зависимости от влияния постстыкового сонанта, мы не можем говорить о выраженной гендерной маркированности распределения аллофонов в соответствии с данным признаком. Наиболее явная межгендерная вариативность обнаруживается при реализации гортанной смычки. Так, по характеру размыкания смычки на стыке с сонантами (C#/w, r, m/) в женской речи преобладает использование гортанной смычки (59 %), реже имеет место слабый ротовой взрыв (28 %). Для мужской речи характерна артикуляция в равной степени со слабым ротовым взрывом и с отсутствием такового (37 % и 36 %), при этом вследствие наиболее частого, по сравнению с женщинами, эллиптирования согласного (36 % vs. 10 %) в речи мужчин аудиторами значительно реже фиксируется реализация гортанной смычки (59 % vs. 27 %).

Выводы

Анализ гендерной вариативности стыковой аллофонии с учетом влияния лексического и сегментного факторов позволил выявить наиболее значимые различия в реализации перцептивных признаков в рассматриваемых стыковых последовательностях.

1. По степени полноты артикуляции наблюдается тенденция, при которой полная реализация стыковых аллофонов /t, d/ увеличивается от наиболее семантически связанной последовательности (C#C) к стыку лексических единиц, находящихся в менее тесном семантическом контакте (стык фонетических слов) (3#3) в обеих гендерных группах. Обратная зависимость наблюдается при частичной реализации стыковых аллофонов. Не было обнаружено зависимости признака отсутствия реализации от лексического фактора, в первую очередь в речи дикторов-мужчин, так как эллиптирование предстыкового согласного в мужской речи наблюдается во всех типах стыков (за исключением стыка 3#C), причем наиболее часто отсутствие реализации фиксируется на стыках C#3

и З#З, предполагающих наименьшую семантическую связанность контактирующих единиц. Можно предположить, что в данном случае в мужской речи реализуется принцип компенсаторного распределения пограничных сигналов на уровне членения на отрезки меньше синтагмы [Лебедева 2003]¹.

2. При реализации признака длительности стыковых аллофонов наблюдается ярко выраженное сокращение сверхкраткой реализации от стыка С#С к стыку З#З как в мужской, так и в женской речи. Увеличение краткой реализации происходит неравномерно от стыка С#С к стыку З#З, так как краткая длительность фиксируется чаще в проклитическом типе стыка С#З (*would 'only, that 'itchy, had 'managed, but 'Mrs*).

3. При реализации признака участия голоса наблюдается сходная тенденция для обеих гендерных групп, при которой глухие аллофоны чаще реализуются на стыках З#З и З#С. Звонкая реализация в большей степени характерна для стыков С#С и С#З.

4. Увеличение реализации предстыковых согласных /t, d/ со слабым ротовым взрывом от стыка С#С к стыку З#З наблюдается как в мужской, так и в женской речи. Соответственно, частотность реализации согласных без ротового взрыва сокращается в этом же направлении в обеих гендерных группах, при этом эллиптирование согласного превалирует в мужской речи во всех типах стыка. Наличие гортанной смычки является характерным признаком женской артикуляции, которая значительно чаще реализуется женщинами в аналогичных стыковых последовательностях.

5. Анализ влияния сегментного фактора на признаки стыковой аллофонии выявил следующие особенности реализации предстыковых согласных в мужской и женской речи:

– на стыке с гласным полного образования для мужской речи характерно использование частично реализованных кратких глухих или звонких аллофонов, артикуляция которых либо сопровождается слабым ротовым взрывом (56 %), либо ротовой взрыв отсутствует (42 %);

¹ Как отмечает Л. Д. Лебедева, избыточность сразу двух видов ПС на одной и той же границе на данном уровне членения компенсируется ослаблением делимитативной функции стыковой аллофонии в пользу ударения [Лебедева 2003, с. 29].

– на стыке с редуцированным гласным дикторы-мужчины чаще дикторов-женщин реализуют сверхкраткие звонкие аллофоны, при этом более частотное отсутствие ротового взрыва является отличительным признаком реализации данного типа стыка в мужской речи (72 % vs. 42 %);

– на стыках с сонантами наиболее явная межгендерная вариативность обнаруживается при реализации гортанной смычки. В женской речи преобладает использование гортанной смычки в данном типе стыка, в мужской речи, вследствие наиболее частого, по сравнению с женщинами, эллиптирования /t/, реализация гортанной смычки наблюдается значительно реже (59 % vs. 27 % соответственно).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карташевская Ю. В.* Гендер как маркер стыковой аллофонии (данные перцептивного анализа) // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 10 (783). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 109–127. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf
- Ким С. Н.* Аллофоническое варьирование консонантизма в немецкой речи: (эксперимент.-фонет. исследование): дис. ... канд. филол. наук. М.: 1980. 190 с.
- Крешина О. Б.* Фонетико-фонологические признаки пограничных сигналов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 236 с.
- Лебедева Л. Д.* Функции пограничных сигналов в английской речи (эксперимент.-фонет. исследование): дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 221 с.
- Лебедева Л. Д.* Стыковая аллофония согласных звуков как компонент системы пограничных сигналов английской речи // Фонетическая культура речи. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2003. С. 28–47. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 476. Серия Языкознание.)
- Лебедева Л. Д.* О влиянии сегментного и супraseгментного факторов на аллофонию согласных звуков на межсловных стыках // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 102–112. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (634). Серия Языкознание.)
- Потанова Р. К.* Различные типы слогового стыка (экспериментально-фонетическое исследование некоторых видов пограничных сигналов на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 193 с.

- Потапова Р. К.* Сегментно-структурная организация речи (Экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... д-ра филол.наук. Л.: 1981. 528 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур, 2012. 464 с.
- Торсуев Г. П.* Строение слога и аллофоны в английском языке. М. : Наука, 1975. 239 с.
- Lehiste I.* An Acoustic-Phonetic Study of Internal Open Juncture // *Phonetica*. 1960. V. 5, Supplement. P. 5–54.
- Nakatani L. H., Dukes K. D.* Locus of Segmental Cues for Word Juncture // *Journal of Acoustical Society of America*. 1977. V. 62, № 3. P. 714–719.

ИНТОНАЦИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТАМИ-АНГЛОФОНАМИ В БРИТАНСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Интонация как комплексный фонологический и социокультурный феномен является неотъемлемой частью устной речи, а, следовательно, коммуникации. Интонационные компоненты речи обладают различными функциями, определяющими смысл и цели высказывания, а также во многом идентифицируют грамматические структуры. В частности, в английском языке нисходящий тон ассоциируется с утверждениями, однако восходящий тон способен трансформировать утверждение в общий вопрос: He's 'going `home и He's 'oing 'home? Немаловажным является тот факт, что интонационные компоненты весьма сложны для восприятия студентами-англофонами, поскольку отношение их плана выражения к плану содержания неэквивалентно подобному соотношению в родном языке – как с точки зрения непосредственно слуховой эмоциональной оценки «чужеродных» мелодических контуров, так и с точки зрения необходимости обладать достаточно обширным объемом социокультурной информации для распознавания смысла конкретного мелодического контура. Иными словами, восприятие и правильная идентификация смысла высказывания, заключенного в той или иной интонационной модели английского языка, зависит от многих факторов – как фонетических, так и структурно-семантических и социолингвистических. В рамках данного исследования был проведен эксперимент на базе литературной орфоэпической нормы Великобритании (BBC English). Участникам эксперимента, 60 студентам-англофонам первого курса лингвистических факультетов московских вузов, для прослушивания были предложены аутентичные тексты британского варианта английского языка: отрывки из теленовостей, популярных образовательных передач, интервью, радиоспектаклей и художественных фильмов. Первый этап эксперимента предполагал определение фоностилей услышанных речевых отрезков, на втором этапе студенты-англофоны должны были охарактеризовать эмоциональное отношение, выраженное говорящим. Определение фоностилей, в основном, не вызывало у студентов-англофонов трудностей, однако при попытках назвать эмоции в речи говорящих в прослушанных отрывках выводы участников эксперимента оказались по большей части ошибочными. Следует отметить, что студенты-англофоны, задействованные в исследовании, не имели теоретических знаний об интонационных структурах английской речи, а также не были ознакомлены со спецификой соотношения английской интонации с определением фонетических стилей и выражением эмоциональных отношений (данное условие являлось одним из критериев отбора участников исследования).

Проведенный эксперимент позволил установить, что основными признаками, на которые опираются студенты-англофоны в своих выводах при определении эмоциональных отношений, выраженных с помощью интонационных структур, являются не только объективные просодические параметры, такие как ритм, темп речи и паузация (следует отметить, что данные параметры воспринимались участниками эксперимента скорее интуитивно-логически, нежели на основании лингвистических знаний), но также эмоционально-оценочные характеристики, ассоциирующиеся с культурологическими категориями, привычными именно в родном языке. Это еще раз подчеркивает необходимость детального изучения и всесторонней проработки студентами-англофонами значений интонационных моделей именно с точки зрения менталитета носителей английского языка, а также сопоставления этих моделей с социокультурными категориями, которые они отражают.

Ключевые слова: фонология; интонация; эмоциональное отношение; англофоны; социокультурный аспект, коммуникация.

Kulikova K. S.

PhD., Associate Professor of the department of English phonetics, faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

INTONATION AND EMOTIONAL PERCEPTION OF BRITISH ORAL SPEECH BY ANGLOPHONE STUDENTS

Intonation as a complex phonological phenomenon is an integral part of oral speech, and, consequently, of communication. The intonation components of the English speech have various functions which determine the meaning and purpose of the utterance and also largely identify grammatical structures. In particular, in English speech a falling tone is associated with statements, yet a rising tone can transform a statement into a general question: compare He's 'going \home and He's 'going 'home? Besides, a very important fact is that intonation components are very complex for perception by anglophone students, since the relation of their expression plane to the content plane is not equivalent to a similar relation in their native language, both from the point of view of the primarily auditory emotional evaluation of 'alien' melodic contours, and from the point of view of the need to possess a sufficiently extensive volume of sociocultural information to recognise the meaning of a particular melodic contour. In other words, the perception and correct identification of the meaning of an utterance, lying in an intonation model of the English language, depends on many factors, namely phonetic, structural-semantic and sociolinguistic. The participants of the experiment, 60 first-year anglophone students of language faculties of Moscow universities, were offered authentic British English texts for listening: excerpts from TV news, popular educational programmes, interviews, radio plays and feature films. At the first stage of the experiment the participants had to define the speaking style of the audio segments they listened to; at the second stage,

the anglophone students had to characterize the emotional attitude expressed by the speaker. The definition of the speaking style in many respects did not cause difficulties for the anglophone students; however, in trying to identify the speakers' emotional states, the conclusions of the experiment participants turned out to be mostly erroneous. It should be noted that the anglophone students involved in the research did not have theoretical knowledge of the intonation structures of English speech, nor were they familiar with the specifics of the correlation of English intonation with the expression of emotional attitudes (this was one of the most important criteria while selecting participants for the study).

Thus, the experiment conducted made it possible to establish that the main characteristics on which anglophone students rely in determining the emotional attitudes expressed through intonation structures are such objective prosodic characteristics as rhythm, speech and pausation, as well as emotional and evaluative characteristics associated with cultural categories, habitual in their native language. This once again underlines the need for detailed and comprehensive study of the meaning of intonation models from the point of view of the mentality of English speakers, and for the comparison of these models with the sociocultural categories that they reflect.

Key words: phonology; intonation; emotional attitude; anglophones; communication.

1. Введение

Общеизвестно, что искусство говорения на английском языке предполагает не только четкую артикуляцию, но и овладение интонационными моделями, принятыми в том или ином языке. Интонация, или совокупность просодических характеристик высказывания: тона (мелодики речи), громкости, темпа, ритма и особенностей фонации (тембра), является важнейшей речевой категорией. Вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка и, в отличие от фонем – сегментных единиц, не имеющих собственного плана содержания, все интонационные единицы выражают тот или иной смысл. Наиболее важные функции выполняют такие интонационные компоненты, как фразовые акценты, или ядерные тоны, – направление движения тона указывает на иллюкцию, а место фразового акцента – на «фокус» высказывания (более всего интересующий говорящего элемент предложения): *I've brought this **magazine** for you u I've brought this **magazine** for **you***. Цель и особенно смысл высказывания на 90% определяются не семантическим значением словарных единиц, а интонационной структурой; интонация отчасти выражается даже на письме при помощи знаков препинания, разбиения текста на

абзацы, варьирования шрифтов и других языковых средств [Brown et al. 1980, 1986; Couper-Kuhlen 1986; Hirst 1998].

Функции интонации в дискурсе отражены в классических работах многих представителей британской и американской фонетической школы, в том числе Халлидея [Halliday 1967, 1970, 1991], Кристала [Crystal 1975, 1976, 1997] и Фосетта [Fawcett 1980]. Фосетт, в частности, выделяет категории значений, или так называемые функциональные компоненты, служащие основой для описания отдельно идентифицируемых функций, которые интонация выполняет в английском языке, а именно:

- определение фоностиля (совокупности сегментных и супraseгментных средств, реализованных в конкретной экстралингвистической ситуации);
- фонологическое деление на абзацы;
- тема-рематическое деление и организация информационных блоков (тема-рематические отношения прежде всего соотносятся с коммуникативной функцией, поскольку смысл речевого акта именно в отражении коммуникативного намерения – говорящий сообщает слушающему о том, что содержится в его намерении);
- коммуникативные (дискурсивные) функции;
- выражение эмоционального отношения говорящего к предмету высказывания, собеседнику, ситуации;
- определение смысла «омонимических» фраз: *Have you met this person?* – *'Not once* («Ни разу») и *Have you met this person?* – *'Not once* («О, много раз»).

Дополнительными функциями здесь служат также жанровая фонология и социализация, поскольку именно интонация является важнейшим социокультурным аспектом языка [Brazil&Coulthard 1979; John-Lewis 1986; Knowles 1987, Leech&Svartvik 1994].

Таким образом, интонация является неотъемлемой частью устной речи, поскольку в общем и целом передает смысл. Соответственно, любая теория и любые практические занятия, которые не придают большого значения речевой интонации, недостаточны; любая интерпретация дискурса должна фиксировать, по крайней мере, существенные компоненты интонации. Коммуникация без интонации невозможна – даже намеренное стремление говорящего к использованию «монотона» в речи будет воспринято слушаю-

щим как сознательный выбор собеседника, который необходимо интерпретировать [Bradford 1997; Pike 1967; Tench 1996a, 2003].

Однако восприятие и изучение английской интонации осложняется следующим фактором. В родном языке формирование и восприятие интонационных контуров происходит интерактивно, т. е. в результате взаимодействия между людьми. Коммуникация же, как известно, основана на перцепции и интерпретации речи собеседника, поскольку это необходимо для понимания и взаимной оценки. Итак, интонационными моделями для человека служат именно высказывания окружающих, воспринятые им в том или ином коммуникативном контексте, привязанные к той или иной эмоции и, что самое главное, построенные с помощью фонологических средств конкретного языка, а также основанные на культурных и поведенческих нормах конкретного социума, иными словами, на менталитете. Следовательно, если такие характеристики интонации, как громкость, темп, ритм и паузация являются более простыми для усвоения как естественные и с легкостью поддающиеся коррекции, то овладение значениями тонов и организацией интонационных моделей в собственном речевом дискурсе студентов-англофонов осложнено – соотношение плана выражения и плана содержания в данном случае не воспринимается автоматически, как это происходит в родном языке, а должно быть сознательно интерпретировано на основании полученных теоретических знаний и практических навыков, по крайней мере, на начальном этапе изучения английской интонации. Трудность при изучении интонационной организации английской речи также представляет то, что необходимо абстрагироваться от эмоциональной оценочности, характерной для родного языка – к примеру, русскими англофонами некоторые интонационные контуры в английском воспринимаются как неестественные, чужеродные (прощание с восходящим тоном) [Tench 1990, 1996, 1997].

Непосредственно эмоциональные значения интонационных контуров, на которых сосредоточено основное внимание представителей традиционной британской школы (Джоунз, Армстронг и Уорд, Гимсон, О'Коннор и Арнольд), также не являются исчерпывающими – необходима интеграция интонации с грамматико-информационной структурой высказывания. Всё это требует от студентов-англофонов тщательной проработки комплексного

материала, как структурного, так и культурологического, а также развитого музыкального слуха и недожинного фонетического таланта.

2. Методология

Для определения степени значимости как непосредственно теоретической просодической, так и социокультурной информации для правильной интерпретации смысла, заложенного в интонационной структуре высказывания, был проведен двухэтапный эксперимент на материале литературной произносительной нормы Великобритании (BBC English). Для прослушивания участникам эксперимента было предложено 30 аутентичных текстов британского варианта английского языка: отрывки из выпусков новостей, популярных образовательных программ, интервью, радиопьес и художественных фильмов (около 40 дикторов). Определение критериев принадлежности речи говорящих к британской орфоэпической норме было основано на перцептивном анализе, проведенном автором данного исследования. Выборка проводилась с помощью программного обеспечения для профессионального редактирования звукозаписей Adobe Audition; фоновые шумы и музыкальное сопровождение были отфильтрованы лишь частично, поскольку интерес для исследования представляло не только конкретное смысловое содержание высказываний, но и общее звучание речи, выполняющее в данном эксперименте роль среды для передачи и восприятия информации. По этой же причине гендерный фактор не рассматривался как релевантный, и к прослушиванию предлагалась речь дикторов мужчин и женщин, высказывавшихся как по отдельности, так и совместно (диалоги). Каждая группа студентов-англофонов прослушала все предложенные отрывки по одному разу в аналогичных условиях, оптимальных для восприятия. Статистическая обработка полученного материала производилась при помощи программного пакета Statistica (StatSoft, Россия). На первом этапе студентам-англофонам предлагалось идентифицировать фоностиль («тип») услышанных отрывков по предложенному списку, содержащему названия устных жанров, – публичное говорение, интервью, диалог и т. д. Второй этап состоял в предоставлении студентами-англофонами характеристики эмоционального отношения говорящего или говорящих (в случае с диалогом или

полилогом). В эксперименте приняли участие 60 студентов (в приблизительно равном сочетании обоих полов) первого курса языковых факультетов московских вузов, изучающие английский язык в качестве первого иностранного, но не изучающие фонетику как отдельный предмет, и, следовательно, неознакомленные с правилами интонационного оформления тех или иных типов высказывания: просьбы, приказа, общих и специальных вопросов, формул вежливости и т. д. Впоследствии студенты были разделены на три группы с сохранением гендерного баланса.

3. Результаты и дискуссия

При проведении эксперимента учитывался тот факт, что определение слушающим фоностилья, как правило, является более простой задачей: студенты-англофоны практически всегда способны отличить новостную программу от радиопьесы или неофициальный разговор от политических дебатов, даже если звук является приглушенным, а речь неясной. Можно сказать, что специфической чертой речевого жанра является его «просодическая композиция», и интонация вносит значительный вклад в эту композицию посредством соотношения падений и подъемов голоса, варьирования и разнообразия тонов и мелодических рисунков, расстановки пауз и т. д. Другие «паралингвистические» средства включают в себя изменения темпа, ритма, громкости и высоты тона. Зная, что эти средства обычно характеризуют целостную интонационную структуру или последовательность таких структур, студенты-англофоны, ссылаясь на совокупность этих признаков, определяют тип дискурса. Наиболее ярким примером из проведенного эксперимента может служить интонационная организация английского поэтического текста: особый ритм и преобладание высокой предшкалы и ровных тонов позволяли студентам-англофонам практически безошибочно определить, что услышанный ими отрывок является чтением молитвы – художественные стихотворения с рифмованными строками не были задействованы в эксперименте, поскольку рифма однозначно указывает на жанр. Новости, научно-популярные фильмы (фоностиль был определен для студентов как «публичное говорение»), «неофициальные интервью» и диалоги из радиоспектаклей были также идентифицированы с высокой точностью, причем любопытной деталью является то, что для определения

фоностиля студенты опирались не только на такие основные факторы, как скорость речи, ритмическая организация и наличие, количество и распределение пауз, но и на эмоционально-оценочные критерии. Так, дикторы новостей звучали «уверенно и серьезно», закадровые голоса в научно-популярных фильмах были охарактеризованы как «волнующие», а неофициальные интервью и диалоги как «непринужденные» и «аффектированные», соответственно. Таким образом, культурная концепция конкретного типа разговорной речи включает в себя своеобразный отличительный просодический состав, на который слушающий опирается при восприятии. Ключевым фактором здесь является необходимость использования той концепции, которая принята не в собственной культуре, а в культуре носителей изучаемого языка, в данном случае английского, а это, в свою очередь, предполагает знания этой концепции и ее специфических черт. Бесспорно, культурные концепции фоностилей в различных языках могут быть весьма схожи или даже совпадать, однако опора на совпадение крайне редко может быть принята как серьезный фактор при изучении иностранного языка (см. табл. 1).

Таблица 1

Определение типа дискурса прослушанных отрывков студентами-англофонами

фоностиль	1 группа	2 группа	3 группа
новости	100	100	100
научно-популярный фильм	100	100	100
неофициальные интервью	92	91	90
радиоспектакль	94	91	92
художественный фильм	95	96	91

Во второй части эксперимента студентам было предложено постараться идентифицировать эмоциональное отношение говорящих; для этой цели использовались в основном диалоги и неофициальные интервью, так как интонация дикторов новостных программ и научно-популярных передач в большей степени ориентирована на донесение фактической информации до аудитории, нежели на выражение эмоций и чувств, хотя во втором случае несколько более, чем в первом.

Результаты второй части эксперимента оказались противоположными – большинство студентов неверно определили эмоциональный настрой и отношение говорящих (следует отметить, что речевые отрезки давались для прослушивания в целом, а не отдельными фразами), причем процент опознания эмоциональных состояний в речевых высказываниях в случаях, когда содержание произносимого текста было в большей степени информативно (т. е. наличествовал такой дополнительный лингвистический фактор, как контекст), был выше, чем в тех случаях, когда почти вся информация содержалась в интонационном рисунке говорящего, что свидетельствует, прежде всего, о высокой важности смысло-различительной функции интонации в английской речи (в русской речи эта функция менее выражена). К примеру, высокий нисходящий тон в приветствиях, типичный для английской речи, был охарактеризован студентами как «пренебрежительный» по отношению к собеседнику, а также как «безэмоциональный»; практически идентичную оценочную характеристику слушатели дали употреблению этого тона в специальных вопросах. Низкий нисходящий тон в специальных вопросах был воспринят как «категоричный» или «высокомерный», а восходящий как «угрожающий». Во многих случаях живая эмоциональная речь с преобладанием высоких нисходящих тонов и скользящей шкалы была воспринята как «недовольство» или даже спор между говорящими. Ровные тоны были охарактеризованы положительно, что еще раз указывает на тот факт, что в качестве опоры студенты использовали привычные интонационные модели родного языка, поскольку русская речь более монотонна и не обладает таким количеством колебаний в рамках голосового регистра и таким обилием мелодических контуров [Leed 1965] (см. табл. 2).

Таблица 2

**Эмоциональные характеристики некоторых шкал и тонов
в прослушанных отрывках, данные студентами-англофонами**

Типы высказывания / шкалы и тоны	Эмоциональное отношение	Эмоциональная характеристика, данная студентами
приветствие (выс. нисх. тон – High Fall)	приветливость вежливость	пренебрежение равнодушие

Типы высказывания / шкалы и тоны	Эмоциональное отношение	Эмоциональная характеристика, данная студентами
прощание (низк. / средн. восх. тон – Low / Mid Rise)	вежливость	угроза
специальный вопрос (выс. нисх. тон – High Fall)	дружелюбие заинтересованность	пренебрежение, несерьезное отношение
специальный вопрос (низк. нисх. тон – Low Fall)	деловое отношение вежливость	категоричность высокомерие
специальный вопрос (низк. / средн. восх. тон – Low / Mid Rise)	приветливость заинтересованность, теплота	угроза
скользящая шкала	оценочная характеристика	недовольство
ровные тоны	незавершенность высказывания	вежливость, спокойствие приветливость

4. Выводы

Интонация является сложным фонологическим явлением, зависимым не только от непосредственно просодических факторов, но и заключающим в себе социокультурную информацию, необходимую студентам-англофонам для успешного овладения изучаемым языком и для более глубокого понимания образа жизни и мыслей британцев; без этого понимания общение становится затрудненным. Компоненты английской интонации служат для таких важных целей, как различение фоностилей, структурная организация высказывания, передача множества оттенков смысла и эмоций говорящего и воздействие на эмоции слушающего, усиление экспрессивности вербального высказывания, и обладают смысловозначительной функцией, и все эти особенности должны учитываться при говорении.

Проведенный эксперимент показывает необходимость изучения всех факторов (фонологических, структурно-семантических и социолингвистических), влияющих на определение эмоциональных отношений, отраженных в интонационных моделях английского языка, и необходимость студентов-англофонов приучиться в собственной речи опираться на особенности не родного, а изучаемого

языка, иными словами, интерпретировать выбранную знаковую систему с помощью ее собственных знаков, а не заимствованных, поскольку для нее они чаще всего оказываются нерелевантными. Также следует довести до сведения студентов тот факт, что навык правильного интонирования вырабатывается довольно долго, для этого необходимы постоянное прослушивание различных с точки зрения фоностиля образцов речи на английском языке и устное общение с носителями языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bradford B.* 'Upspeak in British English' // *English Today*. 13.3. 1997. P. 29–36.
- Brazil D. & Coulthard M.* (1979) *Exchange Structure*. Birmingham : English Language Research, University of Birmingham, 283.
- Brown G., Currie K & Kenworthy J.* (1980) *Questions of Intonation*. London : Croom Helm, 208.
- Brown G. & Yule G.* (1983) *Discourse Analysis*. Cambridge: CUP, 302.
- Couper-Kuhlen E.* (1986) *An Introduction to English Prosody*. London : Edward Arnold, 224.
- Crystal D.* (1976) *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge : CUP, 390.
- Crystal D.* (1997) *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge : CUP, 524.
- Crystal D. & Davy D.* (1975) *Advanced Conversational English*. London : Longman, 144.
- Fawcett R. P.* (1980) *Cognitive Linguistics and Social Interaction*. Heidelberg : Julius Gross & Exeter University, 290.
- Halliday M.A.K.* (1967) *Intonation and Grammar in British English*. The Hague : Mouton, 61.
- Halliday M.A.K.* (1970) *A Course in Spoken English: Intonation*. London : OUP, 142.
- Halliday M.A.K. and Matthiessen, C.M.I.M.* *Construing experience through meaning*. London : Cassel, 1999. 672 p.
- Hirst D.* (1998) *Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages*. London : CUP, 487.
- Johns-Lewis C.* (1986) *Prosodic differentiation of discourse modes* // In Johns-Lewis, C.(ed) *Intonation in Discourse*. London : Croom Helm, 206.
- Knowles G.* (1987) *Patterns of Spoken English*. London : Longman, 258.
- Leech, G. & Svartvik, J.* (1994) *A Communicative Grammar of English*. London: Longman, 458.

- Leed R.* (1965). A Contrastive Analysis of Russian and English Intonation Contours. *The Slavic and East European Journal*, 9(1), 162–175.
- Pike K. L.* (1967) Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour. The Hague : Mouton, 180.
- Tench P.* (1990) The Roles of Intonation in English Discourse. Frankfurt a M : Peter Lang, 548.
- Tench P.* (1996) The Intonation Systems of English. London : Cassell Academic, 160.
- Tench P.* (1996a) Intonation and the differentiation of syntactic patterns in English and German // *International Journal of Applied Linguistics* 6.2: 223–256.
- Tench P.* (1997) The fall and rise of the level tone of English. *Functions of Language* 4/1: 1–22.
- Tench P.* (2003) Processes of semogenesis in English intonation. *Functions of Language* 10.2: 209–234.

**ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ:
ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ
НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ВЫСОТНО-МЕЛОДИЧЕСКИХ
И ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК АМЕРИКАНСКОЙ РЕЧИ**

Статья находится в русле социофонетики американского варианта английского языка. В настоящее время Вооруженные Силы США играют важную роль в мировом военном и политическом сообществе. Хотя члены действующей армии являются представителями всех регионов США и имеют различное социально-экономическое положение, следует отметить идейную сплоченность военного сообщества, объединенного общей целью, а также универсальность, однородность и консерватизм армейского языка, азы которого новобранцы начинают постигать с самого момента вступления в ряды вооруженных сил.

Данная работа посвящена описанию недавно проведенного экспериментально-фонетического анализа речи американских военнослужащих, направленного на определение социально значимого соотношения между личностно-речевыми характеристиками (доминантность, продуктивность, безэмоциональность речи и наличие южной окраски) и фонетическими переменными (звуковые особенности южного диалекта, ЧОТ, диапазон, темп). Основную цель работы можно определить как попытку получить статистически значимое доказательство того, что акустические изменения фонетических характеристик речи могут повлечь за собой изменения в восприятии личности говорящего и, как следствие, препятствовать его идентификации как военнослужащего. Исследование проводилось в несколько этапов, включающих аудиторский, электронно-акустический и статистический виды анализа. В роли респондентов выступили 8 военнослужащих из Канзаса в возрасте 24–46 лет, занимающих одинаковое социально-экономическое положение. В качестве звучащего материала были отобраны 38 речевых примеров длительностью звучания 10–20 сек. каждый, представляющие собой отрывки из интервью с говорящими, в которых им предлагалось ответить на повседневные вопросы о себе. На роль аудиторов были приглашены американцы в возрасте 18–53 лет разного социального статуса – как имеющие отношение к вооруженным силам, так и являющиеся гражданскими служащими. В ходе подготовки к проведению эксперимента аудиторов проинформировали о том, что в их задачу входит прослушивание речи 38 американцев с последующим ранжированием предложенных им личностно-речевых характеристик и их оценкой по 6-балльной шкале от «1» – «совершенно не согласен» до «6» – «полностью согласен» в отношении каждого говорящего. Данная информация являлась заведомо неверной, поскольку

в эксперименте приняли участие 8 говорящих и анализировались 38 речевых отрывков с видоизмененными голосами. После прослушивания речевого отрывка аудитору предлагался набор личностно-речевых характеристик, связанных, в основном, с профессиональной ориентацией говорящего, конечной целью ранжирования которых было выявление соотношения между акустическими параметрами речи, чертами характера говорящего в определенном социокультурном контексте и его принадлежностью к вооруженным силам.

Так, результаты эксперимента выявили взаимозависимость низкой ЧОТ и физической доминантности; ускоренного темпа речи и компетентности; монофтонгизации /aI/, продвижения вперед /u/ и признаков южной окраски речи; широкого диапазона голоса и экспрессивности. В целом, экспериментальные выводы доказывают социальную маркированность исследуемых лингвистических переменных и их значимость для выявления представителей военной среды по их речевым характеристикам, а гармоничное сочетание всех перечисленных переменных в речи говорящего способствуют его восприятию как успешного представителя военной профессии.

Ключевые слова: социофонетика; военный английский; южная окраска речи; речевая доминантность, продуктивность, безэмоциональность; монофтонгизация /aI/ и продвижение вперед /u/; ЧОТ; диапазон; темп.

Romanova E. Y.

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics, English Language Faculty, MSLU; e-mail: catrom@rambler.ru

MILITARY SPEECH PERCEPTION: THE ANALYSIS OF PERSONAL IDENTITY AND THE U.S. MILITARY MEMBERSHIP PERFORMED THROUGH THE INVESTIGATION OF F₀, PITCH RANGE AND TEMPORAL CHARACTERISTICS OF AMERICAN SPEECH

The paper is within the domain of American English sociophonetics. Nowadays the U.S. Military service fills an important niche in the world military and political society. Although people in the military come from all over America and have various socio-economic backgrounds, the military is still a group of people sharing a common goal and using conservative, homogeneous and universal language, which new recruits begin to adopt from the moment they enter the service. The paper describes a perception study of speech by the U.S. Military members, which centers on a socially significant correlation between Southernness, speech dominance, efficiency, and stoicism, and the respective phonetic variables: sound peculiarities of the Southern dialect (/aI/-monophthongization, /u/-fronting), F₀, pitch range, and tempo. The article focuses on the attempt to get statistically significant evidence that acoustic modifications of phonetic characteristics in speech may provoke unpredictable changes in personality perception and prevent the speaker's identification as a military person. The study was carried out in three steps: auditory, electro-acoustic and statistic analyses. As interviewees,

8 military males at the age of 24–46 from central Kansas with similar socio-economic background took part in the study. The audio material was presented by 38 speech samples, each between 10–20 seconds long, taken from the interviews with the military males, where they answered questions about their backgrounds. The participants in the study were Americans at the age of 18–53, belonging to different social layers, both military members and civil citizens. The participants were informed that they would be listening to 38 Americans speaking, and their task would be to judge the men on several accounts. On the computer screen after hearing each man speak the participants would see four personal or speech characteristics, based on a person's occupation, and they were to agree or disagree with the statement on a scale of 1 to 6, '1' being 'strongly disagree' and '6' being 'strongly agree'. The information about 38 speakers was deliberately false, as there were only 8 interviewees and 38 speech samples with acoustically manipulated voices. The idea of the character traits judgment was to show a significant correlation between acoustic parameters of speech, personal characteristics value in a socio-cultural community and a potential military membership.

The experimental results show that lower pitch correlates with physical dominance, a faster speech rate with competence, monophthongization of /al/ and frontness of /u/ with Southernness and wider pitch range with expressiveness. Summing it up, the linguistic variables under analysis are evidently associated with specific social meanings and with the U.S. Military membership, and when all these variables are combined, the speaker seems extremely likely to be in the military.

Key words: Sociophonetics; military English; Southernness; speech dominance, efficiency, stoicism; /al/-monophthongization and /u/-fronting; F0; pitch range; tempo.

Введение

В настоящее время Вооруженные Силы США играют важную роль в мировом военном и политическом сообществе. На сегодняшний день в состав американской армии входит один процент всего американского населения, ее структуре и деятельности посвящены многие картины голливудского кинематографа, а военная политика США регулярно освещается в новостных программах по всему миру. Хотя члены действующей армии являются представителями всех регионов США и занимают разное социально-экономическое положение, следует отметить идейную сплоченность военного сообщества, объединенного общей целью, а также универсальность, однородность и консерватизм армейского языка, азы которого новобранцы начинают постигать с самого момента вступления в ряды вооруженных сил. В результате проводимых опросов населения о возможных различиях военного и гражданского языков

были выявлены следующие лексические и фонетические особенности военного английского [Kirtley 2010; Kirtley 2011]:

1. Использование военного жаргона, сленга и акронимов (аббревиатур, образованных начальными звуками), как правило, для описания понятий и событий, чьи названия в гражданском языке наполнены слишком эмоциональным содержанием. Например, вместо слова «война», имеющего излишне негативную окраску, боевые действия в Афганистане в военной среде именовались акронимом *O. E. F. (Operation Enduring Freedom – Операция по Восстановлению Свободы)* [Goldinger 1997; Kirtley 2010, с. 79].

2. Наличие южных диалектальных маркеров в речи, одной из причин которых является тот факт, что большое количество военных тренировочных баз, где новобранцы впервые начинают идентифицировать себя как военнослужащие, располагается именно на юге страны. Кроме того, военная политика США в американской прессе и, соответственно, в сознании населения часто ассоциируется с южными регионами страны.

3. Фонетическое своеобразие речи американских военных выражается в понижении общего уровня ЧОТ, отсутствии резких высотных перепадов, достаточно узком голосовом диапазоне, что объясняется преобладанием мужских голосов в данной среде [Kirtley 2010, с. 79].

4. Многие исследователи отмечают так называемое отсутствие интонации в речи военных, т. е. интонационное однообразие и монотонность [Burkhardt, Sendmeier 2000].

Основная часть (описание эксперимента)

Особый интерес представляют результаты фонетического эксперимента, проведенного американскими исследователями в несколько этапов, включающих аудиторский, электронно-акустический и статистический виды анализа [Kirtley 2011]. Основную цель можно представить не только как выявление языковых и личностных особенностей, присущих представителям военной профессии, но и определение языковых и, в первую очередь, фонетических маркеров, наличие которых в речи говорящего помогает собеседнику идентифицировать его как военнослужащего. В ходе эксперимента была предпринята попытка получить статистически значимое доказательство того, что акустические изменения фонетических

характеристик речи могут повлечь за собой изменения в восприятии самой личности говорящего. Результаты исследования показали взаимосвязь между следующими фонетическими составляющими и личностно-речевыми характеристиками: уровень ЧОТ и физическое превосходство, высокомерие и принадлежность к военной среде; ускоренный темп речи и продуктивность речи, готовность помочь, компетентность и принадлежность к военной среде; величина голосового диапазона и эмоциональность; монофтонгизация /aɪ/ и продвижение вперед /u/, являющиеся признаками южной окраски речи, лидерские качества и принадлежность к военной среде.

В роли респондентов выступили 8 военнослужащих из Канзаса в возрасте 24–46 лет, занимающих равное социально-экономическое положение. Важно отметить, что все говорящие – выходцы из региона Южный Мидлендс и, соответственно, являются носителями произносительного диалекта Среднего запада, который на сегментном уровне имеет характеристики, схожие с южными диалектами, например, продвинутый вперед /u/ и слияние гласных /ɪ-/e/. Опираясь на результаты предыдущих исследований, авторы говорят о том, что основная часть представителей военной профессии по происхождению относится именно к жителям юга и среднего запада [Kirtley 2011]. В качестве звучащего материала были отобраны 38 речевых примеров длительностью звучания 10–20 сек. каждый, представляющие собой отрывки из интервью с говорящими, в которых им предлагалось ответить на вопросы об их происхождении, детстве, школьных годах и работе. На роль аудиторов были приглашены американцы в возрасте 18–53 лет, представители разного социального статуса, как имеющие отношение к вооруженным силам, так и являющиеся гражданскими служащими. В ходе подготовки к проведению эксперимента аудиторов проинформировали о том, что в их задачу входит прослушивание речи 38 американцев с последующим ранжированием предложенных им личностно-речевых характеристик и их оценкой по 6-балльной шкале от «1» – «совершенно не согласен» до «6» – «полностью согласен» в отношении каждого говорящего. Данная информация являлась заведомо неверной, поскольку в эксперименте приняли участие 8 говорящих и анализировались 38 речевых отрывков с измененными голосами. После прослушивания речевого отрывка аудитору предлагался

набор личностно-речевых характеристик, связанных, в основном, с профессиональной ориентацией говорящего, конечной целью ранжирования которых было выявление соотношения между акустическими параметрами речи, чертами характера говорящего в определенном социокультурном контексте и его принадлежностью к вооруженным силам [Clopper, Pisoni 2004; Eckert 2005]. Весь набор предлагаемых личностно-речевых характеристик условно может быть распределен по четырем группам:

- наличие южной окраски речи (что связано с основным регионом происхождения и места проживания американских военнослужащих);

- доминантность речи;
- продуктивность речи;
- безэмоциональность (нейтральность) речи.

Видоизменение голосов происходило при помощи акустических модификаций следующих фонетических компонентов сегментного и супrasegmentного уровней:

- монофтонгизация /aI/ и продвижение вперед /u/ (признаки южной окраски речи);
- понижение / повышение ЧОТ (признаки доминантности речи);
- замедление / ускорение темпа (признаки продуктивности речи);
- расширение / сужение диапазона (признаки эмоциональности речи).

Результаты эксперимента обрабатывались методом математико-статистического анализа при помощи логистической регрессивной модели, широко используемой для обработки экспериментальных данных в социальных науках и оперирующей следующими числовыми показателями:

1. *Коэффициент предварительной оценки* (положительный коэффициент выражает положительное соотношение между акустической модификацией фонетического компонента и наличием анализируемой личностно-речевой характеристики у говорящего).

2. *Стандартное отклонение выборочного среднего*.

3. *P-значение* (при его значении менее 0.05 вероятность ошибки минимальна, и положительное соотношение является статистически значимым) [Kirtley 2011].

Наличие южной окраски речи

В рамках предыдущих исследований было выявлено, что основные произносительные особенности южных диалектов включают монофтонгизацию /aI/, озвончение /s/ перед гласными переднего ряда высокого подъема, дифтонгизацию /o/, слияние гласных /I/-/e/ и продвижение вперед /u/ [Clopper, Pisoni 2004; Fridland 2008; Purnell, Idsardi, Baugh 1999; Sumner 2009].

В описываемом эксперименте необходимые акустические изменения были проведены в отношении двух гласных звуков, в результате чего появились искусственно созданные монофтонгизированный /aI/ и продвинутый вперед /u/, характерные для южных диалектов, наличие которых действительно оказало влияние на восприятие речи говорящего как имеющей южную окраску, о чем свидетельствует положительный коэффициент предварительной оценки 1.3238 и $p < 0.0001$ в таблице 1.

Таблица 1

**Модель характеристики личности говорящего
с учетом монофтонгизации /aI/ и продвинутого вперед /u/
в речи (южная окраска)**

Характеристика личности	Предварительная оценка	Стандартное отклонение выборочного среднего	P-значение (вероятность ошибки)
Южанин	1.3238	0.2552	< 0.0001
Лидер	1.5681	0.4437	< 0.0001
Военнослужащий	0.4771	0.2431	< 0.05

Менее очевидная, но ожидаемая закономерность была выявлена исходя из того, что говорящие, чья речь была определена как имеющая южную окраску, наделялись качествами лидера (коэффициент предварительной оценки 1.5681 и $p < 0.0001$ см. в таблице 1) и, соответственно, воспринимались как имеющие отношение к вооруженным силам (коэффициент предварительной оценки 0.4771 и $p < 0.05$ см. в таблице 1). Для последней закономерности характерна бóльшая вероятность ошибки, однако соотношение статистически значимо.

Доминантность речи

Согласно данным перцептивных исследований, общий уровень ЧОТ говорящего может рассматриваться как коррелят доминантности речи. Авторы предыдущих работ отмечают, что мужские голоса с искусственно заниженной ЧОТ воспринимаются как характеризующиеся большей степенью доминантности, чем те же голоса с искусственно завышенной ЧОТ [Puts, Gaulin, Verdolini 2006]. Далее исследователи указывают на то, что подобное соотношение является более значимым для физической доминантности, чем для социальной [Puts, Hodges, Cárdenas, Gaulin 2007]. Однако доминантность – не единственная характеристика, связанная с показателями среднего уровня ЧОТ, который так же часто ассоциируют с мужественностью и сдержанностью [Puts, Gaulin, Verdolini 2006].

Критерий доминантности речи в описываемом нами эксперименте тоже анализировался при помощи акустических манипуляций с показателями ЧОТ. Изначально было выдвинуто предположение, что говорящие, для речи которых характерны более низкие показатели ЧОТ, будут восприниматься как потенциальные лидеры, наделенные такими качествами, как высокомерие, физическое превосходство и, соответственно, имеющие отношение к вооруженным силам. В целом, данное предположение было подтверждено результатами эксперимента, изложенными в таблице 2.

Говорящие с низкими показателями ЧОТ в речи ассоциировались с физически развитыми личностями (коэффициент предварительной оценки 1.7038 и $p < 0.0001$ представлен в таблице 2), которым многими аудиторами приписывалось также агрессивное поведение. Низкие показатели ЧОТ в речи способствовали восприятию говорящих как высокомерных личностей (коэффициент предварительной оценки 0.8941 и $p < 0.01$ представлены в таблице 2), что может быть связано с идеей о социальном превосходстве физически развитых мужчин, получивших общественное признание и одобрение благодаря их силе и атлетическому телосложению [Campbell-Kibler 2009]. Соответственно, говорящие с характерной низкой ЧОТ в речи воспринимались аудиторами как имеющие отношение к вооруженным силам (коэффициент предварительной оценки 0.5840 и $p < 0.05$ представлен в таблице 2).

Однако следует заметить, что соотношение между низкими показателями ЧОТ в речи и наличием лидерских качеств у говорящего не является статистически значимым ($p < 0.084$), что указывает на прямую взаимозависимость между низкой ЧОТ и физическим превосходством человека и в гораздо меньшей степени – на зависимость социальной значимости от высотных характеристик речи.

Таблица 2

Модель характеристики личности говорящего по критерию доминантности речи с учетом низкой ЧОТ

Характеристика личности	Предварительная оценка	Стандартное отклонение выборочного среднего	P-значение (вероятность ошибки)
Физическое превосходство	1.7038	0.2731	< 0.0001
Высокомерие	0.8941	0.3062	< 0.01
Военнослужащий	0.5840	0.2469	< 0.05

Продуктивность речи

Продуктивность или эффективность речи подразумевает ее быстрый темп, относительно небольшое количество заполненных / незаполненных пауз, четкость и точность формулировки мысли. Количество информации, которое говорящий способен передать за единицу времени, является основным показателем продуктивности речи, что, однако, должно находиться в балансе с четкостью акустических сигналов [Wingfield, Poon, Lombardi, Lowe 1985].

Акустические модификации темпоральных характеристик речи в ходе исследуемого нами эксперимента позволили авторам сделать вывод о продуктивности речи его участников. Предварительные гипотезы в отношении данного критерия изначально рассматривались как реалистичные, поскольку взаимосвязь между темпом речи и ее продуктивностью очевидна. Первоначальная гипотеза строилась на том, что замедленный темп речи будет способствовать восприятию говорящего как недостаточно эффективного и квалифицированного специалиста и, как следствие, не имеющего отношения к вооруженным силам. Следует отметить, что в целом данная гипотеза была подтверждена результатами эксперимента,

изложенными в таблице 3. Важно, что отрицательное значение коэффициента предварительной оценки в данном случае выражает отрицательное соотношение между замедленным темпом речи и вероятностью наличия анализируемой личностно-речевой характеристики у говорящего. Так, замедленный темп речи действительно характеризовал человека как менее работоспособного (коэффициент предварительной оценки -2.6664 и $p < 0.0001$ в таблице 3), недостаточно компетентного (коэффициент предварительной оценки -2.5970 и $p < 0.0001$ в таблице 3) и даже как в меньшей степени готового помочь в трудной ситуации (коэффициент предварительной оценки -2.1392 и $p < 0.0001$ в таблице 3). Ассоциацию быстрого темпа речи мужчин с физической силой, энергией и компетентностью проводят и авторы предыдущих перцептивных исследований [Peng, Zebrowitz, Hoon Koo Lee 1993]. Замедленный темп речи не способствовал восприятию говорящего и как военнослужащего (коэффициент предварительной оценки -1.4932 и $p < 0.0001$ в таблице 3). Хотя способность к произнесению большего количества слов за единицу времени естественным образом рассматривается как бóльшая продуктивность речи, экспериментальное задание, выполняемое аудиторами, было осложнено невозможностью сравнения темпа речи у разных говорящих. Таким образом, оценка темпа и его сопоставление с продуктивностью речи осуществлялась лишь на основании индивидуальных понятий о стандартной скорости речи.

Таблица 3

Модель характеристики личности говорящего по критерию продуктивности речи с учетом замедленного темпа

Характеристика личности	Предварительная оценка	Стандартное отклонение выборочного среднего	P-значение (вероятность ошибки)
Работоспособность	-2.6664	0.3038	< 0.0001
Компетентность	-2.5970	0.3821	< 0.0001
Готовность помочь	-2.1392	0.3508	< 0.0001
Военнослужащий	-1.4932	0.2539	< 0.0001

Безэмоциональность (нейтральность) речи

Еще до проведения эксперимента исследователи предполагали, что голосовой диапазон тесно взаимосвязан с эмоциональностью речи, а именно, что акустические манипуляции, приводящие к сужению диапазона, будут способствовать восприятию говорящего как человека закрытого и скупого в выражении эмоций. Результаты эксперимента, изложенные в таблице 4, полностью подтвердили данное предположение (коэффициент предварительной оценки 0.6440 и $p < 0.05$ представлены в таблице 4), а также выводы предыдущих исследователей о том, что для эмоциональной речи характерно расширение голосового диапазона и повышение уровня ЧОТ [Burkhardt, Sendmeier 2000]. Соотношение величины диапазона голоса и восприятия говорящего как военнослужащего оказалось статистически не значимым.

Таблица 4

Модель характеристики личности говорящего по критерию безэмоциональности (нейтральности) речи с учетом расширенного диапазона

Характеристика личности	Предварительная оценка	Стандартное отклонение выборочного среднего	P-значение (вероятность ошибки)
Эмоциональность	0.6440	0.2761	< 0.05

Характеристика личности говорящего с учетом акустических модификаций всех переменных

В качестве заключительного этапа эксперимента, результаты которого представлены в таблице 5, из всего звучащего корпуса авторы выбрали несколько речевых отрывков, где были произведены акустические манипуляции со всеми исследуемыми переменными: монофтонгизация /a/ и продвижение вперед /u/, понижение уровня ЧОТ, ускорение темпа речи и расширение голосового диапазона. Данные манипуляции должны были способствовать созданию образа говорящего как представителя военной профессии, что и было достигнуто, по мнению большинства аудиторов (коэффициент предварительной оценки 2.2205 и $p < 0.0001$ в таблице 5). Кроме того, обладатели видеоизмененных подобным образом

голосов были охарактеризованы как физически развитые (коэффициент предварительной оценки 2.7491 и $p < 0.0001$ см. в таблице 5) и готовые помочь в трудной ситуации мужчины (коэффициент предварительной оценки 1.5295 и $p < 0.01$ см. в таблице 5).

Таблица 5

Модель характеристики личности говорящего с учетом акустических модификаций всех переменных

Характеристика личности	Предварительная оценка	Стандартное отклонение выборочного среднего	P-значение (вероятность ошибки)
Военнослужащий	2.2205	0.3425	< 0.0001
Физическое превосходство	2.7491	0.4946	< 0.0001
Готовность помочь	1.5295	0.4827	< 0.01

Таблица 6

Соотношение речевого критерия и статистически значимой характеристики личности с соответствующим P-значением

Речевой критерий	Характеристика личности	Подтверждение	P-значение (вероятность ошибки)
Южная окраска	Южанин	X	< 0.0001
	Лидер	X	< 0.001
	Военнослужащий	X	< 0.05
	Интеллигентность		
Доминантность	Доброта		
	Физическое превосходство	X	< 0.0001
	Высокомерие	X	< 0.01
	Военнослужащий	X	< 0.05
Продуктивность	Лидер		
	Работоспособность	X	< 0.0001

Речевой критерий	Характеристика личности	Подтверждение	P-значение (вероятность ошибки)
	Компетентность	X	< 0.0001
	Готовность помочь	X	< 0.0001
	Военно-служащий	X	< 0.0001
Безэмоциональность (нейтральность)	Эмоциональность	X	< 0.05
	Человечность		
	Северянин		
	Военно-служащий		
Все переменные	Военно-служащий	X	< 0.0001
	Физическое превосходство	X	< 0.0001
	Готовность помочь	X	< 0.01
	Интеллигентность		
	Южанин		
	Доброта		

Заключение (выводы)

Обобщая результаты проведенного эксперимента, представленные в таблице 6, можно говорить о том, что каждая лингвистическая переменная социально значима, в сознании собеседника она находится в тесной связи с восприятием говорящего как личности в целом, способствует выявлению специфических черт его характера, определению его происхождения и социальных категорий [Campbell-Kibler 2007; Campbell-Kibler 2009; Eckert 2003]. Так, описываемый нами эксперимент продемонстрировал взаимозависимость низкой ЧОТ и физической доминантности; ускоренного темпа речи и компетентности; монофтонгизации /aI/, продвижения

вперед /u/ и признаков южной окраски речи; широкого диапазона голоса и экспрессивности. А гармоничное сочетание всех перечисленных переменных в речи говорящего способствуют его восприятию как успешного представителя военной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Burkhardt, F. and Sendlmeier, W.* Verification of Acoustical Correlates of Emotional Speech Using Formant-Synthesis / Proceedings of the ISCA Workshop on Speech and Emotion. 2000. P. 151–156.
- Campbell-Kibler, K.* Accent, (ING), and the Social Logic of Listener Perceptions / American Speech. № 82 (1), 2007. P. 32–64.
- Campbell-Kibler, K.* The Nature of Sociolinguistic Perception / Language Variation and Change. № 21, 2009. P. 135–156.
- Clopper, C.G. and Pisoni, D.B.* Effects of Talker Variability on Perceptual Learning of Dialects / Language and Speech. № 47, 2004. P. 207–239.
- Clopper, C.G. and Pisoni, D.B.* Homebodies and Army Brats: Some Effects of Early Linguistic Experience and Residential History on Dialect Categorization / Language Variation and Change. № 16, 2004. P. 31–48.
- Eckert, P.* The Meaning of Style / Texas Linguistic Forum. № 47, 2003. P. 41–53.
- Eckert, P.* Variation, Convention, and Social Meaning / Paper Presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. Oakland, California: Stanford University, 2005. 33 p.
- Fridland, V.* Regional Differences in Perceiving Vowel Tokens on Southernness, Education and Pleasantness Ratings / Language Variation and Change. № 20, 2008. P. 67–83.
- Goldinger, S.D.* Words and Voices: Perception and Production in an Episodic Lexicon / Johnson, K. & Mullennix, J. W. (ed.) Talker Variability in Speech Processing. San Diego: Academic Press, 1997. P. 33–66.
- Kirtley, J.* Making a Soldier out of a Civilian: Linguistic Identity in the U.S. Military / Selected Papers from the Fourteenth College-Wide Conference for Students in Languages, Linguistics, and Literature. 2010. P. 74–80.
- Kirtley, J.* Speech in the U.S. Military: a Sociophonetic Perception Approach to Identity and Meaning (a Thesis). the USA, Hawaii: University of Hawaii at Mānoa, 2011. 100 p.
- Labov, W.* The Social Motivation of a Sound Change / Word. № 19, 1963. P. 273–309.
- Peng, Ying; Zebrowitz, L.A.; Hoon Koo Lee* The Impact of Cultural Background and Cross-Cultural Experience on Impressions of American and

- Korean Male Speakers / Journal of Cross-Cultural Psychology. № 24 (2), 1993. P. 203–220.
- Purnell, T.; Idsardi, W.; Baugh, J.* Perceptual and Phonetic Experiments on American English Dialect Identification / Journal of Language and Social Psychology. № 18, 1999. P. 10–30.
- Puts, D.A.; Gaulin, S.J.C.; Verdolini, K.* Dominance and the Evolution of Gender Dimorphism in Human Voice Pitch / Evolution and Human Behaviour. № 27 (4), 2006. P. 283–296.
- Puts, D.A.; Hodges, C.R.; Cárdenas, R.A.; Gaulin, S.J.C.* Men's Voices as Dominance Signals: Vocal Fundamental and Formant Frequencies Influence Dominance Attributions among Men / Evolution and Human Behaviour. № 28 (5), 2007. P. 340–344.
- Sumner, M.; Arthur G. Samuel* The Effect of Experience on the Perception and Representation of Dialect Variants / Journal of Memory and Language. № 60, 2009. P. 487–501.
- Wingfield, A.; Poon, L.W.; Lombardi, L.; Lowe, D.* Speed of Processing in Normal Aging: Effects of Speech Rate, Linguistic Structure, and Processing Time / Journal of Gerontology. № 40, 1985. P. 579–585.

УДК 81'34

Т. И. Шевченко

доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОГО УДАРЕНИЯ И РИТМА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Вариативность английского ударения и ритма рассматривается в территориальном и социокультурном аспектах; в центре внимания находятся результаты контактов языков и культур. В работе также затрагиваются когнитивные аспекты производства и восприятия речи, которые раньше составляли часть психолингвистической области знания. Исходные положения заключаются в следующем: слово хранится в лексиконе вместе с его акцентной моделью и социально значимой информацией его употребления; частотность, новизна и яркость звуковой формы способствует извлечению слова из памяти; акустические ключи, необходимые для идентификации слова, могут соперничать за право быть ведущими; обработка информации «снизу вверх» и «сверху вниз» также неравномерно участвует в распознавании слов; единицы речевого ритма коррелируют с другими биологически обусловленными ритмами человека. Обозначены современные принципы когнитивно-дискурсивной методологии анализа звучащей речи, основанные на работах автора. Частотность слов, типов ударения и ритма устанавливается на базе обширных корпусов аутентичной речи. Сопоставительный анализ кодифицированных норм в словарях, когнитивных репрезентаций по данным носителей языка и данных из корпусов звучащей речи дает глубокое понимание действительного использования языка. В анализе ритма метод PVI открывает новую парадигму в исследовании английских диалектов путем выявления характеристик слогового или такточитающего типов ритма. Изменчивость ударения и ритма, в защиту обучения которому высказался Д. Кристал, свидетельствует о необходимости обучать английскому ритму, наряду с другими просодическими характеристиками, для улучшения разборчивости речи и социокультурного имиджа говорящих.

Ключевые слова: английский язык; ударение; ритм; социокультурные факторы; методология; частотность; корпусный анализ.

Shevchenko T. I.

Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

SOCIOCULTURAL BASIS OF ENGLISH RHYTHM AND STRESS VARIATION: PRINCIPLES OF METHODOLOGY

English stress and rhythm variation is viewed in geographical and sociocultural perspectives, and is focused on language and culture contacts effects. The paper is also concerned with the cognitive aspects of speech production and perception which previously were part of the psycholinguistic domain. The basic assumptions are: the word is stored in the lexicon together with its accentual pattern and socially relevant information of usage; frequency, recency and salience of the sound form facilitate word retrieval from memory; acoustic cues needed for word identification compete for primacy; bottom-up and top-down information processing also take unequal shares in word recognition; rhythmic speech units are correlated with other human biologically conditioned rhythms. Based on the author's research, new trends in cognitive-discursive methodology of sound speech analysis are outlined. Word, stress and rhythm patterns' frequencies are found on the basis of large authentic speech corpora. Comparative analysis of codified norms in the dictionaries and cognitive representations reported by native speakers with sound corpora data gives a deep insight into the actual language usage. In rhythm analysis the PVI method opens a new paradigm in English dialect research by diagnosing either syllable-based or accent-based rhythm features. Stress and rhythm changeability, supported by D. Crystal's argument for its learnability, gives evidence to the necessity of teaching English rhythm, alongside with other prosodic features, to improve speech intelligibility and the sociocultural image of speakers.

Key words: English; stress; rhythm; sociocultural factors; methodology; frequency; corpus analysis.

Введение:

новое в методологии современного анализа ударения и ритма

Развивая методологию современного когнитивно-дискурсивного подхода в изучении просодии, считаем важным привлечь внимание к когнитивным процессам обработки, хранения и извлечения фонетико-фонологической информации человеком во время общения, которые ранее разрабатывались в рамках психолингвистики [Социофонетические методы анализа... 2015; Cooper et al. 2002; Mc Queen, Cutler 2013]. В области изучения ударения и ритма в современном понимании к ним относятся, в частности:

- факты сохранения звукового облика слова вместе с его акцентной структурой, а также с социально значимой информацией, сопутствующей восприятию и воспроизведению этого слова;
- основные характеристики словоупотреблений, способствующие извлечению слов из памяти: частотность (frequency),

недавнее употребление (*recency*), яркость звуковой формы (*saliency*) [Pierrehumbert 2001];

– «акустические ключи» (*acoustic cues*), на которые опирается человеческое восприятие при распознавании (идентификации) слов, относительная значимость которых оспаривается в связи со сложностью их состава и одновременного присутствия в таком явлении, как, например, словесное ударение [Cutler 2012; 2015];

– взаимодействие сигналов чисто фонетического характера, т. е. информации «снизу» (*bottom-up*), с данными общего социального и локального контекста, которые способствуют идентификации слов при восприятии и трактуются как информация «сверху» (*top-down*) [Field 2005];

– корреляция биологических ритмов человека с ритмическими характеристиками лингвистических единиц звучащей речи.

Особого внимания в последние десятилетия потребовал фактор *частотности*, который повлек за собой необходимость исследования больших объемов естественной речи методом *корпусного анализа*. Обработка полученных данных, извлеченных посредством все усложняющихся компьютерных программ и математико-статистических методов, вплоть до создания моделей мозга, которые называются ДНН (DNN – *deep neural network*) и СиНН (CNN-convulsive neural network), на наш взгляд, всё еще нуждается в лингвистической интуиции фонетиста, который может обобщить результаты, полученные для автоматического распознавания речи, и дать им лингвистическую интерпретацию.

Лингвистическая оценка больших массивов данных сочетается в корпусном анализе с учетом *социокультурного контекста* и *социально-личностных (индексных) характеристик* как говорящих, так и целевой аудитории в процессе их речевого взаимодействия [Социофонетические методы анализа... 2015]. Благодаря выполнению этого принципа фонология обогащается знаниями относительно влияния возраста, гендера, географического происхождения и социального класса на фонетические изменения в социуме. В данной статье мы приведем примеры влияния социокультурных факторов на изменения ударения и ритма английского языка, в том числе языковых контактов народов, принадлежащих к разным культурам.

К числу наиболее продуктивных методик анализа ритма, отражающих влияние контактирующих языков и культур, относится

метод попарного сопоставления смежных сегментов, или *индекс парной вариативности* (PVI – pairwise variability index), который буквально открыл новую парадигму ритма [Современные методы анализа... 2012]. Выявляя степень вариативности смежных сегментов, т. е. гласных, согласных, слогов или синтагм, исследователь узнает, как эти речевые единицы участвуют в создании периодичности повторяющихся элементов. Этот метод использовался при сравнении различных языков и диалектов, в том числе британского и сингапурского, британского и индийского, британского и гонконгского вариантов английского языка [Low et al. 2000; Deterding 2001; Nolan, Asu 2009; Типология вариантов... 2012].

Изменчивость не только ударения, но и ритма, в защиту обучения которому высказался Д. Кристал [Crystal 1996], убеждает нас в том, что просодическим особенностям английской речи можно и следует учить с целью улучшения распознавания и разборчивости речи, а также для совершенствования социокультурного имиджа обучающихся [Галочкина, Шевченко 2010].

Ударение

Английское ударение, как известно, выполняет организующую функцию на уровне слова (словесное ударение) и на уровне фразы (фразовое ударение), в отличие от французского ударения, которое является только фразовым ударением и проявляется в акцентной группе, где ударение фиксируется на последнем слоге. С оценкой двухуровневого характера английского ударения согласны и современные исследователи английского языка [Шевченко 2009; Fox 2007]. В исторической перспективе самое значительное влияние французского языка проявилось после трехсотлетнего контакта языков в период Нормандского завоевания, в результате чего английский язык обогатился большим слоем «культурной лексики» и приобрел «гибридную» систему словесного ударения [Crystal 1996]. Наложение двух акцентных систем отражается в противоборстве двух тенденций: рецессивной (германская, ударение на корне слова) и ритмической (романская, ударение сохраняется на конце слова). Что касается принципов, определяющих место словесного ударения в английском языке, то в современной лингвистике сформировалось мнение, более определенно связывающее словесное ударение с характером слога и с его положением

относительно края слова: ударение падает, как правило, на «тяжелый» слог (содержит долгий гласный, дифтонг или краткий гласный, прикрытый согласным) и зависит от края слова; ритм трохейческий. Этот принцип влияет на выбор места главного ударения в слове, в то время как дополнительное ударение (вторичное или третичное) определяется ритмом [Hulst 2009]. При определенных морфологических ограничениях и большом количестве частных случаев, которые можно считать исключениями, эти принципы «работают», и они легли в основу определения английского ударения в базе данных 750 языков мира, составленных учеными разных стран по проекту *Stresstyp 2* [Hulst 2014].

Постоянные контакты различных языков и культур на территориях, где английский язык имеет давнюю историю распространения, отразились в сегментной фонологии и в просодии национальных и региональных вариантов английского языка. При этом, согласно выводам Д. А. Шахбаговой, наибольшую вариативность демонстрируют гласные, а наименьшую – согласные и словесное ударение [Шахбагова 1992]. И действительно, дальнейшие исследования, основанные на двух орфоэпических словарях английского языка, в каждом из которых даются британский и американский варианты произношения слов, включая ударение, подтвердили эту тенденцию: только от 1,4 % до 4 % слов, включенных в орфоэпические словари Дж. Уэлза и Д. Джоунза, различаются в двух вариантах [Wells 1990; Jones 2011; Berg 1999; Буряя 2010]. Кроме того, авторы отмечают, что такие слова (их насчитывалось около 1400) относятся, в основном, к заимствованиям из романских языков и представляют собой малоупотребительные имена собственные и географические названия.

Однако опыт межкультурного общения в США и в Англии подсказывал, что не все отобранные словарные единицы в равной степени имеют низкую частотность и малоизвестны в качестве маркеров национальной идентичности. В парах слов *ADDress-adRESS*, *PRINcess-prinCESS*, *BALlet-baLLET*, *CAfé-caFE*, *BUffet-buFFET*, и в ряде других слов романского происхождения американский вариант, как известно, сохранил верность французскому акцентному типу, в отличие от британского. Как правило, это было ударение на последнем слоге, что создавало ямбический ритм.

Современные технологии открыли доступ к большим национальным корпусам английской речи, в которых собранный ранее

Е. А. Бурой список из 1400 слов был проверен Д. Т. Поздеевой на частотность в британском (BNC) [British National Corpus 2015], американском (COCA) [Corpus of Contemporary American English 2015] и канадском (CEC) [Canadian English Corpus 2015] корпусах. В соответствии с гипотезой авторов, часть слов (89) оказалась достаточно частотной во всех территориальных вариантах (50 слов на миллион употреблений), чтобы быть включенной в дальнейший анализ для проверки их когнитивной репрезентации у носителей языка [Shevchenko, Pozdeeva 2017].

Методом опроса канадских носителей английского языка выявилась социодемографическая дифференциация когнитивных представлений о месте словесного ударения, связанная с доминантным либо сбалансированным положением английского языка относительно французского или других языков в их речевом репертуаре. При доминантном положении английского языка проявились типично канадские модели с самым значительным количеством ритмических ударений; сбалансированный англо-французский билингвизм отразился в стремлении к британским образцам в ударении, заложенным в системе канадского преподавания английского языка; носители других языков оказались под влиянием американских образцов, присутствующих в современном устном общении, включая медийное пространство.

Следующим этапом было обращение к корпусам звучащей речи IDEA, VOICE [International Dialects of... 2015; Voices of the International... 2016], т. е. к реальным произведениям речи, в которых были найдены те акцентные типы слов, которые были первоначально установлены на материале словаря [Barber 2004], который представляет кодифицированную норму данного национального варианта, и подтверждены на основании данных о когнитивных репрезентациях в сознании носителей языка. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход опирается на мнения лингвистов-составителей словарей, на данные о когнитивных репрезентациях у носителей языка и на анализ реальных проявлений установленных тенденций в устной речи носителей языка [Shevchenko, Pozdeeva 2017]. Многоэтапный всесторонний анализ обеспечивает полное понимание реального функционирования языка в социуме, в данном случае – канадской идентичности в области словесного ударения.

Ритм

Методика сопоставления ритма различных языков и диалектов, основанная на метрике гласных и согласных в двух соседних слогах, которая носит название «индекс парной вариативности» (PVI), позволила выявить признаки слогосчитающего ритма в сингапурском, индийском, гонконгском и других «новых», а по сути колониальных вариантах английского языка [Low et al. 2000; Deterding 2001], т. е. в тех странах, которые входили в состав Британской империи, а в настоящее время сохранили английский язык для международного и даже межъязыкового общения, как, например, в таких многоязычных странах, как Индия или Нигерия. Влияние родного языка и культуры в этих вариантах английского языка очевидна, а степень их влияния зависит от социокультурного статуса носителей, в соответствии с их положением на вертикали социального континуума от «базилекта» (наибольшее приближение к локальным нормам, например в креольских языках Карибского бассейна), через «мезолект» (средняя степень приближения в британскому стандарту, не лишенная местных черт в произношении) к «акролекту» (практически приближенное к британскому стандарту произношение). В такой же мере, вероятно, градиентно приближение к тактосчитающему (акцентному) ритму британской произносительной нормы, противопоставленной слогосчитающему ритму родного языка населения этих стран.

Более масштабные исследования, основанные на данных корпуса IViE (Intonation Variation in English) в Британии и Ирландии, выявили сходство и различие ритмических характеристик английской речи подростков в девяти городах: тех, у кого первый язык – панджаби (в Бредфорде), карибский вариант английского языка (в восточной части Лондона), валлийский (в Кардиффе). Ритмические показатели соответствовали географической близости диалектов двух северных городов (Ньюкасл и Лидс), а также социокультурной близости двух городов, в которых сохранился самый консервативный тип английского произношения (Кембридж и Дублин) [Loukina et al. 2009].

Взаимовлияние языков и культур можно проследить там, где есть записи звучащей речи, которые относятся к разным периодам языкового контакта. Так, например, было установлено, что ритм речи городского населения афроамериканцев в штате Северная

Каролина изменился за последние два века по сравнению с ритмом речи рабов в такой степени, что стал тактосчитающим, превысился по этим показателям евроамериканцев. В том же регионе испаноговорящие билингвы, тем не менее, сохранили слогосчитающий тип ритма даже в английском языке [Thomas, Carter 2006]. Как видно, языковая неуверенность (insecurity) афроамериканцев в обстановке осуждения их исконного диалекта не позволила им сохранить ритм родной речи, в отличие от испаноговорящей части населения. На севере США, по данным У. Лабова, например, вследствие сегрегации и раздельного проживания на территории городов носители афроамериканского диалекта практически не участвуют в вокалических изменениях, известных как «сдвиг северных городов» [Labov 2012]. В Новой Зеландии, напротив, английский язык переселенцев при долговременном контакте с культурой и языком маори приобрел признаки слогосчитающего ритма, что особенно ярко проявилось в речи молодежи [Szakay 2006; Nokes, Hay 2012]. С течением времени взаимовлияние носителей разных языков и культур, объединенных одной территорией и условиями общения в социуме, проявляется в такой важной характеристике английского языка, как ритм [Бурая 2014; Шевченко 2016].

Социокультурная общность, с одной стороны, и разделение по территориальному признаку, с другой – могут относиться к разным регионам одной страны. Так, например, У. Лабов, дополняя свои данные по фонологической классификации американских регионов, цитирует американских культурологов, которые делят жителей США по территориальному и социокультурному признакам, называя северян «моралистами», жителей Мидленда – «индивидуалистами», а южан – «традиционалистами» [Labov 2012]. Сопоставляя ритмотемпоральные характеристики диалогической речи жителей этих регионов методом PVI на материале американского корпуса телефонных переговоров [Godfrey, Holliman, Mc Daniel 1992], Т.В. Сокорева обнаружила, что больше всего по темпу речи именно Юг отличается от других регионов. С другой стороны, наиболее значимые различия выявились в речи жителей всех регионов при сравнении групп молодого и среднего возраста. Таким образом, социодемографическая общность поколений оказала самое значительное воздействие на темп и ритм речи жителей США [Sokoreva, Shevchenko 2016].

Выводы

Ударение и ритм, несмотря на устойчивость по отношению к другим составным частям фонологической системы, могут быть подвержены влиянию контактирующих языков и культур при условии общности территории и участия в социальном речевом взаимодействии в течение достаточно протяженного периода времени.

В современной методологии когнитивно-дискурсивного подхода к явлениям звучащей речи важную роль играет анализ частотности слов, акцентных и ритмических типов, основанный на материале больших корпусов естественной речи.

Новая парадигма ритма связана с применением метода PVI для выявления дифференцирующих признаков слогосчитающего либо тактосчитающего типов ритма в английских диалектах, где происходит контакт языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буря Е. А.* Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Фонетика и фонология дискурса. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 23–41. (Вестн. Моск. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Серия Языкознание).
- Буря Е. А.* Ритмические средства выражения социальной и национальной идентичности // Фонетика: проблемы и перспективы. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 33–43. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия Языкознание).
- Галочкина И. Е., Шевченко Т. И.* Мелодика и ритм как составляющие социокультурной компетенции // Фонетика и фонология дискурса. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 42–54. (Вестн. Моск. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Серия Языкознание).
- Типология вариантов фонологической системы английского языка / Л. В. Постникова [и др.] ; под ред. Т. И. Шевченко. Тула : Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012. 194 с.
- Шахбагова Д. А.* Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М. : Фоллис, 1992. 284 с.
- Шевченко Т. И.* Теоретическая фонетика английского языка. 2-е изд., стереотип. М. : Высшая школа, 2009. 191 с.
- Шевченко Т. И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. 240 с.

- Современные методы анализа звучащей речи / Т.И. Шевченко [и др.].
Дубна : Феникс+, 2012. 120 с.
- Социофонетические методы анализа звучащей речи / Т.И. Шевченко [и др.].
Дубна : Феникс+, 2015. 212 с.
- Barber K.* (ed.) *Canadian Oxford Dictionary*. 2nd edn. Toronto : Oxford University Press, 2004. 683 p.
- Berg T.* *Stress Variation in British and American English // World Englishes*. 1999. # 18 (2). P. 123–143.
- British National Corpus. URL: www.natcorp.ox.ac.uk/, last accessed 2015/12/05
- Canadian English Corpus. URL: corpus.byu.edu/can/, last accessed 2015/12/05
- Cooper N., Cutler A., Wales R.* Constraints of Lexical Stress on Lexical Access in English: Evidence from Native and Non-native Listeners // *Language and Speech*. 2002. #45 (3). P. 207–228.
- Corpus of Contemporary American English. URL: corpus.byu.edu/coca/, last accessed 2015/12/05
- Crystal D.* *The Past, Present and Future of English Rhythm*. 1996. URL: www.davidcrystal.com/DC_articles/English46
- Cutler A.* Native Listening. The flexibility dimension // *Dutch Journal of Applied Linguistics*. 2012. 1:2. P. 169–188.
- Cutler A.* Lexical Stress in English Pronunciation // M. Reed, J. M. Levis (eds.) *The Handbook of English Pronunciation*. Chichester, UK. : Wiley Blackwell. 2015. P. 106–124.
- Deterding D.* Measurements of Rhythm: a Comparison of Singapore and British English // *Journal of Phonetics*. 2001. #29. P. 217–230.
- Field J.* Intelligibility and the Listener: The Role of Lexical Stress // *TESOL Quarterly*. 2005. #39 (3). P. 399–424.
- Fox A.* *Prosodic Features and Prosodic Structure: The Phonology of Suprasegmentals*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 401 p.
- Godfrey J., Holliman E., Mc Daniel J.* SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92, 1992.
- Hulst H. van der.* (ed.). *Word Stress: Theoretical and Typological Issues*. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 374 p.
- Hulst H. van der.* Brackets and Grid Marks, or Theories of Primary Accent and Rhythm // E. Raimy, C. Cairns (eds.) *Contemporary Views on Architecture and Representations in Phonological Theory*. Cambridge, MA : MIT press, 2009. P. 225–245.
- International Dialects of English Archive. URL: www.dialectsarchive.com/canada, last accessed 2015/10/17
- Jones D.* *English Pronouncing Dictionary* / Ed. by P. Roach, J. Setter, J. Esling. 18th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 580 p.

- Labov W.* Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change. Charlottesville and London : University of Virginia Press, 2012. 173 p.
- Loukina A., Kochanski G., Shih C., Keane E., Watson I.* Rhythm Measures with Language-Independent Segmentation // Proceedings of Interspeech 2009: Speech and Intelligence. Brighton, UK, 2009. P. 1531–1534.
- Low E., Grabe E., Nolan F.* Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English // Language and Speech. 2000. # 43. P. 377–401.
- McQueen J.M., Cutler A.* Cognitive Processes in Speech Perception // W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (eds.). The Handbook of Phonetic Sciences. 2nd ed. Chichester, U.K. : Wiley-Blackwell. 2013. P. 489–520.
- Nokes J., Hay J.* Acoustic Correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study // Language Variation and Change. 2012. # 24. P. 1–31.
- Nolan F., Asu E.L.* The Pairwise Variability Index and Coexisting Rhythms in Language // *Phonetica*. 2009. #66. P. 64–77.
- Pierrehumbert J.* Exemplar dynamics: word frequency, lenition and contrast // J. Bybee, P. Hopper (eds.). Frequency and the Emergence of Linguistic Structure. Amsterdam : Benjamins, 2001. P. 137–157.
- Szakay A.* Rhythm and Pitch as Markers of Ethnicity in New Zealand English // Proc. 11th Australian International Conference on Speech Science and Technology. New Zealand: 2006. P. 421–426.
- Shevchenko T., Pozdeeva D.* Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multilingual Community. Lecture Notes in Computer Science. 2017. 10458. pp. 221–232.
- Soikoreva T., Shevchenko T.* Starting a Conversation: Indexical Rhythmical Features Across Age and Gender (a corpus study). Lecture Notes in Computer Science. 2016. 9924. 495–505. *Thomas E., Carter P. M.* Prosodic rhythm and African American English // *English World Wide*. 2006. #27(3). P. 331–355.
- Voices of the International Corpus of English (VOICE) CANADA Dataverse. URL: dataverse.library.ualberta.ca/dvn/dv/VOICE, last accessed 2016/08/07
- Wells J. C.* Longman Pronunciation Dictionary. Pearson Education Limited. 1990. 921 p.

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: cybnb@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСОДИИ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Существующие разновидности публичной речи могут быть рассмотрены не только с точки зрения их фоностилистической вариативности, но и в отношении особенностей использования невербальных средств коммуникации. Жесты, мимика, позы, телодвижения, местонахождение в лекционном пространстве играют большую роль в передаче и получении информации.

Статья посвящена совместному функционированию просодических и невербальных средств в структурировании публичного выступления. Хотя изучение ораторского искусства имеет давние традиции, корреляция этих составляющих в риторике остается малоизученной. Поэтому *тема статьи* и поставленная *цель* – проанализировать взаимодействие просодических и невербальных средств в организации публичного дискурса представляют собой *новизну* исследования, выполненного в рамках *актуального*, активно развивающегося полимодального направления в лингвистике.

Краткий экскурс в историю изучения риторики, а также анализ работ, относящихся к концу XX в. и началу XXI в., позволяют выявить важные аспекты публичной речи на современном этапе. К ним относятся, например, установление контакта с аудиторией, зрительное восприятие лектора слушателями, наиболее оптимальные возможности использования кинесических и проксеменных средств, умение контролировать невербальное поведение, которое должно быть синхронизировано со словом и интонацией.

В результате анализа специальной литературы автор формулирует важные вопросы, относящиеся к структурированию публичного дискурса просодическими и невербальными средствами. В эксперименте ставится задача выявить корреляцию просодии с проксеменными действиями и позами, характерными для выступающих во время чтения лекции.

На основе анализа аутентичного видеоматериала делаются выводы о том, что изменения позы лекторов или их позиции в пространстве отражают определенные когнитивные процессы. Они, с одной стороны, участвуют в структурировании дискурса, в соединениях его крупных единиц – сверхфразовых единств (СФЕ), с другой – выражают смысловые отношения внутри этих единиц. В первом случае наблюдается маркирование начала СФЕ, где происходит введение новой темы (подтемы). Во втором смена позы связана с такими когнитивными значениями, как пространство и время, сравнение, контраст, различия, выражение собственного мнения, объяснение, вывод, перечисление и др.

Подчеркивается, что переход к новой теме (подтеме) в начале СФЕ поддерживается стабильностью просодических составляющих по сравнению с некоторой просодической вариативностью других когнитивных значений.

Полученные результаты позволяют расширить существующие представления об особенностях и возможностях просодических и невербальных средств в структурировании публичной речи.

Ключевые слова: структурирование публичного дискурса; сверхфразовое единство; просодия; невербальные средства; проксемные стратегии; позиция в лекционном пространстве; поза; когнитивные значения; лектор; контакт с аудиторией.

Tsibulya N. B.

PhD (Philology), Professor of the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language of Moscow State Linguistic University;
e-mail: cybnb@mail.ru

INTERACTION OF PROSODY AND NON-VERBAL MEANS IN PUBLIC DISCOURSE ORGANIZATION

Public speech varieties can be regarded not only from the point of view of their phonostylistic characteristics, but also from the non-verbal aspect. Gestures, facial expressions, body movements, spatial strategies play an important role in transmitting and receiving information.

The article is devoted to correlation of prosodic and non-verbal means in structuring public discourse. Though studies of oratory have long-established traditions, interaction between prosody and non-verbal units requires deeper investigation. So, the *theme* of the article and the *aim* to analyse interconnection of prosody and body language in public speech organization reveal novelty of the research, carried out within the framework of *topical* multimodal linguistics.

A survey of the history of rhetoric studies, as well as those referring to the end of XX century and the beginning of XXI century, makes it possible to single out public speech aspects important at present. They include, for example, establishing contact with the audience, visual perception of the lecturer by hearers, appropriate use of kinesics and proxemics, control of non-verbal behaviour which should be synchronized with words and intonation.

Relevant works analysis provided, the author focuses on important aspects of prosodic and non-verbal public speech structuration. In the experiment, based on authentic video material, correlation of prosody with lecturers' proxemics behaviour and postures is studied.

The author comes to the conclusion that changes in orators' postures and positions indicate to certain cognitive processes. On the one hand, they organize the discourse maintaining coherence between its large units – super phrasal unities (SPU), marking a new topic at the beginning of an SPU. On the other hand, posture change within an SPU reflects such cognitive categories as space and time, comparison, differences, expressing an opinion, explanation, conclusion, enumeration, and others.

It is revealed that introduction of a new theme or topic at the beginning of an SPU is supported by prosodic stability, whereas other cognitive meanings are characterized by certain prosodic variability.

The results obtained help reconsider our ideas about the functions of prosody and non-verbal means in public speech structuration.

Key words: public discourse structuration; super phrasal unity; prosody; non-verbal means; proxemics strategies; position in lecture space; posture; cognitive meaning; lecturer; contact with the audience.

Введение

В публичной речи обычно выделяют такие разновидности, как лекция, доклад, сообщение, беседа и др., каждая из которых может быть рассмотрена с точки зрения фоностилистических особенностей. Студентам, обучающимся по специальности «Межъязыковая и межкультурная коммуникация», необходимо знать и уметь анализировать не только вариативность фоностилей публичного дискурса, но также совершенствовать и уметь контролировать свое невербальное поведение. Жесты, мимика, позы, положение в пространстве играют большую роль в процессе выступления.

К настоящему времени в области риторики накоплен обширный материал, однако такой аспект, как взаимодействие просодии и невербальных средств в ораторской речи остается малоизученным. Поэтому поставленная *цель* – проанализировать взаимосвязь определенных компонентов невербалики и просодии в организации публичного дискурса представляет собой *новизну* исследования.

Проведенный эксперимент выполнен в рамках *актуального*, активно развивающегося полимодального направления в лингвистике. Изучение функционирования разноуровневых единиц в публичной речи позволяет расширить существующие представления об особенностях и возможностях человеческой коммуникации.

Теоретические предпосылки исследования

Исследования, посвященные особенностям публичной речи, манере поведения ораторов, имеют давнюю историю. В Античности, например, риторике, искусству убеждения слушателей, придавалось большое значение. Достаточно вспомнить таких выдающихся ораторов древности, как Демосфен и Цицерон, написавших многочисленные труды в этой области [Соболевский 1955; Радциг 1974; Безменова 1991].

В Античной ораторике выделялись различные виды красноречия, например такие, как торжественное, политическое, военное, совещательное и судебное¹. Последнее играло очень важную роль в жизни общества, так как споры часто разрешались в суде. При этом риторика защиты и риторика обвинения также имели свои особенности.

Наряду с требованиями, предъявлявшимися к композиции и приемам аргументации, к зрелости и логике суждений, античные авторы подчеркивали, что важную роль в красноречии играют интонация, произношение, четкая артикуляция, а также жесты и мимика [Радциг 1974]. Древние, виртуозно владевшие ораторским искусством, с помощью специальных знаков фиксировали просодические модуляции и описывали жестикуляцию и выражения лица. «Каждому положению тела соответствует свой жест: все, вплоть до позиции ног, имеет свое значение...» [цит. по: Безменова 1991, с. 156]. Необходимо было научиться владеть движениями даже тех мышц лица, которые часто носят произвольный характер. Когда великого оратора Античности Демосфена спросили, что в ораторском искусстве первое, он ответил: «Произношение с мимикой», что второе: «Произношение с мимикой», что третье: «Произношение с мимикой» [цит. по: Соболевский 1955, с. 267]. При Демосфене искусство публичной речи в Древней Греции достигло наивысшего расцвета.

В эпоху христианства появляется новое направление – христианская риторика. Главную роль играют композиция и идейное содержание проповеди, которая характеризуется медленным темпом речи и сдержанной жестикуляцией.

В период Возрождения, знаменующего собой новый этап в развитии красноречия, появляется большой интерес к Античности, в том числе к наследию древних ораторов [Иванова 2010]. В правилах и руководствах придворной риторики того времени, особенно во Франции, выражено стремление к стилистическому изыску. Дворяне должны были овладеть не только безукоризненным стилем речи, но также отличаться благородными манерами и безупречной

¹ Эти виды красноречия соответствуют, используя современные термины, различным видам публичного дискурса, их стилистической и фониостилистической вариативности.

жестикуляцией, правильно кланяться, уметь изящно одеваться и т. п. [Безменова 1991].

Риторика, возникшая в древности прежде всего как искусство красноречия, развивалась, видоизменялась и совершенствовалась в течение многих столетий вплоть до наших дней. Риторика – это не только искусство убеждения, она представляет собой совокупное знание о продуцировании и интонационной организации речи, о восприятии ее слушающими, о невербальном поведении выступающего, а также об особенностях аудитории и психологических типах ораторов. Риторика имеет свои отличия в каждый исторический период.

В первые годы советской власти, например, ставилась задача научить представителей разных социальных слоев выступать публично. Одним из изданий на эту тему был учебник «Уменье говорить публично», автором которого является А. В. Миртов. Интересным представляется тот факт, что этот труд был напечатан в издательстве, которое называлось «Долой неграмотность». Он был рассчитан на широкий круг читателей и имел целью обучить людей разных профессий основам ораторского искусства. В нем подробно освещаются особенности публичной речи, рассматриваются типы ораторов в зависимости от типа мышления, например эмоционально воодушевленный оратор, оратор-эрудит, оратор здравого смысла др. Анализируются виды аудитории, психология и логика толпы, коллективное мышление.

В центре внимания оказываются такие аспекты риторики, как ясность, яркость, обоснованность и последовательность речи, ее звучность, тональность и интонационные характеристики. Описываются виды ораторских выступлений, например агитационные, приветственные, полемические и траурные речи, а также типы докладов, такие как информационный доклад, доклад-критика, доклад-обзор, доклад-проект, доклад-отчет и др.

Отдельный раздел посвящен манерам и невербальному поведению выступающих. Рассматриваются жесты, мимика, осанка, поза и другие особенности невербалики, характеризующие хорошую, удачную, убедительную речь. Наряду с этим приводятся примеры дурных манер, которые необходимо избегать или искоренять из практики публичных выступлений.

Представленный в конце учебника практикум содержит рекомендации и задания к каждому разделу книги [Миртов 1927].

Опубликованный почти 100 лет назад и выдержавший много изданий, этот труд прекрасно отражает цели риторики на том историческом отрезке времени. Написанный простым живым разговорным языком, обращенный к читателям разных профессий, он отвечал насущным задачам той эпохи. Несмотря на наивность некоторых утверждений и стилистические особенности изложения, в книге представлены важнейшие аспекты риторики, которые не устарели до сих пор и определяют их преимущество в последующих работах в этой области¹.

Так, труды современных авторов освещают задачи ораторики, основываясь на накопленном опыте своих предшественников, дополняя и развивая его с учетом современных требований. Большое внимание уделяется психологическим типам ораторов и психологическим особенностям различных групп слушателей, отличительными характеристиками которых являются возраст, отношение к оратору, степень подготовленности, неоднородный состав, гендер, профессия, национальная принадлежность и др.

Рассматривается важный вопрос контакта с аудиторией и ее оценки личности выступающего. Не только манера говорить, но и зрительное восприятие оратора играют большую роль в процессе его взаимодействия со слушателями. По данным исследователей публичных выступлений, около 50 % информации передается невербальным способом, который включает в себя такие характеристики, как внешность, позы, жестикуляцию, мимику, манеры, например манипулирование предметами (очками, указкой) и др. [Абрамова, Володина, Никулина 2014].

Движения рук, выражение глаз, изменение позы выступающего дают возможность судить о его намерениях и отношении к аудитории. Параллельно идет обратный процесс восприятия оратором настроения слушателей, их интерес к обсуждаемому предмету или отсутствие такового. Причем, как мы считаем, воздействие на оратора осуществляется именно с помощью невербальных средств. Позы слушающих, положение головы, рук, выражение лица, взгляд и т. п. характеризуют аудиторию и ее отношение к говорящему.

¹ Многие фрагменты этой книги используются в настоящее время в Интернете.

Многие авторы подчеркивают, как важно контролировать язык тела и эффективно использовать его как средство общения. Это помогает овладеть вниманием находящихся в зале, так как люди обладают способностью испытывать те же эмоции, которые ощущают окружающие. Когда слушатели смотрят на выступающего, у них наблюдаются подсознательные реакции – напрягаются те же мышцы, что и у говорящего. Поэтому влияние на аудиторию, усиление воздействия на нее может быть достигнуто тщательно отработанными движениями, которые, наряду с мимикой, отражают модально-эмоциональные значения высказываний выступающего [Малинина, Леонова 2010; Абрамова, Володина, Никулина 2014]. Рекомендуется также изучить особенности собственной мимики, как это делали великие античные ораторы, стоя перед зеркалом, учась управлять своим лицом [Крюков 2007].

Исследователи выделяют невербальные действия, проявляющиеся как на бессознательном уровне (мимические движения, отражающие эмоции), так и используемые сознательно. К последним они относят взгляд, выражение лица, позы, походку, осанку, манипуляции с предметами, организацию пространства, отсутствие говорения, т. е. паузы, и жесты [Абрамова, Володина, Никулина 2014].

Нельзя согласиться однако с тем, что паузы являются невербальной характеристикой общения. Отсутствие говорения, т. е. паузы, представляет собой естественную особенность речи, состоящую из собственно фонации и перерывов между фонационными отрезками. Паузация включается в темпоральный компонент интонации, относящейся к уровню языка.

Хотя жестикуляция является обязательной частью речевого поведения, говорящий не всегда отдает себе в этом отчет. Традиционно под жестами понимаются движения рук и кистей, так как они наиболее заметны и выразительны. В более широком смысле жест представляет собой любое телодвижение – не только руки, но и голова, шея, плечи, ноги, весь корпус совершают движения во время речи, делая акцент на наиболее важных словах и придавая выступлению оратора более убедительный и увлеченный характер. Однако при этом, как справедливо подчеркивают многие авторы, жестикуляция не должна быть непрерывной и произвольной. В результате отработки жестов, они, с одной стороны, возникают

непроизвольно, а с другой – поддаются контролю. Они должны быть разнообразными, скоординированы между собой и синхронизированы с речью, составлять единое целое со словом и интонацией [Крюков 2007; Абрамова, Володина, Никулина 2014]. «*Лучшим жестом* считается тот, которого не замечают, который органически сливается со словом и усиливает его воздействие на слушателей» [Крюков 2007, с. 13].

Также имеет значение направление движения жеста. Жест, выражающий положительный настрой, исполняется снизу вверх, тогда как при отрицательных эмоциях наблюдается движение сверху вниз. Обе руки, падающие вниз, могут означать безысходность, неразрешимость проблемы [Крюков 2007, с. 13].

Это замечание, однако, не может относиться к акцентирующим жестам, исполняющимся, как правило, с небольшой амплитудой, направленным сверху вниз и совпадающим с мелодическим нисходящим движением, т. е. в данном случае следует учитывать размах жеста.

С одной стороны, движение рук вниз с широкой амплитудой, действительно, может выражать отрицательные коннотации. С другой, – по нашим наблюдениям, выступающие, во время пауз, при переходе от одной микротемы выступления к другой, нередко опускают обе руки вниз, что не имеет ничего общего с приведенным выше значением безысходности. Хотя такой опытный специалист в области невербального общения, как М. Боуден, рекомендует держать руки в области пояса, что свидетельствует об искренности и расположенности оратора к аудитории. Опускание рук вниз, как правило, ассоциируется с неискренностью, недоговариванием, а также скованностью [Bowden 2010].

Интерес представляют правила мимики и телодвижений, которых следует придерживаться оратору. Глаза и выражение лица должны отражать то, о чем говорится. Рекомендуется следить за тем, чтобы мимика носила доброжелательный, а не хмурый, отчужденный или застывший характер. Опытный оратор обычно переводит взгляд с одной части аудитории на другую, избегая продолжительного зрительного контакта с кем-то из слушателей [Крюков 2007].

Зарубежные специалисты в области риторики не рекомендуют выступающим скользить взглядом по аудитории, смотреть

в сторону или на противоположную стену, а установить визуальный контакт с как можно бóльшим числом слушающих [Engleberg, Daly 2013]. Другие инструкторы считают целесообразным соотносить визуальный контакт со смыслом речи, остановить свой взгляд на ком-то из аудитории и выразить определенную мысль (или часть ее). Затем, при произнесении следующей фразы (или части ее) – перевести взгляд на другого человека, таким образом устанавливая визуальный контакт со многими слушателями, сидящими в зале [Jacobi 2006].

Нам представляется, что визуальные стратегии выступающего могут быть различными в зависимости от темперамента и характера самого оратора, от типа аудитории, темы, времени и места выступления, гендерного, возрастного и других факторов. Следует, однако, помнить, что продолжительный взгляд, направленный на кого-то из аудитории, может вызвать чувство дискомфорта у слушающего, а незначительный визуальный контакт или его отсутствие могут быть интерпретированы как равнодушие и отсутствие интереса к предмету разговора.

Особые требования предъявляются к позе, которая должна быть естественной и непринужденной, а мышцы коленей, рук и плеч расслаблены. Если говорящий обращается к аудитории в положении сидя, то необходимо, чтобы он сидел прямо, расправив плечи, держал руки перед собой, подвинулся ближе к столу и слегка наклонился к слушателям [Jacobi 2006].

Описывая положение лектора стоя, инструкторы советуют принять такую позу, при которой ступни ног располагаются на ширине одного фута (30 см), что обеспечивает возможность как твердо стоять, удерживать равновесие, так и при необходимости переместиться в пространстве. Кроме того, в таком положении говорящий чувствует себя увереннее [Driver, van Aalst 2010].

В отечественной литературе указывается, что, вырабатывая универсальную позу, следует держать ноги на ширине плеч, а центр тяжести должен приходиться на всю плоскость опоры. Для того чтобы в необходимый момент можно было сместить центр тяжести, одна нога немного выступает вперед. Не следует сутулиться и опускать плечи. Прямая осанка оратора и слегка поднятая голова, развернутые плечи, втянутый живот (без напряжения и признаков нарочитости) способствуют ритмичному правильному дыханию

в такт произносимой речи и придают уверенности говорящему [Крюков 2007].

Несколько различающиеся деталями, данные рекомендации являются весьма полезными, определяя наиболее важные черты позы выступающего, позволяющей контролировать скорость и силу дыхания, синхронизировать его с потоком речи, со значением произносимых высказываний, с интонацией.

Интонация – мелодика, ударение, темп и паузы, тембральная окраска голоса, громкость, а также правильная артикуляция играют большую роль в искусстве риторики.

Важное значение в воздействии на аудиторию имеет темп речи. От него зависят четкость дикции и возможности мелодических модуляций. В среднем скорость речи должна составлять 100–120 слов и не превышать 150 слов в минуту [Крюков 2007].

Темпоральную организацию высказываний составляет не только темп, но и паузы, которые могут различаться по длительности и функциям. Как известно, паузы бывают логические, синтагматические, гезитационные и другие. Важную роль в организации речи играют дыхательные паузы, которые часто совпадают со смысловыми.

Таким образом, четкое интонационное структурирование публичной речи, а также непринужденная поза, легкость движений, владение жестами, мимикой и визуальным контактом усиливают выразительность речи, способствуют ее более эффективному восприятию и общению с аудиторией.

В учебниках по риторике представлены специальные тренинги по совершенствованию жестов, мимики, а также пространственной организации коммуникации не только выступающих, но и слушателей. Обсуждаются и моделируются движения тела с различными значениями, такими как: расположение к собеседнику, отсутствие расположения или внимания, несогласие с говорящим, размышление, доминирование, неискренность, выражение наивысшего напряжения во время общения и др. [Малинина, Леонова 2010].

Как справедливо отмечают отечественные исследователи, обучение правильному невербальному поведению представляет собой кропотливый процесс, приводя пример американских политиков и бизнесменов, которые учатся искусству выступать публично

у специалистов, консультантов и инструкторов [Абрамова, Володина, Никулина 2014].

Действительно, в США и других странах издаются работы, написанные профессионалами в области публичной речи, целевой аудиторией которых являются не только политики и бизнесмены высокого ранга. В этих трудах обобщается накопленный опыт, подробно освещаются ключевые задачи риторики и проблемы, связанные с публичными выступлениями, приводится множество примеров из речей известных людей, разрабатываются упражнения и тренинги. Они представляют собой руководства для всех, кто хочет научиться делать доклад или презентацию, читать лекции, проводить занятия со студентами, выступать перед разной аудиторией.

Обсуждаются такие важные вопросы, как боязнь публичных выступлений и пути ее преодоления, одним из которых является установление контакта с аудиторией, от этого в большой степени зависит успех оратора¹. Для достижения необходимой связи со слушателями и развития умения видеть и понимать обратную реакцию («feedback») предлагаются различные способы и методы совершенствования риторических приемов, а также невербального поведения. Жесты, мимика, осанка, походка, положения рук, плеч и ног, движения головы и всего тела, позы, повороты, наклоны, расположение в пространстве, перемещение из одного места в другое во время выступления и т. п. играют особую роль во время выступлений перед публикой [Forni 2003; Jacobi 2006; Driver, van Aalst 2010; Engleberg 2013; Hoogterp 2014].

В целом, как в отечественной, так и зарубежной литературе, посвященной публичной речи, рассматриваются вопросы, традиционные для риторики, с учетом современных требований и национальной специфики.

Эксперимент

Среди невербальных характеристик ораторской речи важную роль играют проксеменные составляющие, такие как положение

¹Это одна из самых распространенных проблем, связанных с выступлениями перед публикой. В таком же значении используются выражения «страх публичных выступлений», «страх аудитории» или «страх сцены».

говорящего по отношению к слушателям и его движение в помещении, где он выступает перед аудиторией.

Представляется, что перемещение в пространстве связано, прежде всего, с позой выступающего, которая, наряду с жестами и мимикой, может выражать модальность, нейтральное отношение к окружающим, симпатию или антипатию, уверенность / неуверенность, а также эмоциональное состояние; отражать социальный статус и т. д.

Анализ литературы показывает, что слово «поза» и соответствующий ему английский эквивалент не всегда выражают одно и то же. Термин «поза» в словаре С.И. Ожегова определяется как «положение тела» [Ожегов 1985, с. 472]. В других словарях находим значения «положение, позиция» [Александрова 1971, с. 376; Шильнова 2016, с. 406]. Русскому слову «поза» в английском языке соответствует «posture»¹, которое может также переводиться как *осанка* или *выправка* [Большой англо-русский словарь, 1972, т. 2; Advanced American Dictionary 2007; Oxford Advanced Learner's Dictionary 2005].

Таким образом, с одной стороны, английское слово «posture» шире по своей сфере употребления по сравнению с русским словом «поза». С другой, говоря о расположении, местонахождении тела в пространстве, в русском языке используют как слово «поза», так и словосочетание «положение тела», выделяя вертикальные и горизонтальные позиции: стоя, сидя, лежа или на коленях [Крейдлин 2005; Сергеева 2016; Поза... Электронный ресурс; Положение тела... Электронный ресурс].

Можно сказать «поза стоя, сидя, лежа или на коленях», а также «положение стоя, сидя, лежа или на коленях». В английском языке, однако, в этом случае используется слово «position (положение, позиция)», а не «posture (поза)». Англичане говорят

¹Синонимами слова «posture» являются термины «pose» (*поза*) и «stance» (*поза, положение*), каждое из которых имеет свою специфику употребления. При описании положения людей (сидя, стоя и т. д.) на картине или на фотографии, а также, когда человек принимает определенную позу перед камерой или, позируя художнику, чаще используется слово «pose». Слово «stance» обозначает положение стоя, особенно в спорте [Большой англо-русский словарь 1972, т. 2; Advanced American Dictionary 2007; Oxford Advanced Learner's Dictionary 2005].

«in a seated position (в положении / позиции сидя)» или «in a standing position (в положении / позиции стоя)». Следовательно, для описания проксемики тела в русском языке употребляются такие слова, как «поза», «положение», «позиция», а в английском – «posture» (реже «pose») и «position».

Руководствуясь проведенным анализом, в дальнейшем мы используем слова «поза» и «положение» как синонимы для обозначения изменения в положении рук, ног, головы или поворотов тела при сохранении одного и того же местонахождения, а слово «позиция» – для обозначения перемещения человека на другое место в пространстве.

Обсуждая проксеменные характеристики публичной речи, инструкторы и профессионалы в области ораторики дают общий совет не занимать одно и то же место во время выступления, а менять позицию при переходе от одной темы (подтемы) к следующей, что должно быть синхронизировано с позой, жестами и мимикой [Engleberg, Daly 2013; Hoogterp 2014]. Это очень важная рекомендация, так как невербалика совместно с интонацией должна выполнять структурирующую функцию дискурса и способствовать более эффективному представлению информации и ее усвоению.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Всегда ли люди, выступающие перед аудиторией, например лекторы, докладчики и др., следуют подобным правилам организации публичной речи? Какие проксеменные отношения и позы наблюдаются в действительности? В каких случаях выступающий перемещается на другое место в лекционном пространстве, а когда он меняет позу? Какие факторы влияют на реальное невербальное и интонационное структурирование публичного дискурса?

Для ответа на поставленные вопросы мы провели исследование широкого корпуса аутентичного материала (длительностью более трех часов) – видеокурсы лекций, прочитанные американскими профессорами, мужчинами и женщинами, специалистами в разных областях знаний. В эксперименте использовались методы аудиовизуального и аудитивного анализа, применялись компьютерные программы «VLC», «Sound Forge» и «Praat».

Рассмотрим примеры. Так, в начале лекции, а также при переходе от одной темы (подтемы) лекции к другой в начале следующего СФЕ, у некоторых лекторов может наблюдаться смена позиции тела, перемещение в пространстве.

Начало выступления

(Лектор стоит на кафедре). ^Welcome! | ^Please, ^let me intro\duce my,self. | ^I am ^Sharon ^Hirsh, | (спускается с кафедры) and it's my ^honour and ^pleasure^ to be your ,guide in this \course. | (Идет вперед и останавливается) [Hirsh 2011].

В начале выступления, когда лектор представляется слушателям, в целом наблюдается широкий диапазон голоса, замедленный темп, средние по долготе паузы между синтагмами, состоящими из 2–3 ударных слогов.

Переход к другой теме

1. I am ^very ^proud to \be there.|| (Меняет позицию в пространстве и начинает новую тему). I ^can't ^tell you | ^how many \times^ over the ^past \years^ I've been ^asked by ^friends...^ (Останавливается) [Hirsh 2011].

Средний мелодический диапазон, средний темп и долгая пауза характеризуют конечную фразу СФЕ перед переходом к другой теме. Затем, в начале следующего СФЕ, вводится новая тема, и происходит увеличение громкости, расширение диапазона, замедление темпа. В синтагмах из двух ударных слога используются, в основном, краткие паузы.

2. (Перемещается на другое место). So, ^let's ^look ^briefly^ at ,art^ ^as we ^see it \now^ [Hirsh 2011].

Начальная фраза СФЕ, вводящего новую тему, произносится громко, медленно, в широком диапазоне и состоит из двух синтагм, разделенных краткими паузами и образованных одним или тремя ударными слогами.

3. (Переходит на другое место.) Now, a^nother ,thing we ,wanna ,look at^ is \sculpture^ (останавливается) and how ^it is dis,played [Hirsh 2011].

В этом высказывании начала СФЕ отмечается увеличенная громкость, расширенный диапазон, замедленный темп во второй и третьей синтагмах, длина которых составляет 1–2 ударных слогов. Синтагмы разделены краткими паузами.

Однако в речи профессиональных лекторов (преподавателей, профессоров) далеко не всегда наблюдаются проксемные

стратегии, которые рекомендуют инструкторы в области публичного дискурса. Некоторые выступающие практически не меняют своего местоположения при чтении лекции. Они говорят либо с кафедры, либо стоят в определенном месте на сцене или располагаются не на возвышении, а прямо перед слушателями. Выбор конкретных проксеминых действий варьируется в зависимости от личности оратора, его привычек, а также от условий лекционного пространства и задач выступления.

В настоящее время применение технических средств во время публичной речи является ее неотъемлемой частью. Если говорящий часто обращается к демонстрации слайдов или видеоклипов, то, как правило, он находится рядом с компьютером и не переходит с одного места на другое во время лекции. В этом случае невербальным маркером начала темы или отступления от нее служит изменение *позы* выступающего. Наблюдаются повороты тела; перенос центра тяжести с одной ноги на другую; переступание с ноги на ногу; легкое покачивание тела; скрещивание ног с опорой на ступню одной ноги и пальцы другой ноги; расширение или сужение расстояния между ступнями; скрещивание рук за спиной и др. Обратимся к примерам.

1. \setminus So, $\}$ (лектор поворачивается к экрану) the \setminus question \setminus I wanna \setminus talk a,bout to/day $\}$ is \rightarrow whether ... $\}$ (поворачивается опять к публике) \setminus gestures are ,more than \setminus hand ,waving [Goldin-Meadow 2013].

Высказывание начала СФЕ характеризуется широким диапазоном голоса, вариативностью темпа от среднего до медленного и краткими паузами. В нем выделяются короткие (один ударный слог) и более длинные синтагмы (4–6 ударных слогов).

2. (Лектор несколько раз переносит центр тяжести с одной ноги на другую.) \setminus So, $\}$ \setminus first \setminus we're ,gonna \setminus look at \setminus how \setminus ,linguists \setminus analyze \setminus the \setminus building \setminus blocks of \setminus language [McWhorter 2008].

В начальной фразе СФЕ наблюдается увеличение громкости, расширение диапазона голоса, медленный темп, краткие паузы на стыке синтагм, состоящих из 1–3 ударных слогов.

3. But, \setminus actually, $\}$ the \setminus parts of \setminus speech: that you \setminus learned ... (меняет центр тяжести, переступает с ноги на ногу, убирает руки за спину) [McWhorter 2008].

Начало СФЕ произносится громко, в широком диапазоне и в замедленном темпе. Синтагмы длиной в 1–2 ударных слога разделены краткими паузами.

Таким образом, введение новой темы (подтемы) реализуется в начале СФЕ посредством высказываний, состоящих, в основном, из коротких синтагм, для которых характерен широкий мелодический диапазон, замедленный темп, возрастание громкости и краткие паузы.

В начале новой темы (подтемы) на невербальном уровне может наблюдаться изменение местоположения оратора в лекционном пространстве или его позы.

Другие значения составляющих дискурса

Модификации позы лектора происходят не только в начале новой темы. В процессе раскрытия мысли также отмечается изменение положения тела, маркирующее определенные когнитивные категории, к которым относятся следующие.

1. Пространство и время, трансформации явлений во времени

1. (Лектор несколько раз меняет центр тяжести, затем ноги занимают положение шире плеч.) Those are the 'only 'languages in the 'world' ...' [McWhorter 2008].

Широкий диапазон голоса, замедленный темп, увеличенная громкость, длина синтагмы три ударных слога и краткая пауза в конце ее характеризуют эту фразу.

2. (Поворачивается к экрану.) It can 'actually 'change 'what we 'know'. (Поворачивается к публике). It can 'change our 'minds' [Goldin-Meadow 2013].

В этих односинтагменных фразах, наряду с широким мелодическим диапазоном, краткими паузами и замедленным темпом, наблюдается варьирование громкости. Длина фраз составляет два и четыре ударных слога.

3. But 'one thing that 'happened' (постепенно переносят центр тяжести слева направо) is that 'paintings 'changed 'faster' than the 'frames did ... [Hirsh 2011].

¹Здесь и в следующих примерах нами выделены курсивом слова и словосочетания, отражающие описываемые когнитивные категории.

Эта трехсинтагменная фраза характеризуется увеличением громкости, широким диапазоном и замедлением темпа во второй и в третьей синтагмах, которые разделены краткими паузами и включают 1–3 ударных слога.

2. Сравнение, контраст, различия

1. *˘So, ˘ there is ˘nothing ˘special about her ˘gestures...}* (*перенос центра тяжести с одной ноги на другую*). But there is ˘something ˘special about ˘her [Goldin-Meadow 2013].

В этом высказывании, состоящем из двух фраз, наблюдаются средний диапазон и средний уровень громкости, убыстренный темп и краткие паузы. Длина фраз включает 3–4 ударных слога.

2. ... ˘some ,sculptors ˘ be ˘gan to ˘think (*перенос центра тяжести влево и вперед*) ˘otherwise} [Hirsh 2011].

Речь лектора реализуется в широком диапазоне, громко и медленно, с краткими паузами между синтагмами длиной в 2–3 ударных слога.

3. This →is}} a ,more ˘scien ˘tific ˘course } ... (*раскачивается, несколько раз переступает с ноги на ногу*) [McWhorter 2008].

Фраза произносится громко, в замедленном темпе, широком диапазоне. Синтагмы, состоящие из 2–4 ударных слогов, заканчиваются краткими паузами.

3. Выражение собственного мнения, комментарий, объяснение, вывод

1. (*Смотрит на экран, поворачивается к публике*). And im ˘portantly for ˘me ˘... [Goldin-Meadow 2013].

Используя широкий диапазон голоса, замедленный темп, увеличенную громкость произнесения синтагмы (два ударных слога), лектор подчеркивает собственную точку зрения.

2. (*Наблюдается перенос центра тяжести вправо*.) So we ˘just ˘have to ˘keep ˘all of ˘this in ˘mind || [Hirsh 2011].

Этот вывод реализуется в среднем диапазоне и в среднем темпе. Длина синтагм, разделенных очень короткой паузой, составляет

три ударных слога. Конец фразы отмечен длительной паузой, после которой лектор переходит к следующей теме.

3. (*Меняет центр тяжести, переступает с ноги на ногу, слегка раскачивается.*) → So, } lin'guistics is 'not a'bout ↑trans'lation} ... [McWhorter 2008].

Формулируя этот вывод, выступающий расширяет диапазон голоса, говорит громко и медленно. Обе синтагмы (один и пять ударных слогов) заканчиваются краткими паузами.

4. For e,xample, → take} a 'sentence like \this one\ (перенос центра тяжести слева направо и обратно, раскачивается) [McWhorter 2008].

5. (*Лектор смотрит на экран, затем поворачивается к публике.*) 'Here \is} a phe\nome,non\ ... [Goldin-Meadow 2013].

В обоих примерах широкий мелодический диапазон, увеличение громкости, замедленный темп, краткая пауза на стыке синтагм, состоящих из двух ударных слогов, характеризуют высказывания, привлекающие внимание слушателей к конкретным иллюстрациям обсуждаемых явлений.

4. Перечисление

1. So, ' Socrates,\ Plato, } and 'Ari,\ stotle } ... (*изменение центра тяжести, переступает с ноги на ногу, слегка раскачивается*) [McWhorter 2008].

2. \Now,\ we can be 'looking in this \course\ at the 'span of 'Western \art} from 'Europe } (*перенос центра тяжести слева направо*) and, 'later, A\merica \ ... [Hirsh 2011].

Как видно из примеров, при перечислении для обоих лекторов характерны: широкий диапазон голоса, замедление темпа, увеличение громкости, краткие паузы между синтагмами, длина которых составляет 1–2 ударных слога.

Выводы

1. Изучение специальной литературы, посвященной организации публичной речи, и проведенный анализ выявляют определенные расхождения между рекомендациями инструкторов по

невербальному поведению во время выступления и реальными манерами лекторов.

2. Профессионалы в области ораторики дают общий совет – не занимать одно и то же место во время речи, а менять позицию в начале каждой темы (подтемы).

3. Некоторые лекторы действительно для того чтобы более четко обозначить введение новой темы (подтемы) в начале СФЕ меняют свое местоположение в лекционном пространстве.

4. Другие ораторы говорят с кафедры и остаются там в течение всей лекции. В этом случае маркером начала темы или отступления от нее служит изменение позы выступающего. К ним относятся: повороты тела; перенос центра тяжести с одной ноги на другую; переступание с ноги на ногу; легкое покачивание тела; скрещивание ног с опорой на ступню одной ноги и пальцы другой ноги; расширение или сужение расстояния между ступнями; скрещивание рук за спиной и др.

5. Невербальное поведение лектора, будь то смена позиции или позы, при введении новой темы (подтемы) всегда коррелирует с определенными просодическими значениями. В основном используются короткие синтагмы, для которых характерен широкий мелодический диапазон, замедленный темп, возрастание громкости, краткие или средние паузы.

6. Модификации позы лектора происходят не только в начале новой темы. В процессе раскрытия мысли внутри СФЕ также отмечается изменение положения тела, маркирующее определенные когнитивные категории. К ним относятся: пространство и время, сравнение, контраст, различия, выражение собственного мнения, объяснение, вывод, перечисление и др.

7. Фразы, в которых раскрываются эти когнитивные значения, характеризуются некоторой просодической вариативностью по сравнению со стабильностью просодических составляющих при введении новой темы (подтемы) в начале СФЕ.

8. Таким образом, структурирование публичного дискурса осуществляется как просодией, так и невербальными средствами. Выбор невербальной стратегии – изменение местоположения в лекционном пространстве или смена позы – зависит от индивидуальных особенностей лектора, его привычек, а также условий лекционного пространства и необходимости использования технических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова Н. А., Володина С. И., Никулина И. А.* Риторика: учеб. пособие для бакалавров ; отв. ред. С. И. Володина. М.: Проспект, 2014. 280 с.
- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1971. 600 с.
- Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 216 с.
- Большой англо-русский словарь / под ред. И. Р. Гальперина: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 1, 822 с., Т. 2, 863 с.
- Иванова И. Б.* Риторика. Кредитно-модульный курс. М.: Наука-Спектр, 2010. 232 с.
- Крейдлин Г. Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 223 с.
- Крюков Р. В.* Риторика: концепт лекций. М.: А-Приор, 2007. 176 с.
- Малинина М. Г., Леонова И. Б.* Риторика и основы ораторского искусства. Ч. I. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т, 2010. 115 с.
- Миртов А. В.* Уменьше говорить публично. Теория, задачи, упражнения. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Долой неграмотность, 1927. 110 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 797 с.
- Поза. URL: ru.wikipedia.org/wiki/
- Положение тела. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1100461
- Радец С. И.* История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1974. 551 с.
- Сергеева О.* Язык жестов. Как читать мысли без слов? 49 простых правил. М.: «Э», 2016. 128 с. (Психология. Всё по полочкам).
- Соболевский С. И.* Ораторское искусство // История греческой литературы. Т. II: История, философия, ораторское искусство классического периода / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М.: Из-во Академии наук СССР, 1955. С. 221–297.
- Шильнова Н. И.* Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М.: Дом славянской книги, 2016. 896 с.
- Advanced American Dictionary. Edinburgh Gate, Harlow, Essex: Pearson, 2007. 1864 p.
- Bowden M.* Winning Body Language. N. Y.: Mc Graw Hill, 2010. 234 p.
- Driver J., van Aalst M.* You Say More Than You Think: The 7-Day Plan for Using the New Body Language to Get What you Want. N. Y.: Three Rivers Press, 2010. 229 p.
- Engleberg I. N., Daly J. A.* Think: Public Speaking. N. Y.: Pearson, 2013. 394 p.
- Forni P. M.* Choosing Civility: The Twenty-five Rules of Considerate Conduct. N. Y.: St. Martin's Griffin, 2003. 196 p.

- Goldin-Meadow S.* Hearing Gesture: How Our Hands Help us Think. 2013. Duration 01:12:37. [youtube.com/watch?v=LXaQAtGybFc](https://www.youtube.com/watch?v=LXaQAtGybFc)
- Hirsh S.L.* How to Look at and Understand Great Art (The Great Courses). Lecture 1 “The Importance of First Impressions”. Chantilly, VA: The Teaching Company, 2011. DVD, duration 33:49.
- Hoogterp B.* Your Perfect Presentation: Speak in Front of Any Audience Anywhere and Never be Nervous Again. N. Y. : Mc Graw Hill Education, 2014. 269 p.
- Jacobi J.* How to Say It: Persuasive Presentations. N. Y. : Prentice Hall Press, 2006. 164 p.
- McWhorter J.* Understanding Linguistics: The Science of Language (The Great Courses). Lecture 1 “What is Linguistics?” Chantilly, VA: The Teaching Company, 2008. DVD, duration 31:10.
- Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1780 p., References 119 p.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

Р. С. Войтехович

доктор философии, лектор отделения славистики Тартуского университета. Эстония, Тарту, e-mail voitehh@mail.ru, rina@ut.ee

ВОИНСТВУЮЩИЙ АПОЛИТИЗМ ЦВЕТАЕВОЙ: ПОЛЕМИКА С МИСТЕРИЕЙ-БУФФ МАЯКОВСКОГО

Статья рассматривает творческий диалог В. Маяковского и М. Цветаевой преимущественно с точки зрения Цветаевой к Маяковскому. Учитывается и обратное влияние (интерес Маяковского к цыганской лирике Цветаевой, графике стиха Цветаевой, ее сборнику «Версты»). Анализируются античные мотивы, связывающие творчество двух поэтов («150 000 000» Маяковского, цикл «Двое» Цветаевой). Надпись Цветаевой на сборнике «После России» интерпретируется в контексте мифа о любви-поединке Ахилла и амазонки Пенфезилеи. В заключении рассматривается актуальная для Маяковского тема «восстания вещей» в контексте творчества Цветаевой («Поэма Лестницы», 1926). Цветаева переводит проблематику футуристов из социального плана в общемифологический.

Ключевые слова: Цветаева, Маяковский, восстание вещей, поэзия, магия, авангард.

Voitekhovich R. S.

PhD, lecturer at Slavic Department of the University of Tartu. Estonia, Tartu, e-mail voitehh@mail.ru

MILITANT POLITICAL INDIFFERENCE OF TSVETAYEVA: POLEMIC WITH MYSTERY BOUFFE BY MAYAKOVSKY

The article considers the creative dialogue of V. Mayakovsky and M. Tsvetaeva mainly from the point of view of Tsvetaeva to Mayakovsky. The reverse influence is also taken into account (Mayakovsky's interest in Tsvetaeva's gypsy lyrics, Tsvetaeva's verse chart, her collection of Versts). Ancient motifs linking the art of two poets (Mayakovskiy's «150,000,000», the cycle «Two» by Tsvetaeva) are analyzed, too. The inscription made by Tsvetaeva on collection «After Russia» is interpreted in the context of the myth of love and duel between Achilles and Amazon Penfizilei. In conclusion, the topic of the «uprising of things», relevant to Mayakovsky, is considered in the context of Tsvetaeva's work (The Poem of the Staircase, 1926). Tsvetaeva shifts the problems of the Futurists from social perspective to the general mythological one.

Key words: Tsvetaeva; Mayakovsky; uprising of things; poetry; magic; avant-garde.

Влияние Маяковского на Цветаеву скорее недооценено, чем переоценено, впрочем, как и возможное обратное влияние. Вяч. Вс. Иванов показал, что лесенка Маяковского – цветаевское изобретение: Андрей Белый изобрел столбик – Маяковский его перенял; Белый заимствовал у Цветаевой лесенку (собственный столбик, но раздвинутый) – Маяковский сделал ее своей визитной карточкой [Иванов 1988, с. 356]. Именно Маяковский, восхищенный цыганской лирикой сборника «Версты» (1921), подтолкнул Пастернака к началу судьбоносной переписки с Цветаевой [Цветаева–Пастернак 2008, с. 573]. В этой переписке имя Маяковского всплывало не раз, и может сложиться впечатление, что именно Пастернак пробудил интерес Цветаевой к Маяковскому. В действительности наоборот: Цветаева оценила Маяковского раньше, чем Пастернака.

По подсчетам Цветаевой, до отъезда в эмиграцию она видела Маяковского и Пастернака около пяти раз каждого [Цветаева 1994, т. IV, с. 50]. Цифра, скорее всего, занижена, особенно в отношении Маяковского. В любом случае, Маяковский удостоился цветаевского посвящения раньше Пастернака – в 1921 г. Поводом послужила ситуация августа – сентября 1921 г., когда расстрел Гумилева и смерть Блока породили слухи о самоубийстве Ахматовой. Несколько дней и Цветаева, и Маяковский томились в неизвестности, расспрашивая в кафе знакомых поэтов, пока Маяковский не сделал запрос по телеграфу и не получил подтверждения о лживости слуха [Цветаева 1994, т. VI, с. 202]. В результате явилось цветаевское стихотворение о вестнике – «архангеле-тяжелоступе» Владимире [Цветаева 1994, т. II, с. 54–55].

Маяковскому эта стилизация понравилась [там же, с. 497]. В тексте определенно отразилось знание поэзии Маяковского, в частности – поэмы «Человек», где есть главки «Маяковский в небе» и «Маяковский векам» [Маяковский 1955, т. 1, с. 258, 267]. Ср.: «Здорово, в веках Владимир!» [Цветаева 1994, т. II, с. 54]. Поэму «Человек» Цветаева слышала в исполнении автора в 1918 г. на известном вечере у Цетлиных, где собралась вся Москва. Андрей Белый назвал тогда Маяковского лучшим поэтом России, вскоре повторив это и на вечере Маяковского в Политехническом музее, но уже с поправкой: лучшим среди поэтов нового поколения, после символистов [Катанян 1985, с. 138–140].

Сюжет поэмы связан с вознесением Маяковского, его пребыванием на небесах и новым воплощением: ангел воплощается в человека под бременем страстей и великой любви. Заметим, что типичный цветаевский сюжет вознесения 1920-х гг., хотя и в совершенно иной, гротескной, манере, был раньше Цветаевой воплощен Маяковским и вполне мог послужить для Цветаевой «матрицей».

Строка Цветаевой «Крещенный в огне и дыме» – фразеологически отсылает к понятию боевого крещения и антонимично крещению в воде, косвенно намекая на «падшего ангела». Но первая строка «превыше крестов и труб» снимает оппозицию «крестов» и «труб», где трубы – метонимия печей адовых. Цветаева приветствует Маяковского, упраздняя разделение на красных и белых, христиан и безбожников, отчасти – в духе одного из дебютных стихотворений Маяковского «Утро» (1912), в котором «восток бросал в одну пылающую вазу» и праведников («раба / крестов»), и грешников («гроба / домов / публичных») [Маяковский 1955, т. I, с. 34–35].

Цветаева с радостью сообщила Ахматовой о поступке Маяковского, а позднее радовалась устному известию Пастернака (на похоронах Т. Ф. Скрябиной, которая умерла 10 марта 1922 г.) о том, что ее книга очень понравилась Маяковскому: «Это была большая радость: – пишет Цветаева, – дар всей чужести <...>. Я <...> просияла внутри» [Цветаева–Пастернак 2008, с. 15]. В мае 1922 г. Цветаева выехала в Берлин, и перед самым отъездом Маяковский окликнул ее на улице.

Запись Цветаевой об этом известна в пересказе дочери: «Маяковский окликнул Марину, спросил, как дела. Она сказала, что уезжает к мужу, спросила, что передать за границе? “Что правда – здесь”, – ответил он, усмехнувшись, пожал Марине руку и – зашагал дальше. А она смотрела ему вслед и думала, что оглянись он и крикни: “Да полно вам, Цветаева, бросьте, не уезжайте!” – она осталась бы и, как зачарованная, зашагала бы за ним, с ним» [Эфрон 1989, с. 137]. В письме к Пастернаку Цветаева иначе представляла акценты: «Раннее утро на <...> Кузнецком, громовой оклик: Цветаева! Я уезж<ала> за границу – ты думаешь, мне не захотелось сейчас, в 6 часов утра, на улице, без свидетелей, кинуться этому огромному человеку на грудь и проститься с Россией? Не кинулась, п<отому> ч<то> знала, что Лиля Брик и не знаю что еще...» [Цветаева–Пастернак 2008, с. 169].

В Берлине Цветаева читает стихи Маяковского на поэтических вечерах и переводит на французский его стихотворение «Сволочи» (1922) о голоде в Поволжье. Здесь ее настигает письмо Пастернака, и Маяковский становится одним из персонажей их переписки, которая продолжается и в чешский период (1922–1925).

В 1928 г. Цветаева встречается с Маяковским в Париже и приветствует его в первом номере журнала «Евразия», а затем сообщает Маяковскому: «Дорогой Маяковский! Знаете, чем кончилось мое приветствование Вас в “Евразии”? Изъятием меня из “Последних новостей”, единственной газеты, где меня печатали <...> Оцените взрывчатую силу Вашего имени и сообщите означенный эпизод Пастернаку <...> Люблю Вас. Марина Цветаева» [Цветаева 1995, т. VII, с. 350]. Цветаева и сама могла «сообщить означенный эпизод» Пастернаку – их переписка не прерывалась, но предпочитает действовать через Маяковского.

Возможно, это – реакция на попытки Пастернака сблизить ее с Асеевым и Маяковским, которые Цветаева рассматривала как желание самоустраниться. Однако этот вариант устрасал ее меньше, чем она пыталась представить. В своем «Евразийском приветствии» она писала: «...накануне моего отъезда из России ... я встретила Маяковского. – Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе? – Что правда – здесь. 7 ноября 1928 г. ... выйдя из Café Voltaire, я на вопрос: – Что же скажете о России после чтения Маяковского? Не задумываясь ответила: – Что сила – там» [там же, с. 351].

В записной книжке Маяковского остался домашний адрес Цветаевой, в библиотеке – книга «После России» (1928) с надписью «Такому как я – быстроногому» [Саакянц 1997, с. 512]. Вскоре Маяковский покончит с собой, и Цветаева напишет на его смерть цикл-реквием, а через три года вспомнит переданные кем-то слова: «“А, знаете Цветаева меня приветствовала?» <...>. Передайте ей, что я непременно, непременно ей напишу”. Но, занятый племянницей Яковлева – танцовщицей, кажется... Во всяком случае, скача вслед за ней через кобылу, набил себе шишку... Бедный М<аяковский>. Кто о нем так горюет как я?» [Цветаева 1997, с. 349–350].

Цветаева неплохо знала Маяковского и цитировала его по памяти (с ошибками), причем не только вершинные произведения. Например, в 1940 г.:

Ну уж и соска, – всем соскам – соска!

Сам эту соску сосать готов!

[Цветева 1995, т. VII, с. 668].

У Маяковского: «Лучше сосок не было и нет – // Готов сосать до старости лет» (1923) [Маяковский 1957, т. 5, с. 277].

Цветева принимала эту балаганную эстетику, прощая Маяковскому то, что не прощала О. Э. Мандельштаму («Шум времени» она называла подлой книгой за глумление над Цыгальским и пр. [Цветева 1995, т. VII, с. 35]): «От витии до рыночного зазывалы Маяковский неустанно что-то в мозги вбивает, чего-то от нас добивается – какими угодно средствами, вплоть до грубейших, неизменно удачных. <...> И на кровати Александры Феодоровны развалился Александр Феодорович (Керенский), – то, что мы всегда знали, ... но – здорово! И как бы мы ни относились и к Александре Феодоровне, и к Александру Феодоровичу, и к самому Маяковскому, каждый из нас этими строками удовлетворен, как формулой» [Цветева 1994, т. V, с. 378].

Но простонародная «балаганность» оборачивалась для Цветевой и архаической эпичностью. Цветева много раз возвращалась к идее, что Маяковский – эпик и даже – эпический герой, ставший поэтом. В своей подписи она парафразирует строку из стихотворения «Город» (1925):

Может, / критики / знают лучше.

Может, / их / и слушать надо.

Но кому я, к черту, попутчик!

Ни души / не шагает / рядом. <...>

Мне скучно / здесь / одному / впереди, –

Поэту / не надо многого, –

Пусть / только / время / скорей родит

Такого, как я, / быстрогого

[Маяковский 1957, т. 2, с. 201].

Своей парафразой Цветева не только отвечала на запрос Маяковского, аттестуя и себя «быстроногой», но и вступала с ним в своеобразный поединок, утверждая свое первенство. Важно не то, что Цветева была на год старше и раньше вступила в литературу, не то, что мотив быстрой ходьбы – один из излюбленных у Цветевой, а то, что тема любви-поединка быстрогого Ахилла

и амазонки Пенфезилеи – один из центральных в цикле «Двое» (1924), и к этому циклу в своей книге «После России» (1928) Цветаева напрямую отсылала адресата дарственной надписи. По сути, это была завуалированная форма признания в любви. Очевидно, что образ Ахилла в цикле – обобщенный, и среди прототипов можно углядеть как Пастернака, так и К. Б. Родзевича (в несколько ином плане). Но ясно и то, что в момент дарения книги Ахилл подсвечивался и образом Маяковского.

Сравнение Маяковского с Ахиллом («первым бойцом», погибшим из-за новой «Елены») повторится и в реквиеме Маяковскому:

Эх кровь-твоя-кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь – на второй странице
(Известий). <...>
Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
Подумавши – назовешь

[Цветаева 1994, т. II, с. 274–277].

Аллюзия на Ахилла возможна и в шиллеровском эпиграфе, заимствованном у Белого:

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь

[там же].

Именно таким явился призрак Ахилла Поликсене (ср. стихотворение Цветаевой «Ахилл на валу» [Цветаева 1994, т. II, с. 225–226]). В эссе «Эпос и лирика» Цветаева пишет, что Маяковский одинок «в порядке исключительности силы», что у него «гомерический юмор» [Цветаева 1994, т. V, с. 385], что он «во вражде больше сливается с врагом, чем Пастернак, в любви» [там же, с. 381]. Это все тот же сюжет любви-поединка Ахилла и Пенфезилеи, который Цветаева иллюстрирует любимой цитатой из Мандельштама: «Как аттический солдат, в своего врага влюбленный» [там же, с. 509].

Гомеровский слой отсылок имеет конкретный подтекст – поэму Маяковского «150 000 000» (1920). По авторскому замыслу это не название, а название-псевдоним – поэма про 150 миллионов (население России) от лица 150 миллионов. Поэма вышла без имени автора на обложке, что дало повод критикам позубоскалить. 150 000 000 слились в огромного богатыря Ивана, который переходит вброд Атлантику и побеждает в поединке американского президента Вудро Вильсона. Когда Вильсон разрубает Ивана, из его раны вытекают 150 миллионов и их союзники. Вступление к соответствующей главке гласит: «В песне миф о героях Гомера, история Трои, до неузнаваемости раздутая, воскресни!» [Маяковский 1956, т. 2, с. 142]. Финал: «О горе! Прислали из северной Трои начиненного бунтом человека-коня!» [там же, с. 151].

Как кажется, к этому коню уже в цветаевском посвящении 1921 г. Об архангеле-тяжелоступе отсылают слова «Он возчик и он же конь» [Цветаева 1994, т. II, с. 55], напоминающие формулу, адресованную Пастернаку, который «похож на араба и его коня» [Цветаева 1994, т. V, с. 235].

Пастернак воспринимался Цветаевой не только в противопоставлении, но и на фоне Маяковского. Эта мысль сквозит и в жалобах Цветаевой на Маяковского: «Я облеплена ничтожествами – лепятся вокруг моей силы. А сильному силы не нужно, М<аяковско>му нужны барышни. Поэтов у него полная Москва» [Цветаева–Пастернак 2004, с. 685].

Соотнесенный с гомеровским прошлым, Маяковский ассоциируется у Цветаевой с миром скульптуры, динамической статикой Лаокоона (заметим, что и троянский конь – деревянная статуя); если и ругать Маяковского, то только так: «статуй» [Цветаева 1994, т. V, с. 391]. Думается, в контексте этих аналогий актуален для Цветаевой и так называемый книдский миф об оживающей статуе – то, что Р. О. Якобсон описал как «скульптурный миф» Пушкина [Якобсон]: Маяковский и прямо, и косвенно (через цитату из Мандельштама про «хищный глазомер простого столяра») проецируется Цветаевой на Петра и выражает в каком-то смысле идею «медного всадника». Не зря Цветаева и профиль Маяковского предлагала печатать на советских деньгах: «Маяковский – живой памятник. <...> этим лицом Пролетариат мог бы печатать свои деньги» [Цветаева 1994, т. V, с. 391].

В случае с Маяковским мифологический сюжет об оживающих неодоушевленных предметах, восстающих на человека, получает дополнительную мощную контекстуальную поддержку в серии текстов, объединенных темой бунта вещей. Трагедия «Владимир Маяковский» (1913) первоначально так и называлась «Восстание вещей» [Маяковский 1955, т. 1, с. 439]. Как показал Н. И. Харджиев, у Маяковского эта тема тесно связана с «восстанием вещей» в «Журавле» (1909) и «Маркизе Дзэес» (1910) В. Хлебникова, а также в «Победе над солнцем» (1913) А. Е. Крученых [Харджиев, Тренин 1970, с. 96–126, 318–320]. Истоки этой темы можно найти у символистов, например В. Я. Брюсова (отдельная большая тема – мир живых мертвецов в «Страшном мире» А. А. Блока и у других авторов). Позднее она откликнулась у серапионовых братьев (см. киносценарий Л. Н. Лунца «Восстание вещей»). Но характернее всего она осталась все-таки для футуристов с их общей установкой на восстание «угнетенных» классов, в том числе классов речи, претендующих на автономность и одушевленность (ср. образы «слова как такового» и «буквы как таковой» у Хлебникова и Крученых).

Б. М. Гаспаров в статье, посвященной памяти З. Г. Минц, убедительно показал, что чумазый герой «Мойдодыра» Чуковского, от которого «убежали даже брюки», спроецирован на футуристов, и прежде всего – на Маяковского [Гаспаров 1992, с. 304]. (Ср. у Цветаевой: «Здорово, гордец чумазый...») [Цветаева 1994, т. II, с. 55]. В трагедии «Владимир Маяковский», как пишет Гаспаров, «изображается бунт вещей: в полном соответствии с центральной идеей кубофутуризма и ОПОЯЗа, вещи стремятся вырваться из-под гнета повседневности. Они “скидывают лохмотья изношенных имен” и покидают привычные места, на которых они привычно служили человеку»:

Винные витрины, как по пальцу сатаны,
сами плеснули в днища фляжек.
У обмершего портного сбежали штаны
и пошли – одни! – без человеческих ляжек!»
[Гаспаров 1992, с. 304].

Цветаева откликнулась на эту тему в «Поэме Лестницы» 1926 г. Но в отличие от Маяковского, у которого вещи находят своих истинных хозяев в «Мистерии-Буфф» (1919, 1921), и от Чуковского, у которого вещи прощают отмытого грязнулю, у Цветаевой

вещи навсегда уходят от человека в лоно стихийной прародины. Берясь за социальную тему, – пожар в доме нищих русских эмигрантов, Цветаева трактует ее в духе первобытного анимизма или оккультно-магических представлений, спроецированных на христианское двоемирие: вещи сгорают и тем спасаются.

В «Практической магии» Жюль Лермина можно найти «апрельские тезисы» цветаевского восстания вещей: «Все стихии, – говорит Парацельс, – имеют душу и жизнь. Обитатели стихий называются саганами (элементалы). Они не ниже человека, но отличаются тем, что не имеют бессмертной души. <...> Они могут проникать в человеческую среду и смешиваться с обществом, воспроизводить потомство, но дети принадлежат не им...»; «Нужно сказать, что человек состоит из элементалов, составляющих самую грубую часть его тела, но которые, тем не менее, обладают своей собственной потенциальностью, – углерода, фосфора и пр.» [Лермина 1992, с. 156]. В «Поэме Лестницы» вещь так же начинает осознавать себя стихией (элементом), одновременно веществом и существом:

Вещь, бросив вежливость:
– Есмь мел! железо есмь! <...>
Стекло, с полок бережных:
– Пе – сок есмь! Вдребезги ж!
Сти – хий пощечина! <...>
Мат – рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь! <...>
Огнь, в куче угольной:
– Был бог и буду им!

[Цветаева 1994, т. III, с. 125].

По Цветаевой, человек в своем высокомерии не осознает, что у вещей тоже есть души, он присвоил их себе, наивно приписал привидениям-предкам их проявления, а себе – образ и подобие природных существ: «Шумы – думаете – от предков?»; «Это ты – тростник-то // Мыслящий? – Биллиардный кий!» [там же, с. 126–127]).

Вещь угнетена человеком:
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь –
(Потому-то всегда взрываемся!)

Что вы сделали с первым равенством
Вещи – всюду, в любой среде –
Равной ровно самой себе

[Цветаева 1994, т. III, с. 126].

«Взрыв», поломка – реакция «вещи» на давление извне, наиболее естественное выражение ее сущности:

Стул сломался? Нет, сук подвел. <...>
Просыпаешься – как от залпа.
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Дворни домашней бал!

[там же, с. 126–127].

«Мечь» вещей – концептуальная часть представлений об элементах: «Вещи мстят за себя, и прав был поэт, сказавший: “Sunt lacrymae rerum!” <...> В сущности, элементы подчинены человеку, но право понуждения, которое он имеет над ними, вредит их нормальной эволюции, и они сражаются и убивают. <...> лишь явится малейшая оплошность – элемент торжествует ... он мстит! Взрыв парового котла, мины – это грубое торжество элемента, постоянно укрощаемого и неукротимого» [Лермина 1992, с. 157–158]. Ср.:

Камень требует головы!
Мечь утеса. С лесов – мечь леса!

[там же, т. III, с. 126–127].

Лермина связывает загадочный для непосвященного мир элементов с более привычными названиями: «Жгущая кислота имеет соответствующих элементов, как и безобидная вода <...> Каббала говорит: “Нет в мире ничего, даже травки, над которой не господствовал бы дух”. <...> Но есть также элементы добра <...>. Это силы свыше, каковые предания, легенды и Каббала именуют ангелами» [Лермина 1992, с. 157, 159]. У Цветаевой элементам добра и зла соответствует свой спектр названий – от «бесов» до «богов»:

Газ взорвался? Нет, бес взыграл! <...>
От Гефеста – со всем, что в оном –
Дом, а яхту – от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

[Цветаева 1994, т. III, с. 127]

Так Цветаева, восприняв (прежде всего, через Маяковского) тему бунта вещей в актуальном социальном плане, трактует ее в старом романтическом духе, в соответствии с учением об элементах или стихийных духах (ундинах, саламандрах и т.д.), сводя остросоциальную тематику к «вечным проблемам» жизни, смерти, чести и спасения души. Возвышая тему, она даже комические образы связывает с высокой патетикой, что выражается и стилистически (гротеск), и в проекциях на кантовскую философию и античную мифологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров Б. М.* Мой До Дыр // НЛО. 1992. № 1. С. 304–319.
- Иванов В.* О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М. : Советский писатель, 1988. 834 с.
- Катянян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М. : Советский писатель, 1985. 648 с.
- Лермина Ж.* Практическая магия // Папус. Практическая магия. СПб., 1992. С. 156–170.
- Маяковский В. В.* Полное собр. соч.: в 13 т. М., 1955–1961.
- Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак, 1997. 815 с.
- Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М. : Искусство, 1970. 328 с.
- Цветаева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М. : Вагриус, 2004. 720 с.
- Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М. : Эллис Лак, 1997. 640 с.
- Цветаева М. И.* Собр. соч. : в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. Т. 2. М. : Эллис Лак, 1994–1995. 591 с.
- Эфрон А.* О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М. : Советский писатель, 1989. 479 с.
- Яacobсон Р.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 145–180.

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: ekornilova@mail.ru

ЯЗЫЧЕСКИЕ КОРНИ ЭКСПРЕССИОНИСТСКОГО БУНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ ГОДФРИДА БЕННА «МОРГ»

Европейский модернизм, по выражению А. Бергсона, стал формой философского бешенства и продуктом психологического тупика, в котором оказалась европейская цивилизация перед Первой мировой войной и во время нее. Экспрессионизм (сопоставимый с сюрреализмом и футуризмом), раньше всех явлений модернистской культуры претендует на «взрыв» (Ю. М. Лотман). Вслед за декадансом, экспрессионизм претендует и на откровенный эротизм, в котором также видят орудие разрушения ложных буржуазных ценностей. О соединении Танатоса и Эроса в современной ему культуре много писал З. Фрейд. Немецкая культура, основанием которой служила германская мифология, всегда была склонна к воспроизводству трикстерской модели отражения мира и человека. Мифологический Локи, медиатор бинарных оппозиций, травестийный трюкач, ипостась которого включает божественное и комическое, творчество и провокацию, повышенный и нетрадиционный эротизм, деяния культурного героя и воспроизводство Смерти порождает целую культурную традицию в немецкой литературе. Трикстерство присуще и Гриммельсгаузену, и Ницше, и Грассу; можно ли обнаружить у них поэтику экспрессионизма? Архетипические модели развенчания и поношения современной им цивилизации в целом присущи экспрессионизму.

Ранний стихотворный цикл Г. Бенна «Морг» является яркой иллюстрацией этой модели. Пять стихотворений цикла воссоздают истории маленьких людей, которые скопом сваливаются в ямы. Никакого воскресения, бессмертия христианской души. Аллюзии на шекспировскую трагедию переводятся в форму площадного «низа».

Сакрально только лирическое «Я». Привратник Преисподней. Бог «перемешивает» влажные мозги, внутренности, мошонки мужчин, женщин, детей в адском котле. Крадет золотой зуб изо рта убитой проститутки, чтобы отправиться в кабак.

От Pastorenson к медицинскому, естественно-научному нигилизму через ницшеанский бунт против христианства к язычеству (трикстер) – буквально повторяет исторический путь интеллектуала, воссозданный Томасом Манном в романе «Доктор Фаустус».

Ключевые слова: Годфрид Бенн; «Морг»; экспрессионизм; бунт против христианства; Ницше; язычество и варварство; германская мифология; трикстер; шекспировские мотивы; гротеск.

Kornilova E. N.

Full Prof., PhD., Faculty of Journalism of M. V. Lomonosov State University;
a-mail: ekornilova@mail.ru

TRICKSTER MODEL AS EXPRESSIONIST REVOLT IN THE POETIC CYCLE «MORGUE» BY G. BENN

According to the words of A. Bergson, the European modernism became a form of the philosophical rabies and a product of psychological dead end in which European civilization found itself before and during the First World War. Expressionism (that is comparable to surrealism and futurism) pretends to be an “explosion” before the whole phenomena of modernism. On the morrow of decadence, expressionism claims to be frankly erotic, that is usually interpreted as an instrument of the destruction of fallacious bourgeois values.

Sigmund Freud was writing a lot about the juncture of Thanatos and Eros in the contemporaneous culture. The German culture, traditionally based on German Mythology, was always inclined to the reproduction of the trickster model of reflection of the world and human being. Mythological Loki, who is the mediator of binary opposition, the travesty tricky, whose incarnation includes godlike and comic, creation and provocation, high and not always traditional eroticism, works of the cultural hero and reproduction of the death, gives rise to the whole cultural tradition in the German literature. Being trickster is inherent to H.von Grimmelshausen, F.Nietzsche, G.Grass, so is it possible to find out the Expressionism poetics in their oeuvre? At large the archetypical models of dethronement and vituperation of the modern culture are appropriating of the expressionism.

The inchoate poetical cyclus of G.Benn “Morgue und andere Gedichte” is the telling illustration of this model. Five poems of the cyclus are recreating the tale histories of the shrimps, that are falling into the barathrum all together. There is no resurgence, no immortality of the Christian souls. All the references to the Shakespearian tragedy is devolving into the form of the vulgar bottom.

Only the lyrical “I” is sacral; the doorkeeper of the Gehenna, God, is mixing humid brains, giblets, women, children and scrotums in the hellish caldron. He is stealing the golden tooth from the mouth of the killed whore for going to the barrelhouse.

The way through the Nietzschean revolt against the Christianity to the heathenism (trickster), from the Pastorenson to the medical, naturalistic nihilism is in a matter of fact repeating the historical way of the intellectual thinker, which was created by Thomas Mann in the novel “Doktor Faustus”.

Key words: Godfried Benn; “Morgue”; expressionism; rebellion against Christianity; Nietzsche; paganism and barbarism; Germanic mythology; trickster; Shakespearean motifs; grotesque.

Для того чтобы начать предметный разговор о первом стихотворном цикле Готфрида Бенна «Морг», надо сделать несколько предварительных замечаний, детали которых, вероятно, известны специалистам, но имеют первостепенное значение для понимания образов и смыслов поэзии немецкого экспрессионизма 1910–1920-х гг. поскольку именно в это время, начиная с 1912 г., создавался цикл Бенна.

Готфрид Бенн (1886–1956) был воспитан в семье деревенского пастора, человека строгого, склонного к ригоризму и морализаторству. Поэтому неожиданный переход сына из университета в Марбурге, где он учился на богословском факультете и с увлечением слушал лекции по литературе и философии у профессора-неокантианца Германа Когена, в берлинскую Академию имени Кайзера Вильгельма, в которой он получил диплом «доктора медицины и хирургии», выглядел как бунт, да и был бунтом.

Далее. Став медиком, Бенн выбирает для себя специализацию патологоанатома, а позднее – врача-венеролога, как некогда Викентий Вересаев или Михаил Булгаков. Обе специализации были крайне востребованы в период войн и национальных катаклизмов, так что Бенну не пришлось воевать в действующей армии; обе войны он провел в госпиталях на Западном фронте; большую часть жизни поэт, одаренный мощным интеллектом и тончайшим поэтическим слухом, практиковал в клиниках Берлина. Он сам выбрал этот город и остался верен ему во многих жизненных передерягах. Город является главным местом действия бенновской лирики, персонажи которой неизменно страдают от насилия, совершаемого над ними некими безликими, но вполне человеческими силами. «Город и опустевшие небеса над ним: Бог то ли умер, как изрек Ницше, то ли ослеп, оглох и утратил малейший интерес к происходящему на Земле; то ли карает за грехи, то ли – еще ужасней, карает без вины, карает по изначальной злобности своей природы», – пишет об экспрессионистском ощущении городской цивилизации В. Н. Топоров [Топоров 1990, с. 7]. Поэт разделяет взгляды самых рьяных модернистов, особенно их танатологию, повышенный интерес к смерти, ее эстетизацию, возникшие еще до начала империалистической бойни, но в политическом смысле остается крайним консерватором и провинциалом. Его первый цикл не случайно называется «Морг». Это не просто место, где служит

и анатомирует лично Бенн, это – особый мир, площадка, где продолжает разворачиваться истории маленьких людишек даже после их смерти. Церковь и религия твердят, что и за последней чертой бытие души продолжается. Но слащавый христианский обман не имеет никакого отношения к фантастическим картинам, разворачивающимся в пяти стихотворениях Бенна из цикла «Морг». Христианские представления и даже христианская лексика здесь беспощадно профанируются, эпатируются, подвергаются даже не насмешке и пародированию, а именно – полному и шокирующему презрению. В этом цикле Бенн – достойный ученик Ницше.

Прежде всего, труп, лишенные души человеческие останки осмысливаются в христианских текстах и всей христианской литературной традиции как скверна, прах, который должен быть немедленно предан земле. Юлия Кристева в работе «Силы ужаса. Эссе об отвращении» пишет: «Гниющее тело, без жизни, полностью представляющее собой отбросы, мутный элемент между жизненным и неорганическим, кишение переходов из состояния в состояние, неотделимый дубликат человечества, жизнь которого смешивается с символическим: труп – это фундаментальное загрязнение. Тело без души, не-тело, мутная материя, оно должно подлежать исключению из такой территории, как слово Бога. Не будучи всегда нечистым, труп – это “проклятие Элоима” (Второзаконие, 21, 22): он не может быть выставлен напоказ, но тотчас же должен быть закопан, чтобы не загрязнять божественную землю» [Кристева 2003, с. 144].

Рассматривая эту проблему на десятках ветхозаветных примеров (Исайя, 6, 5; Захария, 3, 1-17; Иезекииль, 4, 12), Ю. Кристева указывает, что в ветхозаветной парадигме «любители трупов» отождествлялись с «представителями враждебных религий, отмеченными их культами убийства» [Кристева 2003, с.145]: язычество и варварство, таким образом, отождествляются с любованием трупом и его воспеванием. Те же тенденции просматриваются и в новозаветной традиции («гробы повапленные» Матф., 23, 27). Не случайно еще в эпоху Высокого Ренессанса можно было угодить в лапы инквизиции и попасть на костер за анатомирование трупов.

Однако модернизм, с его болезненной тягой к Смерти, пренебрегает этими запретами. Даже нежнейший Рильке создает сонет «В морге» (1907), где человеческие останки становятся объектом поэтического вдохновения:

Они лежат на выщербленных плитах
И ожидают знака, может статься,
Что с холодом навеки примирит их
И никогда уже не даст расстаться

Пер. Анны Расиной

Но у символиста Рильке нет болезненного стремления к эпатажу, хотя уже присутствуют некие воплощения дьявольского произвола служителей морга – сторожа, санитары, бесцеремонно ощупывающие трупы, выворачивающие карманы одежды в поисках каких-либо сведений о покойниках [Рильке, 1977, с. 128]. Но финал обращает читателя к мистериальным представлениям:

Чтоб с отвращеньем не ушли зеваки.
Глаза повертываются во мраке
Зрачками внутрь и смотрят в глубину.

Пер. К. П. Богатырев

Тема посмертного пребывания мертвого тела в мире живых становится центральной в бенновском цикле «Морг», в котором, по мнению Ф. Ницше, деформируется привычный мир, «чтобы суметь в нем выжить». Этот способ осознания мира соотносится с эстетическим кредо экспрессионизма «Zurück zum Wesen der Dinge» – «назад, к сути вещей». Суть личности патологоанатом видит, когда препарирует труп. Этот ракурс в познании «внутреннего» человека до Бенна мог быть предметом медицинского трактата или анатомической энциклопедии, но никогда не был предметом лирики.

Комментаторы этого цикла от В. Мархольца до Д. Уиллбери или Н. Ковалева указывают на реализацию Бенном традиций немецкой барочной литературы с ее темами упадка, разложения, смерти [Mahrholz 1932; Wellbery 2004; Ковалев 2016]. В данной статье нам хотелось бы показать более древнюю традицию германской литературы, возрождающуюся в лирике раннего Бена опять же под влиянием идей «Антихристианина» Ницше и общей тенденции поисков немецких интеллектуалов в истории Средневековья и варварства не без воздействия творчества Рихарда Вагнера.

Пожалуй, в истории литературы трудно найти еще один подобный пример, когда виртуозный лирический поэт одновременно является героем-деятелем анатомического театра, где швыряют на обитые металлом столы изувеченные или распухшие от долгого

пребывания в воде трупы, и равнодушно рассекая их длинными ножами, сваливают внутренности в медицинские лотки и бады для отходов:

Jeder drei Napfe voll: von Hirn bis Hoden.
Und Gottes Tempel und des Teufels Stall
nun Brust an Brust auf eines Kubels Boden
egrinsen Golgatha und Sundenfall.

Каждого на три миски: от мозга до яичек.
И божий храм и дьявольское стойло
Теперь грудь к груди на дне бады
Насмеваются над Голгофой и грехопадением

Нечто подобное происходит в первом стихотворении цикла «Маленькая астра»:

Kleine Aster

Ein ersoffener Bierfahrer wurde auf den Tisch gestemmt.
Irgendeiner hatte ihm eine dunkelhellila Aster
zwischen die Zaehne geklemmt.
Als ich von der Brust aus
unter der Haut
mit einem langen Messer
Zunge und Gaumen herausschnitt,
muss ich sie angestossen haben, denn sie glitt
in das nebenliegende Gehirn.
Ich packte sie ihm in die Brusthoehle
zwischen die Holzwolle,
als man zunaechte.
Trinke dich satt in deiner Vase!
Ruhe sanft,
kleine Aster!

Этот первоначально шокирующий текст отличается холодной дерзостью, асоциальностью, антиэстетизмом и маргинальностью. Цветочек, воткнутый между зубов покойника на пути в морг, – шутка дурного толка. Но это деяние произведено неясно кем. А вот «Я» этого стихотворения (*Als ich, muss ich, Ich packte*), врач патологоанатом, так или иначе соотносится с лирическим героем, который по сути ощущает себя пересмешником-трикстером, противостоящим мещанскому страху обывателей перед трупом и разрушающим

ложные буржуазные ценности. Любопытен и топос этого стихотворения: героиня – темная, светло-лиловая астрочка упокоится с миром в груди разъятого трупа возчика пива, который и есть место действия ее истории. Поэтический ход, ниспровергающий все табу прежней культуры, что было по плечу только трикстеру, архетип которого в европейском контексте полнее всего проявлен в древнегерманской мифологии (*Локки, тролли и т.д.*).

По К. Г. Юнгу, «трикстер – предшественник спасителя, и, подобно ему, он одновременно Бог, человек и животное. Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество, а самая главная и бросающаяся в глаза его черта – его бессознательность. <...>. Хотя он и не зол по-настоящему, он вытворяет самые жестокие вещи лишь из откровенной бессознательности и несвязности» [Юнг 1999, с. 276].

Основа поведения трикстера, его главная черта – это нарушение границ. Онтология трикстера определяется его амбивалентностью, связью с сакральным, ненасытностью и гиперсексуальностью, а также стремлением к нарушению всяческих запретов и отсутствием понимания существующих границ и табу. Как отмечает Кериньи, трикстер «их яростный противник» [Кериньи 1999, с. 257]. Юнг полагает, что приведенное Радиным описание трикстера совпадает с обозначенным психоанализом архетипом «Тени», который представляет собой более древний, подавляемый цивилизацией и культурой слой сознания, тот, что до конца никогда не может исчезнуть «вместе с подобной языческой дикостью. <...> Он представляет собой одну из «психологем», одну из чрезвычайно древних архетипических структур психики. В своем наиболее ярком проявлении он – подлинное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень» [Юнг 1999, с. 276]. Тактика трикстера включает оборотничество, юмор, пародирование, деконструкцию и бриколаж. Основные роли трикстера – это культурный герой, критикующий шут, вестник богов, козел отпущения. Но в качестве лирического героя, близкого к *alter ego* автора, трикстер практически не встречается.

В работе Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» также присутствует осмысление схожих явлений. Феномен аномального поведения возникает как нарушение привычного и долгое время существует

как «изъясн» на фоне традиционной культуры. В результате динамического напряжения между принятым и непринятым происходит «взрыв», новация входит в семиосферу и постепенно переходит в ранг традиции [Лотман 2000, с. 97]. По Лотману, «взрыв» совершает *сумасшедший* – антипод как умного, так и дурака. Рисковость и непредсказуемость безумца приводят к нарушению законов и обычаев и нахождению новых путей.

А. Бергсон считал европейский модернизм формой философского бешенства и продуктом психологического тупика, в котором оказалась европейская цивилизация перед Первой мировой войной и во время нее. Экспрессионизм (сопоставимый с сюрреализмом и футуризмом) раньше всех явлений модернистской культуры претендует на «взрыв». Вслед за декадансом, экспрессионизм претендует и на откровенный эротизм, в котором также видят орудие разрушения ложных буржуазных ценностей [Кулешов 2008, с. 70–72]. О соединении Танатоса и Эроса в современной ему культуре много писал З. Фрейд. Иллюстрацию этих идей несложно обнаружить в следующем стихотворении цикла «Прекрасная юность».

Schöne Jugend

Der Mund eines Mädchens, das lange im Schilf gelegen hatte
sah so angeknabbert aus.
Als man die Brust aufbrach war die Speiseröhre so locherig.
Schließlich, in einer Laube unter dem Zwerchfell
fand man ein Nest von jungen Ratten.
Ein kleines Schwesterchen lag tot.
Die anderen lebten von Leber und Niere,
tranken das kalte Blut und hatten
hier eine schöne Jugend verlebt.
Und schon und schnell kam auch ihr Tod:
Man warf sie allesamt ins Wasser.
Ach, wie die kleinen Schnauzen quietschen!

Как точно замечает исследователь творчества Бенна Н. Ковалев, первая строка стихотворения «*Der Mund eines Mädchens*» вызывает эротические и даже «пасторальные, идиллические» [Ковалев 2016, с. 107] ассоциации. Страшное *das lange im Schilf gelegen hatte* всё еще намекает на аллюзию на шекспировскую Офелию. Собственно, в этом повороте ассоциативного ряда у Бенна есть предшественник, это Георг Гейм со стихотворением «Офелия» в двух

частях (ассоциации с ним есть и у Б. Пастернака, соученика Бенна по Марбургу):

Офелия I

В волосах гнезятся речные крысы
Руки в перстнях вытянулись по воде,
Плавниками, несущими ее тело
Сквозь тенистый подводный первобытный лес.

Последнее солнце, пробуждавши в сумраке,
Глубоко закатилось в ее мозг, как в гроб.
Зачем умерла она? Почему одна она
В порослях водорослей спутавшейся реки?

Ветер повис в камышах. Как взмахом
Он взметает стаю летучих мышей.
Темными крыльями над темными водами
Они выются, влажные, как тяжелый дым,

Как ночная туча. Белесый угорь
Ей щекочет груди. Светляк на лбу
Мерцает, и листьями плачет ива
Над ней. Нал мукой не знающей слов.

Пер. М. Л. Гаспарова [Гейм 1989, с. 178]

Аллюзия на шекспировскую трагедию проявляется в сострадании к утопленнице, к ее девственности и красоте. В этом диптихе Г. Гейма («Офелия II») есть и мотив девичьего рта: «*С полураскрытым драгоценным том, лобзания не знавшего вовек*». Но в версии Бенна Офелия погружена не в воды реки, а распростерта на столе для вивисекций, и *Некто* (конструкция безличная *Als man, fand man, Man warf*) препарирует источенный крысами труп и превращает крысиный выводок в главных персонажей повествования. Именно у них было *Schöne Jugend*, объявленное в названии стихотворения. Они являются здесь жертвой всемогущего Бога, с улыбкой описывающего предсмертный вопль крысят-утопленников. Неожиданное для маленького текста количество деталей «одна из сестер была уже мертва», ели печень и почку, пили ледяную кровь, делают насмешливого бога *Творцом* и вершителем судеб всего живого, для которого открыта истинная суть вещей. Никакими барочными мотивами «упадка и разложения земного», *Vergänglichkeitslyrik* «поэзии преходящести» [Nef 1958, с. 15] невозможно объяснить

эту форму поэтического бешенства. Впрочем, Эрнест Неф верно замечает, что важнейшее отличие Бенна от барокко в том, что «у Бенна больше нет вечного», у Бенна меняется перспектива – человек стремится не *de profundis* (из бездны), но, напротив, *in profundis* (в бездну), образуется «экстатический unio mystica человека с физическим миром» [Nef 1958, с. 17–22]. У Бенна тоже есть сострадание, только оно выражено через ужас разложения органического тела, через круговорот, о котором в трагедии «Гамлет» говорил и Шекспир: «Пред кем весь мир лежал в пыли // Торчит затычкою в щели» [Шекспир 1994, с. 207]. Взгляд средневековый. Игра жизни и смерти, которая всегда побеждает при полном попустительстве некоего всеильного Бога, равнодушного к страданиям не только человека, а всего живого <...>. В этом безличном Некто очень много от Локи, могущественного и смешного, постоянно подстраивающего ловушки и в них же попадающего, приносящего страдания, и постоянно страдающего от собственных проделок. Трикстерная природа, выпущенная из тайников подсознания, организует пространство стиха, влитого в первоклассную поэтическую форму.

Kreislauf

Der einsame Backzahn einer Dirne,
die unbekannt verstorben war,
trug eine Goldplombe.
Die ubrigen waren wie auf stille Verabredung
ausgegangen.
Den schlug der Leichendiener sich heraus,
versetzte ihn und ging fur tanzen.
Denn, sagte er,
nur Erde solle zur Erde werden.

В «Круговороте» Локки торжествует. Сюжет средневекового шванка отлично подходит для модернистской поэзии. Бытовая зарисовка, отчего-то вызывающая душевный трепет. Откровенный цинизм, низкие персонажи – шлюха, сторож из морга, топос – трупарня, кабак; и в конце цитата из 1-й книги Моисея, но фактически повторяется она и у Экклезиаста: «прах к праху», «земля к земле», трагедия в свете комедии, возникающая из сопоставления разных лексических пластов. Гротеск. В комплексе с брутальностью, безобразием, натуралистичностью, откровенной приземленностью

и рассчитанным эпатажем эта «новейшая» в 1912 г. поэзия отдает варварской архаикой, а как известно, чем больше в тексте архаики, тем более новаторским он представляется.

Четвертый текст – «Негритянская невеста», который В. Топоров, на наш взгляд, не вполне справедливо переводит как «Негритянская подстилка», употребляя бранную форму, есть та же аллюзия на высокий, хотя и не сакральный, но трагедийный текст шекспировской драмы «Отелло». Не случайно здесь привычный для Бенна верлибр заменен практически по всему тексту пятистопным ямбом – самым распространенным трагедийным размером. Персонажи – опять предназначенные для аутопсии безымянные покойники с берлинских улиц. Особенно сочно написан темнокожий «отелло», у которого полголовы снесено лошадиным копытом, а ноги вымазаны дерьмом. Это и есть «возлюбленный» девственной белокожей блондинки, мертвому телу которой предстоит быть разъятым скальпелем и обгариться уже стынувшей кровью, декорирующей соблазнительные бедра.

Negerbraut

Dann lag auf Kissen dunklen Bluts gebettet
der blonde Nacken einer weisen Frau.
Die Sonne wutete in ihrem Haar
und leckte ihr die hellen Schenkel lang
und kniete um die braunlicheren Brüste,
noch unentstellt durch Laster und Geburt.
Ein Nigger neben ihr: durch Pferdehufschlag
Augen und Stirn zerfetzt. Der bohrte
zwei Zehen seines schmutzigen linken Fuses
ins Innere ihres kleinen weisen Ohrs.
Sie aber lag und schlief wie eine Braut:
am Saume ihres Glucks der ersten Liebe
und wie vorm Aufbruch vieler Himmelfahrten
des jungen warmen Blutes.
Bis man ihr
das Messer in die weise Kehle senkte
und einen Purpurschurz aus totem Blut
ihr um die Hüften warf.

И вновь девственная красавица с золотыми волосами в луже черной крови вызывает эротические фантазии, влечение наблюдателя.

По мнению одного из своих биографов Бенн, эротоман [Lethen 2006]. Бытие обнаженных тел и предчувствуемое соитие после смерти, театрално-красочное и одновременно отвратительное, полно эротических подтекстов. Повышенный эротизм в странных и неподходящих для этого случаях, почти некрофилия, характерен и для трикстерской модели поведения. Как указывает Кереньи, «...его (т.е. трикстера) сексуальность не знает ограничений, он даже не соблюдает границ пола. Его неумеренный фаллизм не может ограничиться одним полом: в двадцатом эпизоде он ухитряется стать невестой и матерью – ради свадебного пиршества, да и просто для развлечения...» [Кереньи 1999, с. 262]. Неукротимый дух плоти – явление архаической доцивилизационной культуры здесь торжествует.

Пятый текст «Реквием», по мнению Н. Ковалева, наиболее богат религиозными аллюзиями: «“Kreuzweis” (крест-накрест), во второй строфе упоминаются Голгофа и грехопадение. Также число мисок – три, может иметь символическое значение. А в третьей происходит своеобразное расщепление Троицы: Mannsbeine (отец), Kinderbrust (сын) und Haar vom Weib. Святой дух здесь отсутствует, в нигилистической перспективе Бенна его место занимает женщина» [Ковалев 2016, с. 111]. Но в самом стихотворении Бенна эти аллюзии преподнесены читателю в пародийной форме. Крест-накрест *Nah (Рядом)* лежат обнаженные мужские и женские тела, напоминая свальный грех. Лотки, наполненные кровоточащим содержимым из «плодоносящих» чрев мертвецов, «приветствуют» Голгофу и грехопадение. Модернистская монтажная техника вносит такой саркастический оттенок в лирический контекст, что и тех, кто здесь выглядит «младенчески чистыми» «Я видел (*Ich sah*) распутничавшими (*sich hurten*)». Богохульная трикстерская пародия на христианские символы совсем в духе средневековых вагантов. Смерть не смывает греха, она только создает видимость безгрешности и дарует освобождение от мучений.

Requiem

Auf jedem Tische zwei. Manner und Weiber
kreuzweis. Nah, nackt, und dennoch ohne Qual.
Den Schadel auf. Die Brust entzwei. Die Leiber
gebaren nun ihr allerletztes Mal.

Jeder drei Napfe voll: von Hirn bis Hoden.
Und Gottes Tempel und des Teufels Stall
nun Brust an Brust auf eines Kubels Boden
begrinsen Golgatha und Sundenfall.
Der Rest in Sarge. Lauter Neugeburten:
Mannsbeine, Kinderbrust und Haar vom Weib.
Ich sah von zweien, die dereinst sich hurten,
lag es da, wie aus einem Mutterleib.

И всё это в сочетании с высоким поэтическим стилем и изысканной звукописью: «*Nah, nackt, und dennoch ohne Qual*»...

В каждом следующем стихотворении рассказчик всё дальше устранился от событий. Почти объективный взгляд, без личностной окраски, но набор телесных образов и их сочетания, приписываемые им связи и так очень многое говорят о наблюдателе, т. е. о лирическом «Я».

В одном из страсбургских журналов эльзасский поэт Эрнст Штадлер писал, что стихотворения из цикла «Морг» написаны так, «словно речь идет ни о чем другом, кроме как о чисто врачебном отчете после состоявшейся операции», но что в каждой его строке проявляется художник, особенно в том, как выстраиваются эти строки, и что в них «слышна беззвучная музыка внутреннего потрясения», а за демонстративной несентиментальностью профессионала стоит «сильное сочувствие, почти женственная чувствительность, отчаяние от сознания трагизма жизни и чудовищного безразличия к ней природы» [цит. по: Вебер, 2005, 112].

В заключение стоит отметить, что древнегерманская традиция в наиболее законченном виде сохранила трикстерскую модель отражения мира и человека. Мифологический Локи, медиатор бинарных оппозиций, трагедийный трюкач, ипостась которого является моделью и включает божественное и комическое, творчество и провокацию, деяния культурного героя и воспроизводство Смерти (Хелль и другие чудовища), порождает целый ряд важнейших в немецкой литературе текстов. Трикстерство присуще и Гриммельсгаузену, и Ницше, и Грассу; можно ли обнаружить у них поэтику экспрессионизма? Архетипические модели развенчания и поношения современной им цивилизации в целом присущи экспрессионизму. Ранний стихотворный цикл Г. Бенна «Морг» является яркой иллюстрацией этой модели.

Пять стихотворений цикла воссоздают истории маленьких людей, которые скопом сваливаются в ямы. Никакого воскресения, бессмертия христианской души. Аллюзии на шекспировскую трагедию переводятся в форму площадного «низа». Случайно прорывающееся лирическое «Я» – Привратник Преисподней. Дьявол перемешивает влажные мозги, внутренности, мошонки мужчин, женщин, детей в адском котле. Крадет золотой зуб изо рта убитой проститутки, чтобы отправиться в кабак.

Пасторский сын, воспитанный в христианской парадигме, рвется к медицинскому, естественно-научному нигилизму, в чем признается в одной из поздних работ («Nach dem Nihilismus», 1932), через бунт против христианства к язычеству (трикстер) – буквально повторяет исторический путь интеллектуала, воссозданный Томасом Манном в романе «Доктор Фаустус». Не случайно Бенн оказался чуть ли не единственным из крупных немецких поэтов, который был очарован национал-социализмом. Бенн пишет статьи и речи в поддержку нового государства. Его иллюзии возникли в отношении Третьего рейха из представления, что новые власти создадут из хаоса современной жизни новое государственное формирование, как это удалось в древности [Decker 2006, с. 39], например дорийцам. Но сами фашисты отвергли Бенна, найдя его искусство дегенеративным. Из «Имперской палаты словесности» его исключили, издавать перестали, а после того, как в 1936 году многие газеты в столице и провинции, несмотря ни на что, уважительными статьями отметили 50-летие поэта, власти решились на радикальные меры. Бенну запретили печататься.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенн Г.* Двойная жизнь. Проза, эссе, избранные стихи / пер. с нем. ; ред. И. Большев. М. : Летний сад, 2011. 604 с.
- Вебер В.* Годфрид Бенн // Иностранная литература. 2005. № 8. С. 142–162.
- Гейм Георг.* Стихи / вступл. Н. Павловой ; пер. с нем. М. Гаспарова // Иностранная литература. 1989. № 2. С. 178–192.
- Кереньи К. К.* Пол Радин. Трикстер // Исследование мифов североамериканских индейцев / с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб. : Евразия, 1999. С. 253–256.
- Ковалев Н.* Традиции литературы барокко в творчестве Г. Бенна: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 213 с.
- Кристева Ю.* Силы ужаса. Эссе об отвращении / пер. с фр. А. Костикова. СПб. : Алетея, 2003. 256 с.

- Кулешов Р. Н.* Трикстер: топос маргинальности и выход за пределы // Грани. Научно-теоретичний и громадсько-політичний альманах. 2008. № 2 (58). С. 68–81.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб. : Искусство–СПБ, 2000. С. 64–103.
- Рильке Р.-М.* Новые стихотворения / пер. с нем., ред. К. П. Богатырев и др. М. : Наука, 1977. 277 с.
- Топоров В.* Поэзия эпохи перемен // Сумерки человечества. Поэзия немецкого экспрессионизма. М. : Московский рабочий, 1990. 271 с.
- Шекспир У.* Гамлет / пер. Б. Л. Пастернака // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М. : Издат. Центр «Терра», 686 с.
- Юнг К. Г.* Комментарии. Пол Радин. Трикстер // Исследование мифов североамериканских индейцев / с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб. : Евразия, 1999. 256 с.
- Benn G.* Morgue. Gedichte (1912). // Benn G. Gedichte in der Fassung der Erstdrücke. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1982. 688 S.
- Benn G.* Gesammelte Werke in drei Bänden. Frankfurt am Main: Zweitausendeins, 2004. 2322 S.
- Decker Gunnar, von.* Gottfried Benn, Genie und Barbar. Aufbau. 2006. 314 S.
- Lethen Helmuth* hrsg. Der Sound der Väter, Gottfried Benn und seine Zeit – Rowohlt, 2006. 179 S.
- Mahrholz W.* Deutsche Literatur Der Gegenwart. Berlin : Sieben-Stabe-Verlag, 1932. 528 S.
- Nef E.* Das Werk Gottfried Benns. Zürich : die Arche, 1958. 148 S.
- Wellbery D. E.* (ed.) A New History of German Literature. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 314.

УДК 821.531

М. В. Солдатова

кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ,
e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МИРЕ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Республика Корея давно является серьезным игроком на мировом экономическом поле, при этом оставаясь относительно мало представленной в глобальном пространстве элитарной культуры, в частности литературы. В статье анализируются причины такого состояния дел и перспективы его изменения; уделяется внимание политике организаций, отвечающих за популяризацию корейской культуры за рубежом, а также особенностям современной корейской литературы, ряд которых рассматривается в рамках вопроса о специфичности национального культурного кода.

Ключевые слова: корейская литература; культурный код; популяризация национальной литературы.

Soldatova M. V.

PhD in Philology, Associate Professor of Oriental Languages Department of MSLU;
e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

PROBLEMS OF POPULARIZATION OF KOREAN LITERATURE IN THE WORLD: TO THE SPECIFICITY OF NATIONAL CULTURAL CODE

For quite a long time, the Republic of Korea has been a serious player on the international economic field, while remaining relatively little represented in the global elite culture, literature in particular. The article analyzes the reasons for this state of affairs and prospects for its change, pays attention to the policies of organizations that are responsible for the popularization of Korean culture abroad, as well as to the peculiarities of modern Korean literature, some of which are considered in relation with the specificity of national cultural code.

Key words: Korean literature; cultural code; popularization of national literature.

С рубежа XX–XXI вв. Республика Корея предпринимает действительно серьезные усилия, нацеленные на то, чтобы сделать узнаваемой в мире свою не только материальную, но и культурную продукцию, а в общем смысле – на формирование имиджа нации. Специальные фонды поддерживают разного рода проекты, связанные с популяризацией корейской культуры за рубежом. С 2001 г.

осуществляет деятельность государственный Корейский институт художественных переводов. В качестве одной из мета-целей популяризации корейской литературы в мире полуофициально выступает получение одним из корейских авторов Нобелевской премии по литературе. При этом не секрет, что относительными серьезными успехами (пусть даже с учетом проблемы их монетизации) пока может похвастаться только современная корейская поп-музыка, а также кино, в первую очередь сериалы. Корейская литература остается практически неизвестной зарубежным читателям.

Начнем с шансов на получение корейским автором Нобелевской премии, которые не напрямую связаны с ростом популярности в мире корейской литературы в целом и отдельных поэтов и писателей, в частности. Выбор Нобелевского комитета часто кажется мировой общественности неоправданным. Существуют разные конспирологические теории, касающиеся принципов присуждения премии, в том числе географическая.

Шведская академия в своем выборе ограничена не только рамками устава Нобелевского фонда (награжденная работа должна принести благо всему человечеству), но и замечанием Альфреда Нобеля, что литературное произведение должно быть «идеалистической направленности». Оба критерия являются достаточно туманными, особенно второй, вызывающий немало споров. Проследить историю того, как менялась интерпретация завещания Нобеля Шведской академией, очень сложно, потому что, согласно уставу фонда, документация и переписка любого года должны храниться в секрете 50 лет.

Современная интерпретация завещания предполагает, что Нобель подразумевал, скорее, не идеалистическое направление в литературе, а идеальное исполнение, язык и стиль произведения (Русская служба BBC, 7.10.2015). Нельзя забывать и о том, что Нобель скончался в эпоху торжества натурализма в западной литературе.

Чтобы постараться понять, что имел в виду А. Нобель (1833–1896), можно почитать, что писали об идеализме его современники, например российский критик А. А. Григорьев (1822–1864) в 1861 г.: «Повсеместное господство так называемого реализма в искусстве и литературе вообще и в нашей литературе особенно – факт почти что общепризнанный. Но что такое реализм, равно как и что такое противоположаемый ему идеализм, мы или не знаем

вовсе ... или знаем очень смутно». И далее: «В чем заключались сущность, сила и обаяние ... идеализма – противопоставляемого реализму современных нам писателей, мы не определили, да, может быть, даже полагаем, что и определять не стоит. В лиризме ли, то есть в некоторой сверхобычности (чтобы не сказать сверхъестественности) взгляда на жизнь (миросозерцания) и строя чувствований – в способе ли изображения жизни чертами более широкими, чем подробными, и более синтетическими, чем аналитическими, – в протесте ли, наконец, и тревожном недовольстве действительности – неизвестно» [Григорьев 1990].

Как ни печально, корейским писателям иногда не достает именно этой «широты черт», способности использовать специфический национальный материал для выражения идей, имеющих дополнительное общечеловеческое измерение. Ради интереса можно сравнить два романа, написанных на одну и ту же тему: «Отцы и дети» И. С. Тургенева и «Три поколения» Ём Сансопа. И в том, и в другом романе семейный конфликт является метафорой исторического перелома. Можно сказать, что метафора в произведении Ём Сансопа, действие которого происходит в период перехода Кореи на капиталистический путь развития, исторически более точна, поскольку консервативный дед представляет уходящую феодальную эпоху, внук, который хочет жить по современным стандартам, – новую эпоху, а беспутный сын, не находящий себя в меняющемся социуме, – переломное время. Так оно и случается в действительности: люди среднего возраста труднее, чем молодые, приспосабливаются к переменам, но вынуждены это делать, поскольку не имеют возможности уклониться от участия в жизни общества, в том числе экономической. В аналогичную ситуацию, например, попали представители среднего класса в период распада СССР. В романе Тургенева конфликтуют два поколения, но именно в таком виде метафора теряет жесткую привязку к конкретной исторической и географической ситуации и приобретает упомянутое общечеловеческое измерение, отражая, говоря словами П. Вайля и А. Гениса, «столкновение цивилизаторского порыва с порядком культуры» [Вайль, Генис 1991].

Есть, конечно же, в Корее писатели, в творчестве которых метафизическая, концептуальная составляющая налицо. Это, например, И Мунёль. Но И Мунёль порой слишком циничен, да и его

презрительное отношение к идее равноправия полов вряд ли пришлось бы по душе Нобелевскому комитету.

Наоборот, понятная широкому кругу читателей метафора, отражающая «правильное» гуманистическое мировоззрение (поощрение которого и является, в конечном итоге, главной целью вручения ряда крупнейших премий и призов в области культуры и искусства) лежит в основе получившего в 2016 г. Букеровскую премию романа Хан Ган «Вегетарианка», в котором вегетарианство и постепенный переход героини из мира людей в мир растений являют собой некую форму протеста против насилия любого рода. По замыслу, весьма существенно «отшлифованному» переводчицей книги на английский язык дабы стать понятным западным читателям, жестокий мир людей (животных) противопоставляется таким образом миру растений. Акцентируя внимание отнюдь не на художественной, а на идейной значимости (правильности, полезности) книги «The Guardian» в декабре 2016 г. писала: «First published in South Korea in 2007 and translated into English in 2015, *The Vegetarian* by Han Kang remains urgently relevant, almost 10 years after it was first picked up by readers. Constant relevance is perhaps both a mark of great literature and a demonstration of why it matters so much; our societies, our norms, our expectations change at such a glacial pace that we need books to keep us aware and to foment change, however slowly» [Masad 2016].

Таким образом, чтобы получить премию, нужно писать не только оригинально и красиво, но и правильно. А придумать что-то новое и при этом заведомо правильное – задача не из простых.

В имеющейся ситуации корейцы долго возлагали основные надежды на поэтов, в первую очередь на Ко Ына, чье творчество имеет ярко выраженную философскую (идеалистическую) направленность.

В 2016 г. букмекеры принимали ставки на Ко Ына из расчета 1:14, а на Боба Дилана – 1:50 [Акимов 2016]. Однако результат всем известен. В 2017 г. Ко Ыну опять не повезло. А теперь, когда 84-летний поэт оказался в рамках движения #MeToo обвинен в былых домогательствах, сограждане думать забыли о его перспективах как нобелевского лауреата и даже предлагают исключить его произведения из учебников [Кань Сонъвон 2018].

Отдельный вопрос: как западные читатели воспринимают тексты восточных авторов, в частности поэтические. Правда, к сожалению, в том, что читатели, сознательно ищущие выходы через иное к тайнам Вселенной, часто наделяют эти тексты отсутствующим в них сакральным смыслом, не видя смыслов реально заложённых. Тут хочется вспомнить крайне эмоциональную, почти истерическую, декламацию народной корейской песни «Тон-дон» в переводе Анны Ахматовой на вечере встречи с корейскими поэтами в Литературном институте, состоявшемся 3 апреля 2015 г. Невероятно, но факт – представление русской актрисы-декламатора о личности Ахматовой определило ее восприятие корейского текста. Случается, читателей кидает из крайности в крайность. Не понимая сначала ничего, они, получив некий намек на истинный смысл текста, не могут остановиться на «глубине его залегания» и «выкапывают с избытком пустую породу».

Серьезнейшей проблемой является «умножение сущностей» ввиду неслаженности действий востоковедов – специалистов по культуре отдельных стран Востока или, точнее, нехватки специалистов широкой эрудиции, охватывающей весь Восток. Кроме того, узкие специалисты склонны в ходе анализа текстов не отделять национальные явления от региональных и глобальных (речь, в частности, о так называемых бинарных оппозициях, через которые в российском корееведении принято анализировать / толковать корейские классические и современные литературные тексты). Не способствует решению проблемы и традиция в каждой стране Дальнего Востока читать на свой лад одни и те же китайские иероглифы. Рядовым западным читателям невозможно догадаться, что китайская Гуаньинь – это корейская Кваным. Вопрос: нужно ли эту Бодхисаттву называть всегда одинаково, не так-то прост, учитывая, что в Корее она при переходе из мира литературы в мир живописи умудрилась сменить пол. Но ведь Гуаньинь по-корейски – все равно Кваным. Появление же различных не существующих на российских картах географических объектов ввиду прочтения иероглифов согласно правилам не той страны, на территории которой располагаются упомянутые объекты, остается исключительно на совести переводчиков. В итоге читатели получают искаженное представление о множестве объектов восточного культурного поля.

Следует, наконец, признать, что между культурами Запада и Востока – пропасть, и реально быть понятыми за пределами национального «культурного поля» могут авторы, которые хотя бы поняты максимальным количеством читателей и предпринимающие для этого усилия, т.е. сознательно играющие на глобальном «культурном поле». В статье «Поле литературы» Пьер Бурдьё пишет: «Входящий в поле культуры овладевает специфическим кодом поведения и выражения и обнаруживает конечную вселенную ограниченных свобод и объективных потенций: планов, ожидающих осуществления, проблем, ожидающих разрешения, стилистических и тематических возможностей, ожидающих воплощения и даже революционных разрывов, ждущих своего часа.

Для того чтобы кто-нибудь смог замыслить самую смелую инновацию или революционный эксперимент, необходимо, чтобы они существовали в виде потенций внутри системы уже реализованных возможностей: как структурные лакуны, ожидающие и требующие заполнения; как потенциальные направления развития, возможные пути экспериментирования. Более того, должна существовать вероятность того, что они будут приняты, то есть восприняты и признаны как «имеющие смысл», в среде по крайней мере немногих – тех, кому могли бы прийти в голову такие же идеи» [Бурдьё 2000]. Корейская же сторона настойчиво продвигает на Западе очень «корейские» вещи, предназначенные в первую очередь для «внутреннего» потребления, трудно дешифруемые иностранцами, не воспринимаемые ими всерьез. И как бы прекрасно не перевел эти вещи самый квалифицированный из специалистов, простые читатели не воспримут их так, как корейской стороне хотелось бы.

Проблема генерирования и дешифровки смыслов непосредственно связана с проблемой культурного кода, который автор статьи предлагает толковать как многоуровневую динамическую систему, позволяющую воспринимать и интерпретировать (переводить) смысл, заложенный в сообщении, адресованном носителю такого кода. В качестве уровней, доступных для освоения неносителями «кода», автор, оставляя список открытым, выделяет:

- 1) знания об окружающем мире, включая объекты природы и объекты культуры;
- 2) менталитет как способ восприятия окружающего мира и себя в нем на основе, в том числе, неких ценностей;

- 3) языковую картину мира, подразумевающую сформированность определенных концептов;
- 4) вовлеченность носителей «кода» в разного рода дискурсы;
- 5) коллективную память и прочее, в частности;
- 6) систему художественных символов.

Можно предположить, что выявление составляющих культурного кода как такового и анализ конкретного южнокорейского культурного кода могли бы способствовать повышению качества российско-корейской межкультурной коммуникации.

Зимой 1998 г. на поэтической вывеске на площади Кванхвамун появилась в очень простом оформлении такая строфа Ко Ына [고은]:

모여서 숲이 된다 [Объединившись, мы становимся лесом].

나무 하나하나 죽이지 않고 숲이 된다 [Становимся лесом, ни одного дерева не убивая].

그 숲의 시절로 우리는 간다 [В эпоху леса возвращаемся].

А летом 2015 г. на той же вывеске можно было увидеть строки из стихотворения Чон Хисона [정희성] «숲» [«Лес»] на фоне ярко-зеленых древесных крон: «제가꿈 서 있어도 나무들은 숲이었어 그대와 나는 왜 숲이 아닌가 [Деревья, что по одиночке растут, лес составляют, почему не лес мы с тобой?]]».

В обеих строфах используется один и тот же символ «숲» [«лес»].

В западной культуре лес как элемент природы может противопоставляться городу (но в Корее эту роль, прежде всего в традиционной литературе, играет «другой» «лес» «산» [«лес / гора»]). Тем не менее объяснить суть этого символа европейцам совсем не трудно. С детства мы видим в книжках различные вариации истории про отца, который объясняет сыновьям важность единения, предлагая сначала сломать пучок веточек, а потом легко ломая веточки по одной. Трудно адекватно перевести конкретное слово. Устойчивый символ корейской культуры желательно всегда переводить одинаково, чтобы он стал узнаваемым. Но в русском языке существительное «лес», как и прочие существительные, имеет грамматический род и в стихотворении, написанном женщиной, может выглядеть немного странно. Взглянем на стихотворение Мун Чонхи [문정희] «정월 일기» [«Январский дневник»]:

지금 내가 할 수 있는 최대의 애정은

...

...

식어버린 가슴들 부끄러이 깨워
바람 키우는 숲이 되는 일인가

И большее, на что способна я сейчас,

...

...

Стать рощей, где витает легкий ветер,
Тревожа охладевшие сердца.

Грамматическое число этого существительного тоже представляет проблему: слово «лес» в единственном числе в большинстве контекстов воспринимается носителями русского языка как неисчисляемое существительное с тем же значением, что и его форма множественного числа «леса». В произведении И. Мунёля [이문열] «두겹의 노래» («Песня для двоих») видим такую строку о разъединении людей: «숲과 숲 사이가 또는 나무와 나무 사이가 점점 멀어져 갔어요. [Рощи отдалялись от рощ (или леса от лесов?), деревья от деревьев]». Таким образом, для перевода корейского слова «숲» в ряде случаев лучше использовать слово «роща», которое, однако, в русском языке имеет несильные романтические, лирические коннотации, ни в каком виде не присутствующие в вышеприведенных оригинальных корейских пассажах.

К сожалению, корейские писатели, в отличие от многих европейских, не стремятся работать вместе с переводчиками над решением вышеупомянутых проблем, считая ценным только свой оригинальный текст. А ведь такая совместная работа могла бы на порядок улучшить качество переводов.

В результате окружным путем приходим к довольно банальному выводу, коммуникация – это путь навстречу друг другу. Вспоминается расхожий афоризм, которым мы, к сожалению, как профессиональные переводчики не имеем ни права, ни возможности руководствоваться: «Если между вами 10 шагов, а ты прошел свои 5 и никого не встретил – разворачивайся и уходи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов И.* «Нобель» по литературе: на кого ставят букмекеры: Кто получит Нобелевскую премию по литературе за 2016 год // *Gazeta*. 11.10.2016. URL: www.gazeta.ru/culture/2016/10/11/a_10241447.shtml
- Бурдье П.* Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // *Новое литературное обозрение*. №45. 2000. С. 22–87. URL: gtmarket.ru/laboratory/expertize/3042
- Вайль П., Генис А.* Родная речь: уроки изящной словесности. М., 1991.
- Григорьев А.* Реализм и идеализм в нашей литературе (По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева) // *Аполлон Григорьев*. Соч.: в 2 т. Т. 2. Статьи. Письма. М. : Художественная литература, 1990. URL: az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0420.shtml
- Литвинова Я.* Нобелевская премия по литературе: история и статистика // *Русская служба Би-би-си*, Лондон. 7.10.2015.
- Masad I.* The vegetarian by Han Kang tells a dangerously defiant story // *The Guardian*. 23.12.2016. URL: www.theguardian.com/books/booksblog/2016/dec/23/the-vegetarian-by-han-kang-tells-a-dangerously-defiant-story
- 강성원 [Кань Соньвон]. 국민 10명 중 7명 “고은 시인 작품 교과서에서 삭제해야 [7 из 10 южных корейцев за «исключение произведений поэта Ко Ына из учебников»] // *미디어 오늘* [Мидио оныль]. 26.02.2018. URL: www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=141467#csidx7430e66c8afa11a86a80128d600ab74

УДК 1(470) (091) + 930.85

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

ПАРАДОКСЫ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА (на примере статьи «Идолы и идеалы»)

Владимир Соловьев – знаковая фигура для XIX и XX вв. В настоящее время продолжается интерпретация его философского, публицистического и поэтического наследия, выявление его роли для отечественной культуры, образования, науки и т. д. При этом учитывается мировоззренческое различие в подходах к интерпретации, связанное с идеологическим контекстом советского времени.

Для того чтобы лучше понять те или иные идеи в творчестве философа, необходимо обратиться к работам его современников, чтобы были раскрыты, с одной стороны, общие векторы эпохи, с другой – важные акценты в понимании идей в контексте эпохи. Владимир Соловьев, будучи в определенном смысле рубежной фигурой, привлекал внимание многих мыслителей своего времени и начала XX в.

Среди его современников и исследователей творчества князь Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский и др. В последнее время продолжается интенсивное изучение биографии и наследия философа: выходят в свет неизвестные до сих пор мемуары, в которых присутствуют наблюдения и размышления об этом мыслителе, публицисте, профессоре.

В. Соловьев в статье «Идолы и идеалы» проводит критический разбор многих явлений своего времени (мессианство и богоизбранность одного народа, свобода совести, вопросы образования, народные школы и др.), включая их осмысление в масштабный контекст истинного и ложного – как вечных понятий в мировой культуре. Это открытый разговор не только со своими собеседниками и оппонентами, мыслителями XIX в., но и с грядущими временами, эти вопросы остаются актуальными и в наше время. Человек XXI в. остро чувствует и переживает умаление истинно человеческого и экспансию псевдокультуры.

Ключевые слова: Владимир Соловьев; христианская культура; парадокс; русская культура.

Perova E. Yu.

Associate professor, Candidate of Culture Studies, Culture Studies Department;
e-mail: eperova71@list.ru

PARADOXES OF VLADIMIR SOLOVYOV (on the example of the article «Idols and ideals»)

Vladimir Solovyev – a significant and even iconic figure for the XIX and XX centuries. At present, the interpretation of his philosophical, journalistic and poetic heritage continues. This takes into account the worldview difference in approaches to interpretation, related to the ideological context of the Soviet era.

In order to better understand some ideas in the work of the philosopher, one must turn to the works of his contemporaries to understand common vectors of that time and important moments in perception of ideas in the context of the epoch. Vladimir Solovyov, being in a certain sense a borderline figure, attracted the attention of many thinkers of his time and the beginning of the twentieth century.

Among his contemporaries and researchers of his work there are E. N. Trubetskoi, N. Lossky, and others. In recent years, an intensive study of his biography and heritage has continued: unknown memoirs observations on this thinker, publicist, and professor appear to this day.

V. Solovyov in the article “Idols and Ideals” conducts a critical analysis of many phenomena of his time (messianism and one certain God’s nation, freedom of conscience, education issues, public schools, etc.), including their comprehension into the scale context of the true and false - as eternal concepts in the world culture. This is an open conversation not only with its interlocutors and opponents, thinkers of the XIX century, but also with the coming generations, these issues remain relevant in our time. Man of the XXI century sharply feels and experiences the depreciation of the truly human and the expansion of pseudo-culture.

Key words: Vladimir Solovyov; Christian culture; paradox; Russian culture.

Введение

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – философ, публицист, поэт и критик – вошел в историю и философию культуры и известен как один из крупнейших идеалистов конца XIX в.

Философское учение Владимира Соловьева, в основе которого лежит идея всеединства, рассматриваемая как сфера абсолютного и божественного, отразила мировоззрение мыслителя-идеалиста и не могла не повлиять на стихи, публицистику, критику.

Дух и традиции московской интеллигентной семьи, духовная близость с отцом, историком С. М. Соловьевым; профессорский кружок, собиравшийся в доме и наследовавший традиции идейных споров 40-х гг.» XIX в.; чуткая реакция на каждое общественное событие; гимназическое увлечение идеями Писарева, Дарвина, Фейербаха, атеизмом, – увлечение столь сильное, что общественные идеалы носят социалистическую, даже

«коммунистическую окраску» [Лосский 1991, с. 93]. Перемена историко-филологического на физико-математический факультет Московского университета, быстрое разочарование в материалистическом «катехизисе» и обращение к христианской религии, защита философской диссертации, – таков путь двадцатилетнего Владимира Соловьева, окончившего «годы учения». Уже в таких диаметрально противоположных переменных можно предугадать будущего философа-парадоксалиста.

Владимир Соловьев и его время

Со второй половины 1880-х гг. В. Соловьев сотрудничал с журналом «Вестник Европы», к этому периоду относится статья «Идолы и идеалы», входящая в сборник «Национальный вопрос в России». Это было тяжелое и сложное время для русского общества: воодушевление сменяется разочарованием, оптимизм – пессимизмом; обостряются морально-нравственные искания, составившие основное содержание эпохи; активная деятельность сменяется созерцанием и размышлениями; наступает период критического осмысления пройденного пути. Как часто бывает в периоды реакции, в обществе появляются стоические настроения с религиозным оттенком, переданные В. Соловьевым:

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, –

Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.
9 июня 1875

Религия и Церковь занимают заметное место в общественно-политической сфере, христианство становится основой для поисков нравственного идеала, иногда предметом полемики; христианские ценности – мерилom добра и зла. Развитие толстовства с принципом «непротивления злу насилием», идеи Ф. М. Достоевского, осуждавшего насилие с позиций христианской этики, которые сильно повлияли на В. Соловьева, – говорят о преобладании в обществе приоритета человеческих ценностей. Переживания этого времени передают слова В. Соловьева: «Современная революция на деле показывает, что она признает правду бессильною. Но поистине правда сильна, а насилия современной революции выдают ее бессилие. Для человека, с человеческой точки зрения, всякое насилие, всякое внешнее воздействие чуждой ему силы, есть бессилие. Такая внешняя сила есть для зверя – сила, а для духовного существа – бессилие, и если человеку не суждено возвратиться в зверское состояние, то революция, основанная на насилии, лишена будущности» [Соловьев 1912, с. 420–421].

В это же время В. Соловьева увлекает идея всеобщего христианского единения и построение идеала «вселенского» христианства, «вселенской теократии», вопрос отмены смертной казни, эстетические и этические нормы поведения общества, проблемы экологии, литературный процесс.

Статья «Идолы и идеалы»

Статья «Идолы и идеалы» написана в 1891 г., одним из основных вопросов, которые раскрываются в ней, становится «крестьянский» вопрос, особенно – один из его аспектов – «взаимоотношения высшего и низшего классов» [Соловьев 1914, с. 366–401]. Автор выделяет две противоположные точки зрения, во многом существенном, однако, сходящиеся между собой: «крепостническую» и «народопоклонническую». Согласно первой, русский народ «(в тесном смысле, т. е. простонародье) обречен на вечное или, по крайней мере, неопределенно продолжительное гражданское, экономическое и культурное несовершеннолетие», и в силу того, что,

оставшись без властного присмотра, он способен только на то, чтобы «спиться и извороваться», он отдается на попечение высшего сословия, всегда остававшегося на высоте своего призвания [Соловьев 1914, с. 369]. Далее следует один из парадоксов: «Заключение совершенно правильно, но основные положения, из которых оно выводится, содержат в себе несколько довольно незамысловатых неправд» [там же]. И далее в тексте парадоксальность сопрягается с ироническим оттенком при описании трех «зол» крепостников. В. Соловьев осуждает «крепостников» с позиций христианства, их грех происходит прежде всего из подмены идолом истинно человеческого идеала – того, что способно «всё в себе совместить и всех объединить собою» [Соловьев 1914, с. 372]. Ведь никакой сословный или национальный интерес не может объединить все сердца. Их вина – вражда ко всему, что не хочет служить их интересам: крестьян, школы, образованного класса, и это сообщает «ретроградной публицистике ... прямо злостный характер» [Соловьев 1914, с. 372].

Более сложный характер приобретает в статье полемика с «народопоклонниками», которые утверждают, что русский народ, несмотря на все свои недостатки, обладает абсолютной правдой, «имеет в себе Христа». Тогда как образованный класс утратил внутреннюю правду жизни, предался ложным интересам и не только не может вести за собою народ, но должен «принять, безусловно, сущность народного мирозерцания, научиться у народа истинным началам жизни» [Соловьев 1914, с. 373]. В целом народопоклоннический взгляд ложен в теоретических основах и далеко не безвреден в своих практических применениях. В. Соловьев выделяет в программе народопоклонников две основные стадии: 1) соединение с простым народом в его непосредственной религиозной вере; 2) уподобление народу в его жизни, подражание его простому быту. И если указание народопоклонников на непосредственность христианства русского народа автор считает справедливым, то допускаемую возможность эту веру перенять, научиться по преднамеренному решению у народа его «детской вере» – неосуществимой. «Или мы находим внутренние всеобщие основания достоверности для учений положительного христианства, независимые ни от каких людей и народов ... и находимся с ним (русским народом) в истинном духовном единстве, и нам нет никакой

надобности смиряться перед ним, подражать ему, учиться у него <...>. Или же ... мы не имеем в себе никаких внутренних и всеобщих оснований для веры в христианское учение и потому хотим взять это учение у народа как внешний готовый факт; в таком случае мы можем усвоить только внешние знаки народной веры – пустые слова» [Соловьев 1914, с. 373–374]. Народопоклонники не хотят перенять народную веру, самим народом ниоткуда не пережитую, и сами эту веру в своем сердце не несут.

В лозунге об уподоблении народу в его жизни В. Соловьев видит подмену идеала, полемизирует с толстовством и его проповедью «опрощения», «простота народного быта, так же как и простота народной веры, не представляет *сама по себе* никакого внутреннего духовного совершенства; самые простые формы жизни и самые глубокие непосредственные верования могут совмещаться и действительно совмещаются не только с умственной, но и с нравственной дикостью» [Соловьев 1914, с. 375]. Такая попытка нарочно и искусственно восстановить эту явно несостоятельную простоту, по словам автора статьи, бесполезной и мелочной и предлагает свой рецепт для решения вопроса.

В последней части работы предложена теория разделения труда в обществе между избранным меньшинством – двигателем культурного прогресса и народными массами, занятыми материальным обеспечением, причем дело не в обособлении классов, а в разделении труда по способностям.

В конце статьи выделяются три перспективы для рассмотрения поставленного в начале вопроса взаимоотношения классов: христианская, социальная и историческая. И три критерия оценки, с которыми автор подходит к позиции своих оппонентов. В заключение сделан парадоксальный вывод: «Итак, оба рассмотренные взгляда – крепостнический и народопоклоннический – при видимой своей противоположности, оказываются одинаково противохристианскими, противонародными и противоисторическими» [Соловьев 1914, с. 384–385].

Завершая статью, автор обобщает поднятые вопросы в пространстве гуманистических воззрений, противопоставляя идол «сословного обособления», «зоологического патриотизма» и «простонародного безразличия» светлomu христианскому идеалу всеобщей солидарности и свободного развития всех живых сил человека» [Соловьев 1914, с. 386, 393].

Такие акценты в анализе данного текста в основном делались в советское время. Вместе с тем В. Соловьев рассматривает понятия, вынесенные в заголовок, и на других примерах, обнаруживая тенденцию превращения «идеала» в «идола». Это происходит, когда религиозные догматы теряют свою живую силу, превращаются в «мертвую букву, оторванную от жизни и философии» [Лосский 1991, с. 107].

Владимир Соловьев глазами современников

Н.О. Лосский в статье, посвященной В. Соловьеву, отмечает как важный факт, что дед философа, «горячо веривший в Бога, был священником, добрым человеком и подлинным христианином. Однажды он подвел восьмилетнего Володю к алтарю и в искренней молитве благословил его на служение Богу» [Лосский 1991, с. 92]. Далее отмечает, что религиозный кризис в тринадцатилетнем возрасте (когда были выброшены в сад иконы, идолами стали материализм и нигилизм, «социализм и даже коммунизм стали его социальными идеалами») [там же, с. 93]. Однако, преодолев «эту упрощенную философию», понял «всю несостоятельность материализма», и заявил, что «неверие в Бога опустошает душу человека»; «человек получает ответ на свои вопросы лишь в христианском учении, твердыня которого существующий Бог, а не абстрактные заключения разума» [там же, с. 93]. Также уточняется волновавший многих вопрос по поводу отхода философа от религиозной традиции, «католики полагали [Моравский 2016, с. 43], что Соловьев отошел от православия и примкнул к римско-католической церкви. В действительности Соловьев никогда не порывал с православием» [Лосский 1991, с. 95]. На нескольких страницах приводится подтверждение этому.

Идеология советского времени представляла скитания и бездомность философа, чьи революционные идеи не могли быть воспринятыми властью иначе, как следствие опалы со стороны неограниченного монархического правительства. Однако князь Е. Н. Трубецкой в серьезном исследовании замечает по этому поводу: «Своим духовным обликом он напоминал тот, созданный бродячей Русью, тип странника, который ищет вышнего Иерусалима, а потому проводит жизнь в хождении по всему необъятному простору земли, чтит и посещает все святыни, но не останавливается

надолго ни в какой здешней обители», добавляя в примечаниях, что это – «не единственный тип в этом роде. Гоголь, как известно, был писателем-странником в религиозном значении этого слова. Странником был и первый русский философ – Г.С.Сковорода» [Трубецкой 1913, с. 33].

Слушатели лекций философа вспоминали: «...профессор рассказывает нам о целях философии, о неустанном стремлении человеческого разума к тому, чтобы выйти за пределы данной действительности, о вечном желании постичь безусловную истину, о взаимоотношениях между психическим и материальным элементом во Вселенной» [Моравский 2016, с. 39]. Действительность есть «живое целое», которое может быть познано только целостным духом, «идея всеединства выступает в философии Соловьева в качестве онтологического принципа» [Моисеенко 2013, с. 82]. «Основным делом жизни Соловьева стало создание христианской православной философии, раскрывающей богатство и жизненную силу основных догматов христианства» [Лосский 1991, с. 107]. При этом некоторые исследователи отмечают, что широкий резонанс те же философские идеи получают через словесное творчество: «Хотя Соловьев по праву считается значительным русским религиозным философом XIX в., но более широкую известность в мире в качестве представителей русской религиозной мысли получили не философы, а романисты – Ф. Достоевский и Л. Толстой» [Налдониова 2013, с. 36].

Заключение

В. Соловьев был современником и свидетелем появления и обсуждения идей почвенничества. Идеи, которые развивал философ в отношении социального неравенства, были достаточно ярко раскрыты и в трудах К. Н. Леонтьева. В. Соловьев в чем-то предвосхитил коммунистические идеи, идущие с Запада в Россию, подготовившие сто лет назад начало трагической истории. В. Соловьев отразил и трагедию своего времени: мятежность, душевное беспокойство, непонимание чистоты Святой Руси, которая скрылась до времени от любопытных глаз, подобно граду Китежу (неслучайно позже эта тема не раз звучала в размышлениях отечественных мыслителей).

В. Соловьев в статье проводит критический разбор многих явлений своего времени (мессианство и богоизбранность одного народа, свобода совести, вопросы образования, народные школы и др.), включая их осмысление в масштабный контекст истинного и ложного – как вечных понятий в мировой культуре. Это открытый разговор не только со своими собеседниками и оппонентами, мыслителями XIX в., но и с грядущими временами, эти вопросы остаются актуальными и в наше время. Человек XXI в. остро чувствует и переживает умаление истинно человеческого и экспансию псевдокультуры.

В научной и философской мысли часто присутствуют парадоксы (известно, что специфика рассуждений и А. С. Хомякова, о котором часто упоминал Владимир Соловьев в своих работах, была такова, что сначала что-то утверждалось, а потом могло быть опровергнуто), это становится залогом дальнейшего созидательного движения и развития культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лосский Н. О.* История русской философии / пер. с англ. М. : Советский писатель, 1991. 480 с.
- Моисеенко Г. В.* Философия положительного всеединства Вл. Соловьева // Очерки истории русской философии: сб. ст. / под общ. ред. проф. И. З. Шишкова). М. : РНИМУ, 2013. С. 77–99.
- Моравский М.* Владимир Соловьев / пер. и прим. Т. Оболевич // Мысль. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. С. 38–78.
- Налдониова Л.* Петербургский период творчества Вл. Соловьева // Мысль. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. С. 31–37.
- Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 3. СПб, 1912. 480 с.
- Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 5. СПб, 1914. 485 с.
- Трубецкой Е.* Миросозерцание В. Соловьева. Т. 1. М., 1913. 631 с.

УДК 30 +316.7

В. М. Соловьев

доктор исторических наук; профессор кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук, МГЛУ; e-mail: v-soloviev@mail.ru

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ С. М. СОЛОВЬЕВА

В культурфилософии крупнейшего русского историка С. М. Соловьева вопросы истории русской культуры занимают видное место. Человек широкого кругозора и эрудиции, ученый был компетентен далеко не только в отечественной истории и культуре, но в силу главной специализации отдавал предпочтение именно русскому материалу. Его основной научный интерес направлен на прошлое и настоящее России с древнейших времен до современной ему действительности, и обширный культурный блок – непреходящая составляющая не только «Истории России», но и многих других его трудов.

Автор статьи обращается к освещению русской культуры в научном наследии С. М. Соловьева и показывает, сколь интересно, продуктивно и многообещающе дальнейшее исследование указанного контента в аспекте теории и истории мировой и отечественной культуры.

Философия истории, философия и социология культуры ученого, равно как и история и культура не разделены и выступают как единое целое. При этом в его сочинениях преобладает не анатомическая, а физиологическая линия изучения предмета. Согласно методологическому кредо историка, понимание физиологии культуры открывает возможность постижения исторического процесса во всей его сложности и живом многообразии.

Исследователь-практик, Соловьев неизменно заявлял о себе как мощный мыслитель, умеющий оптимально совместить абстрактное и конкретное, и не только уложить большой и разноплановый массив событий, явлений, фактов в определенные теоретические рамки, но и структурировать его в продуманную и развернутую систему, осмыслить как сложный и динамичный объект социального познания. Эта сторона научной работы ученого лишь обозначена в статье, однако перспективность ее дальнейшего глубокого и масштабного изучения не вызывает сомнения.

Теоретические наработки С. М. Соловьева, направленные на исследование культуры, в приложении к беспрецедентно обширному фактическому материалу служат как апробированным, так и остро актуальным *modus operandi* не только для историков, но и для гуманитариев любых специальностей.

Ключевые слова: культура; философия культуры; социология культуры; историософия; социокультурная реальность; цивилизационный подход; теория и история культуры; системный анализ; синтез истории и культуры; коммуникативное поле; объект социального познания.

Soloviev V. M.

Doctor of historical sciences (Dr.habil), Professor, Department of World Culture, Faculty of the Humanities, MSLU e-mail: v-soloviev@mail.ru

THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF S. M. SOLOVYOV

In the philosophy of culture of the largest Russian historian S. M. Soloviev the questions of the history of Russian culture occupy a prominent place. Being a broad-minded person and a person of high erudition the scientist was competent in various spheres besides the sphere of domestic history and culture, but due to his main specialization in the line of investigation the scientist preferred working with Russian research material. His principal scientific interest was directed to the past and the present of Russia from ancient times to his present-day reality and to an extensive cultural bloc which was an indispensable component not only of the "History of Russia", but of many of his other works.

The author of the article refers to the coverage of Russian culture in the scientific heritage of S. M. Soloviev and shows how compelling, productive and promising the further study of the given content in the aspect of the theory and history of world and national culture is.

The philosophy of history, the philosophy of culture, the sociology of the culture of the scientist, as well as history and culture are not divided and act as one whole. At the same time, in his writings the physiological line of investigation predominates over the anatomical line. According to the historian's methodological creed, the understanding of the physiology of culture opens the possibility of comprehension of the historical process in all its complexity and lively diversity.

Being a researcher-practitioner Soloviev immutably declared himself as a powerful thinker who could optimally combine abstract and concrete. He contrived not only to put in a large and diverse array of events, phenomena, facts in certain theoretical frameworks, but also to structure it into a well-thought-out and developed system and to comprehend it as a complex and dynamic object of social cognition. This aspect of the scholar's scientific work is only indicated in the article, but the promising outlook of its further profound and large-scale study is beyond doubt.

The theoretical findings of S. M. Soloviev aimed at the culture research in application to unprecedentedly extensive factual material serve as a proven and topical *modus operandi* not only for historians, but also for the humanists of any specialties.

Key words: culture, philosophy of culture, sociology of culture, historiosophy, socio-cultural reality, civilizational approach, theory and history of culture, system analysis, synthesis of history and culture, communicative field, object of social cognition.

Введение

Реконструкция социокультурной реальности у С. М. Соловьева свободна от аппроксимации – замены исходных объектов другими, близкими, но более простыми, и вообще исключает всякую

произвольность и всецело является результатом добротной источниковедческой и текстологической экспертизы. Условно Соловьев вполне допустимо назвать культурологом хотя бы потому, что отношение автора к культурному материалу настолько серьезно, предметно, выверено, лишено приблизительности и неопределенности, что качественно отличает его от иных современных квазиисследователей с их надуманными темами и проблемами. В то же время культура для ученого – коммуникационное поле, открытое для приложения сил специалистов разного и не только гуманитарного профиля: социологов, философов, психологов, антропологов, географов, и он, будучи историком, не идет трафаретным путем коммуляции – непрерывного накопления всё новых и новых научных истин в рамках одной дисциплины, а прибегает к реальной интеграции – использованию понятий, теорий и методов одной науки в смежных науках и системному анализу, что позволяет ему с единых позиций рассматривать явления и факты истории и культуры в их взаимосвязи и целостности. Подходя к истории и культуре как к единой системе, Соловьев выделяет в ней отдельные элементы и определяет ее общую структуру. Вместе с тем он фокусирует внимание на переплетении культуры и истории и культуры и общества в сложное социально-культурное образование, в котором соотносятся, пересекаются и скрещиваются субстанциональные и функциональные элементы, составляющие и наполняющие сам исторический процесс.

В основе цивилизационного подхода лежит принцип органичности, согласно которому цивилизация рассматривается как организм, связанный с окружающей средой посредством обмена энергией. С позиций цивилизационного подхода культура рождается, растет, переживает расцвет, стареет и неизбежно гибнет.

Культура как универсум

Концептуальное представление С. М. Соловьева о культуре как универсуме – совокупности объектов и явлений и объективной реальности в пространстве и во времени складывается по мере формирования его исследовательского опыта и мастерства научного познания. В философско-исторической конструкции историка преобладает цивилизационный подход, и он в большей степени, чем последовавший за ним Н. Я. Данилевский заслуживает именоваться

пионером этого метода исследования состояния и развития общества. Однако Соловьеву не свойственно выпячивать общие понятия и приписывать им качества самостоятельной онтологической реальности. Он принимает лишь те факты, события, признаки, показатели, которые объединяют частное в общее и выстраиваются в систему. Для него первостепенны единичные вещи (обычаи, способы хозяйствования, идеи и т. п.), и он готов поднять их до уровня общечеловеческой проблемы лишь при условии широкого и параллельного присутствия им подобных (аналогов) в социокультурной среде общества, в его духовной культуре, религии и нравах. «Исследовательская программа Соловьева, – справедливо считает А. Н. Ерыгин, – требует прежде всего различения объективного (выделение посредством наблюдений реальных «явлений» исторической жизни народов и цивилизаций, их описание и характеристика, сравнительный анализ и обобщения на его основе) и событийно-аксиологического аспектов общественного развития, а также различения факторов, определяющих становление исторических индивидуальностей (народов, обществ, цивилизаций), и тех условий, которые влияли на ход развития уже в процессе сложившейся и оформившейся исторической жизни» [Ерыгин 2007, с. 521].

Включение всего того, что связано с культурой, в непрерывную цепь взаимной обусловленности фактов, событий, явлений, согласуется с излюбленной теорией С. М. Соловьева – идеей органического развития. Эта теория зачастую ставится ему в упрек как малооригинальная вариация позитивизма [Цимбаев 1996, с. 739], но, в сущности, именно от нее отталкивался ученый в своем критическом противостоянии известной триаде Г. Гегеля (первоначальная, рефлексивная, философская история) принципа историзма. Приверженец диалектического взгляда на единство исторического процесса, его внутреннюю обусловленность и детерминированность закономерным развитием, Соловьев отстаивал единые, общие для всех народов законы исторической жизни, распространяя их и на культуру. В этом смысле он настаивал на тождестве и единстве исторического развития России и Западной Европы и выражал сожаление из-за засилья славянофильских толков «о различии наших и западных общественных отношений» [Соловьев 1983, с. 199].

Культура в современном комплексном понимании этого термина составляла для Соловьева неотторжимую часть живой ткани

исторического процесса во всем его многообразии и конкретности: «...с течением времени наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим [Соловьев 1988, с. 635]. Иначе говоря, историк переносит акцент со строения тела, т. е. в данном случае человеческого общества, на функционирование его органов и всего организма. Определение «физиология культуры» отсутствует в словаре С. М. Соловьева, но поскольку чисто технически он его употребил, характеризуя культурологическое наследие историка, представляется возможным использовать эту формулировку.

Какой же смысл вкладывает историк, противопоставляя физиологическое понимание истории и культуры анатомическому? Прежде всего он руководствуется принципом историзма и строго соотносит обычаи и традиции народа с возрастом и условиями его жизни. При этом культура – важнейшее слагаемое, которое неизменно учитывает историк, реконструируя строй жизни и дух народа. В концепции Соловьева роль и место культуры меняются параллельно с двумя этапами исторического развития: эволюцией от периода господства чувства к периоду приоритета мысли [Соловьев 1996, с. 104–105].

Государство и человек

Важнейшей культурообразующей силой выступает у С. М. Соловьева само государство, креативные ресурсы которого историк обозначает с помощью целой шкалы значимых ценностей и величин. Благодаря государству, пишет он, – «усиливается стремление к единству, усиливаются средства того начала, которое блюдет за соединением частей для достижения общей цели, блюдет за соединением мира и согласия между частями, за общественной безопасностью, начала правительственного. Как скоро водворяется мир, является сила закона, дающего покровительство каждому и везде...». Государство, по Соловьеву, придает культуре новое качество: «Наступила великая эпоха, в которую выработывалось начало единения: человек освобождался из тесных замкнутых союзов и становился членом государства, определялись непосредственные

отношения каждого человека к государству; отсюда естественным необходимым путем вырабатывалась идея человечества» [Соловьев 1983, с. 187]. В современной научной литературе пока не лидирует точка зрения, что государство – аксиологически неотъемлемая часть русской культуры. Но, вне всякого сомнения, эта позиция будет находить все больше сторонников, ибо государству принадлежит важнейшая культуротворческая функция, его роль в развитии, культуры генерирована, заложена и «вплетена» в сложившуюся картину мира диахронно-синхронно со строительством государственности. И в Древней, и в Московской Руси, и в период Российской империи, и в советскую эпоху, и сейчас государство – безусловный демиург культуры. «Государство не только вписывается в систему наших национальных приоритетов и ценностей, но представляет собой существенный ... компонент, способ выражения русской культуры, позволяющий ее идентифицировать» [Соловьев 2015, с. 117–118].

Не менее значимы для ученого человек, история его мыслей, поступков, побуждений, социального поведения, откровений, душевных ран и внутренних борений, а в более крупном плане – история народа и вскормившей его земли. Соловьеву претит «копаться в отхожих местах природы человеческой», и стремление этим заниматься он находит отвратительным и мелким и негодует, что есть охотники и любители толковать людей в дурную сторону [Соловьев 1983, с. 320].

С неизменным пиететом относясь к разуму человека, не уставал повторять, что интеллект не беспределен, а ум линеен, и сила мысли рано или поздно пасует перед вызовами бытия. Мир духа с его откровениями приоткрывает, как был убежден ученый, недоступные науке уровни сознания. Речь идет о мировоззренческих принципах, лежащих в основе существования цивилизации, и ключевой из них – ценности христианства. По Соловьеву, разум не помеха признанию бытия Бога и бессмертия души. «...разве, – задается он вопросом ... разум дал ... средства изучить... мир, который мы называем духовным?» И сам же на собственном опыте очерчивает границы рационализации сущего: «Я знаю то, что совершенно ясно понимаю, – пишет он, – чем мой разум овладел вполне естественными средствами; я верю тому, чего понять не могу, для обладания чем средства моего разума несостоятельны.

Все, что подлежит моим чувствам, все, что существует материально, подчиняется общим законам бытия, – все это я могу знать. Но для мыслящего существа есть необходимость признавать разумную причину причин, высшее существо, есть необходимость в самом себе признавать то, что не подлежит уничтожению, что должно существовать и по разрушении видимого организма; таким образом есть необходимость признавать существование особого мира, который мы называем духовным» [Соловьев 1995, с. 676–677, 678].

Синтез истории и культуры

Дистанцируясь от славянофилов, Соловьев уверенно связывает исторический путь России при всех его особенностях и самобытности с западноевропейской цивилизацией, причем не усматривает в такой ориентации слепого копирования: «Здесь дело не в подражании: дело в том, что волею-неволею мы вошли в семью европейских народов, живем общею с ними жизнью» [Соловьев 1983, с. 215]. И русскую культуру, начиная с корневой стадии (культурогенез), Соловьев безоговорочно относит по своей природе и типу к европейской, а древних предков русских – к арийским народам, обладающим ведущими признаками (подвижность и активность) принадлежности к западным обществам-цивилизациям. Поэтому прошлое, настоящее и будущее России историк однозначно считает логичным самоидентифицировать в русле европейской социокультурной традиции.

Критик линейной теории прогресса, Соловьев без иллюзий смотрел в будущее, и его футурологический прогноз скорее эсхатологичен, чем оптимистичен: «История показывает нам, что все органическое, к которому принадлежат народы и целое человечество, проходит одинаково чрез известные видоизменения бытия, родится, растет, дряхлеет, умирает» [Соловьев 1995, с. 680]. С точки зрения Соловьева, на культуру внутри истории распространяются те же закономерности, что на весь исторический процесс: неуклонно и спонтанно она движется по своей траектории, и при этом прежнее уживается с нарождающимся: «В истории, – пишет он, – ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается» [Соловьев 1988, с. 635]. Согласно теории органического развития, которую разделяет историк, культура и цивилизация – части одного живого

организма, связанные с окружающей средой посредством обмена энергией. Как и всё в природе, этот организм конечен. Стало быть, культура рождается, растет, проходит кульминацию и постепенно сворачивается, отцветает, стареет и неизбежно гибнет, чему мировая история дает множество подтверждающих примеров. «Мы не имеем права придумывать особые законы развития народов, – считает историк, – кроме известных законов развития ... всего органического» [Соловьев 1996, с. 107]. По свидетельству сына историка философа В. С. Соловьева, постулат, что человечество в своих настоящих условиях на обитаемой им планете должно одрахлаеть и умереть, был любимой мыслью отца [Цимбаев 1996, с. 737]. В широком смысле культура в понимании С. М. Соловьева – это сотворенная природа, «собственно исторические условия, при которых народ начинает и продолжает свое бытие» [Соловьев 1996, с. 103].

Ученый не обособляет культурную проблематику ни в главном своем труде – 29-томной «Истории России», ни в других сочинениях. Его установка – обеспечить при изложении единство и связь исторического процесса. Культура «встроена» в повествование автора и не выделена специально, хотя мелкая опорная рубрикация в качестве аннотации к главам для облегчения поиска нужной фактуры автором широко практикуется. Так, в краткой справке, дающей представление о содержании 3-й главы I тома «Истории России», Соловьев целенаправленно помещает «культурный блок» из следующих пунктов: «Города. – Нравы и обычаи. – Гостеприимство. – Обращение с пленными. – Брак. – Погребения. – Жилища» и т. д. Точно так же главу 8-ю предваряет перечень, где уделено внимание занятиям жителей, состоянию религии и церкви, грамотности, песням. Подобный «навигатор» сопровождает и прочие разделы каждой книги. Устройство и внутренняя жизнь восточнославянских племен, политическая и военная организация древнерусских княжеств или пути сообщения Москвы с другими городами освещаются историком во всей многогранности чисто культурной проблематики.

Соловьев различал и идентифицировал культуру в разных сферах, формах, проявлениях и обличиях: в ратном служении Отечеству и повседневном труде землепашца, в законе и нравственности, в ремесле и торговле, градостроительстве и инженерии,

в литературе и искусстве, науке и технике, усилиях ревнителей крепкой государственности и богоугодных делах православных пастырей, в бытовом укладе и религиозных насаждениях и заповедях, в устном народном творчестве и укоренившихся обрядах, нравах, приметах, в государственных установлениях и старинном самоуправлении, в необъятной духовной жизни людей разных сословий и званий и беспокойных исканиях пытливей русской мысли. В вынесенный автором культурный ряд, как правило, встроены вопросы источниковедения и текстологии, затрагивающие различия между художественной и бытовой манерами письма, степень литературности того или иного произведения, уточняется его атрибуция, датировка, даются комментарии и т. п.

Абстрактное и конкретно оптимально согласовывалось в научной работе Соловьева и укладывалось в развернутую систему, в которой ведущее место принадлежало народу, государству и личности. В «История России» и ряде других трудов («Исторические письма», «Начала русской земли», «Наблюдения над исторической жизнью народов», «Прогресс и религия», «Публичных чтениях о Петре Великом» и др.) ученый неоднократно возвращается к мысли о том, что история и культура представляют собой единый общественный организм. «Чем развитее организм, – отмечает Соловьев, – тем развитее его члены, органы, тем в более тесной связи находятся они друг с другом, тем менее для них возможности одиночного существования» [Соловьев 1983, с. 181]. Синтез истории и культуры для Соловьева очевиден. Он противник мельчения, парцелляции и членоразделения рассматриваемых событий и явлений: «Не делить, не дробить русскую историю ... следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка», – пишет Соловьев [Соловьев 1988, с. 51]. Для него история – наука народного самопознания, формирования и воспитания национального характера под воздействием внутренней и внешней жизни. Культурой ученый замеряет высоту и уровень национального духа, и потому контент его трудов неизменно содержит впечатляющее культурное многообразие. Это семейная нравственность и состояние

нравственности вообще, религия и вера, нормы законодательства, сведения о ремеслах, торговле, промышленности, подробности домашнего быта князей, великих государей и простого люда, анализ летописей, памятников литературы и общественной мысли, достижений науки и просвещения. В результате русская культурная жизнь от древности до второй половины XIX в. получила у Соловьева освещение в достаточно равной степени и на разных уровнях. В концептуальном отношении наиболее важные рассуждения и размышления о культуре сосредоточены в статьях «Наблюдения над исторической жизнью народов» и «Прогресс и религия», опубликованных примерно в одно и то же время (1868).

Культурологический пласт в работах историка невероятно велик. Представленный С. М. Соловьевым культурный материал – это колоссальный массив информации, извлеченной из огромного свода источников. Ученый был первоклассным архивистом, знатоком фондов всех основных архивохранилищ. Он проштудировал тысячи законодательных памятников и актовых материалов, начиная от судебников и государственных грамот и договоров и заканчивая официальными документами своего времени. Часто опирался Соловьев на археологические находки, и вещественные источники занимают в его исходных материалах не менее важное место, чем документальные и нарративные (летописи, хронографы, повести и сказания).

Заключение

Само по себе творческое наследие С. М. Соловьева – уникальное явление русской культуры, но ученым также внесен реальный вклад в философию и социологию культуры и в теорию и историю мировой и отечественной культуры. Он рассказал, как «куются памятники народной жизни, как «работает» и функционирует культура. В сложном синтезе общественного бытия история и культура – величины часто слитные и равнозначные и выступают у Соловьева как сообщающиеся сосуды и в общем одно целое: ресурсы истории точно так же развернуты в культуре, как ресурсы культуры – в истории.

Не культура для Соловьева – универсум и коммуникационное поле, и он исследует это историческое образование в русле цивилизационного подхода, не нарушая пространственно-временные

рамки и с учетом характерного отношения человека в тот или иной период к миру: природе, обществу, человеку и бытию как таковому.

Мыслитель-диалектик Соловьев рельефно обозначил роль и место в культуре государства, причем показал, как в России культурный алгоритм, который условно можно назвать этатическим, отчетливо проявил себя на протяжении всей ее истории.

Нет сомнения, что исследователей, которые продолжают изыскания в этом направлении, ждут драгоценные залежи интересного и в высшей степени актуального материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ерыгин А. Н.* Соловьев Сергей Михайлович // Русская философия: Энциклопедия / под общ ред. М. А. Маслина ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М. : Алгоритм, 2007. 736 с.
- Соловьев В. М.* Код русской культуры: опыт истолкования проблемы самоидентификации // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 11 (6), 2015. М.–СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 115–123.
- Соловьев С. М.* Исторические письма // Избр. тр. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 440 с.
- Соловьев С. М.* История России. Кн. II. Т. 3–4 // Соч.: в 18 т. / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1988. 765 с.
- Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Избр. тр. Записки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 229–350.
- Соловьев С. М.* Наблюдения над исторической жизнью народов // Соч.: в 18 кн. Кн. XVII. Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1996. 766 с.
- Соловьев С. М.* Прогресс и религия // Соч.: в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1995. 733 с.
- Цимбаев Н. И.* Комментарии к семнадцатой книге «Сочинений» С. М. Соловьева // Соловьев С. М. Соч.: в 18 кн. Кн. XVII. Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1996. 766 с.

УДК 73.03

В. А. Тёмкин

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук МГЛУ; e-mail: vitem222@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТРАКТОВКЕ ОБРАЗА СПАСИТЕЛЯ В РОМАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются основные типы изображения Спасителя в христианском искусстве вообще и в романском стиле, в частности. В христианском искусстве, начиная с эпохи Раннего Средневековья, наметились три доминирующих типа изображения Иисуса Христа – в образе Доброго Пастыря, апокалиптического Бога Страшного суда и благословляющего человечество Бога милующего. В зависимости от исторической ситуации в изобразительном искусстве один из типов занимал центральное место. В раннехристианском искусстве ведущим типом изображения был Добрый Пастор, а ближе к 1000 г. в связи с ожиданием конца света и Страшного суда Христос всё чаще изображается в своем апокалиптическом образе. Композиция на тему Страшного суда занимает поле тимпана главного портала романских церквей.

В статье анализируются примеры из французской скульптуры, которые показывают, что господствующий тип Бога карающего в XII в. сопутствует сюжетам, обнаруживающим человечность Христа. В тимпанах порталов ряда церквей юга Франции и Бургундии (Конк, Муассак, Больё-сюр-Дордонь, Арль, Семюр-ан-Брионнэ и др.) образ Христа приближается к типу благословляющего Бога и ведет к зарождению гуманистических тенденций в средневековом искусстве.

Ключевые слова: романский стиль; скульптура Франции; образ Спасителя; человечность.

Тюткин В. А.

Ph. D. Ass. Prof. at the Department of World Culture of the Faculty of Humanities, MSLU; e-mail: vitem222@mail.ru

MAIN TENDENCIES IN INTERPRETATION OF THE IMAGE OF SAVIOUR IN FRENCH ROMANESQUE SCULPTURE

The article treats the main types of representation of the Saviour in Christian art in general and in the Romanesque style in particular. Beginning with the early Middle Ages we can find in the Christian art three main types of representation of Jesus Christ – as a Good Pastor, as a Judge of Doomsday and finally as a blessing God of mercy. In the paleochristian art the leading type was the Good Pastor, but closer to the year 1000 with its eschatological expectations Jesus Christ is more often represented in His apocalyptic image. The composition of the Doomsday appears in the tympanums of Romanesque churches.

The examples from the French Romanesque sculpture analyzed in the present article show that the dominating type of Christ Judge is often accompanied with the scenes revealing the humanity of the Saviour. In the tympanums of the well known churches in the South of France and in Burgundy (such as Conques, Moissac, Beaulieu-sur-Dordogne, Arles, Semur-en-Brionnais and some others) the image of Jesus Christ approaches the type of the blessing God and thus forms the early humanist tendency in Medieval art.

Key words: Romanesque style, French sculpture, image of Saviour, humanity.

Будучи главным действующим лицом Евангелий, Святого Предания и апокрифических текстов, Иисус Христос закономерно стал и основным персонажем сюжетов, воплощенных средствами изобразительного и пластического видов искусства средневековой Европы. Как известно, Его изображения встречаются в раннехристианских катакомбах, позднее – на саркофагах, еще позже – в мозаиках и на фресковых росписях, а также на иконах. В данной статье мы остановимся на скульптурных изображениях Христа, созданных во Франции в романскую эпоху.

В 1-ом тысячелетии, в полном соответствии с каноническим текстовым материалом, постепенно сформировалась типология и выделилось три основных образа Спасителя: это Добрый пастырь, или Бог милующий; грозный Господь, или Бог карающий; и страдающий Бог, испытывающий страстные муки. В различные эпохи тот или иной типологический образ преобладал в зависимости от того, какую доминанту верующие, прежде всего монахи, заказывавшие скульпторам изображения, считали необходимой выделить и запечатлеть. Общеизвестно, что в первые христианские века наиболее популярен был образ Доброго пастыря. Ближе к 1000 г., на который, по предположениям монашества и священства, должно было прийти Второе Пришествие, приоритет закрепился за образом карающего Бога. Наконец, изображения Страстей Христовых, безусловно, заняли лидирующую позицию в эпоху поздней готики и Ренессанса.

Существует версия, что первые изображения Христа были выполнены по портретным источникам, созданным еще при Его жизни. Вне зависимости от того, насколько современные ученые уверены в подлинности этих документальных свидетельств как современных Спасителю, мы должны иметь в виду, что начиная с IV–V вв. в то, что они были созданы Им Самим, при Его участии

или, во всяком случае, во дни Его земной жизни («acheiropoietes») или нерукотворные плат Авгаря и плат Вероники; статуя, описанная у Евсевия Памфила; письменное свидетельство Публия Лентула) верили все, кто руководил созданием более поздних Его изображений [Майкапар 1998]. В наибольшей степени соответствует этим описаниям икона с изображением Христа Пантократора из Синайского монастыря святой Екатерины, выполненная в VI в. Черты Спасителя, запечатленные на этой иконе, составили иконографический канон Его изображений. Однако это мало помогало скульпторам романской эпохи, которые в силу оторванности от античной традиции, утраты ряда профессиональных технологий и других подобных причин не могли выполнить скульптуру, в том или ином смысле соотносимую с реалистическим методом.

Добрый Пастырь изображался в облике юноши, карающий Бог – зрелого мужа. Чем ближе оказывалось предполагаемое Второе пришествие, тем чаще христианская иконография Спасителя пополнялась образами второго типа. Взгляд Его грозен, Он грядет судить, а не миловать. Интересно, что на упомянутой выше древнейшей иконе Христа Пантократора из Синайского монастыря, исполненной с удивительным реалистическим мастерством, асимметрия божественного Лица, выделяющая человеческую природу Второго Лица Троицы (асимметрия характерна для всех человеческих лиц), помогает выявить двойную природу Сына Давидова – и милосердного, и грозного.

Соответственно менялся и выбор сюжетов. Если в первом тысячелетии это были истории, подчеркивавшие человеколюбие Христа, то ближе к началу второго тысячелетия их сменили сцены Страстей, т. е. тех мук, которые Спаситель вытерпел за человечество, не пожелавшее отказаться от греха и по этой причине подлежащее суровому наказанию. Мотивы гнева Господня становятся всё более популярными и востребованными как монастырскими заказчиками, так и знатью и даже беднейшей паствой [Тяжелов б/д, с. 23].

Если опираться на историю искусства, то можно без труда увидеть, что в готическом искусстве произошел синтез мотивов милосердия и кары, и страдающий Христос, тем не менее, предстал перед верующими как исполненный прощения, доброты и любви. Такое положение дел сохранялось и в эпоху Ренессанса.

Между тем и в романские столетия оставалась некоторая область, где раннехристианский образ милосердного Спасителя продолжал быть основным, в исторической перспективе связывая раннехристианскую эпоху с готикой, а затем и с Возрождением. Это романская храмовая скульптура. Рельефы, украшающие внешний вид и интерьеры соборов (в подавляющем большинстве случаев это еще не круглая скульптура), конкретнее – тимпаны, капители колонн и др., стали своего рода передаточным звеном, осуществившем механизм преемственности от одной культуры к другой, от старой системы ценностей с ее семиозисом к следующей по временной оси.

Интерпретация романской скульптуры крайне затруднена для нас, поскольку мировоззрение человека Средневековья мы можем представить себе лишь с большой долей условности. Порой объяснения значения одного и того же объекта у разных ученых сильно разнятся. Наглядным примером могут стать две попытки прочтения одного и того же произведения, а именно – тимпана церкви Сент-Фуа в Конке (илл. 1).

Илл. 1. Церковь Сент-Фуа. Конк. Середина XII в. Тимпан портала

Ж. Дюби пишет о нем: «Монастырская проповедь использовала страх перед Судом. Ее главное содержание воспроизведено в скульптурных изображениях, выполненных в начале XII в. в наиболее

богатых аббатствах и украшавших порталы базилик. На них обычно изображен Всевышний в роли Судии, отделяющий широким, диагональным, неумолимым движением рук, как это можно увидеть на тимпане церкви в Конке, избранных, к которым поднята Его правая рука, от прочих – левая Его рука опущена, она несет наказание и навсегда отделяет зерна от плевел, которые в этом мире пока еще безнадежно перемешаны» [Дюби 1994, с. 59].

Однако тот же самый тимпан в Конке может быть прочитан совершенно по-другому, что и составляет суть концепции П. Сегюре [Тёмкин 2015, с. 173–178]. С точки зрения Сегюре, основная тема тимпана – парусия, т. е. второе пришествие Христа, что выражено жестом сидящего на троне Спасителя: правая рука поднята к небу (символическое напоминание о божественной природе Христа), левая опущена вниз (символ человеческой природы). Христос судит, как судил в свое время римский император во время триумфа, это Владыка, приветствующий Свой народ. Не случайно вокруг него расположены различные атрибуты победы. Он восседает на троне, окруженный звездами, освещенный солнцем нового мира, а сам трон украшен пальмами и цветами. Над Христом видны трофеи, которые он отнял у врага – это орудия Страстей, т. е. копье, гвозди и крест. Его сопровождают ангелы. Один из них вооружен мечом и щитом – это символ противостояния силам зла. Другой несет хоругвь. Третий – Книгу жизни, четвертый – кадило с благовониями. У ног Христа два ангела несут свечи, освещающие мир, над ним двое других разворачивают свитки с евангельскими текстами. В целом мотив Его Славы выражен не столько в наказании грешников, сколько в торжестве Его учения.

Разница в интерпретациях не должна заслонять от нас главного, а именно того, что романская скульптура несла в себе пафос человечности в той же, если не в большей мере, чем пафос осуждения. Об этом свидетельствуют, например, романские изображения Христа во Славе. В церкви святого Илария в Семюр-ан-Брионнэ (Бургундия) на тимпане портала (илл. 2) изображен благословляющий Христос, причем это зрелый муж с бородой, а не нежный юноша, еще не знающий зла. Спаситель окружен символами евангелистов и ангелами, и это можно воспринимать как знак повсеместного распространения Его Слова, а не как напоминание о Страшном Суде. Та же ситуация – и на другом бургундском тимпане XII в. (см. илл. 3).

*Илл. 2. Церковь святого Илария. Семюр-ан-Брионнэ.
Середина XII в. Тимпан портала*

Илл. 3. Церковь Сен-Жюльен-де-Жонзи. Сер. XII в. Тимпан портала

В обоих случаях Иисус показан в мандорле, являвшейся, как известно, символическим изображением облака, т. е. тематически тимпаны связаны со Страшным Судом и Вторым пришествием [Лидов 2015, с. 134]. Мандорлу поддерживают ангелы, однако свитков у них нет, а значит, это скорее Слава, чем суд. Здесь нет низвергаемых грешников или каких-либо других мотивов, однозначно указывающих на неизбежность кары.

Подобным образом интерпретирует романскую скульптуру Уве Гиз, говоря о декоре церкви аббатства Сен-Пьер в Муассаке (1120–1135): «В центре восседает Христос – величественный, недосягаемый, вознесшийся над человечеством, само воплощение Небесного порядка. Его окружают символы четырех евангелистов, а за ними стоят два ангела со свитками. Это единственное напоминание о Страшном суде. Остальное пространство занимают двадцать четыре старца» [Гиз 2001, с. 259]. Далее исследователь отметил символику ада и Апокалипсиса, присутствующую в резьбе тимпана, однако она дана ниже ряда со старцами и без буквальных подробностей, присутствуя, скорее, как идея, а не как конкретное обещание вечных мук за совершенные прегрешения.

Между прочим, первым на человечность романской скульптуры обратил внимание всё тот же Жорж Дюби. Его рассуждения тем ценнее, что он, по мере возможности, опирался на собственную реконструкцию средневекового мышления и представлений о мире в свете разнообразных факторов, формировавших это мышление. Дюби писал: «Искусство, то самое великое искусство ... выросло из феодального угнетения и коленопреклонения народа перед темными силами, вызывавшими голод, эпидемии, нашествия; силами, которые нужно умиловать дарами, все более увеличивая богатство монахов – вернейших слуг доброго Бога. Между тем монахи также чувствовали потребность дарить. Но что? Произведения искусства. Все монастырское искусство и есть приношение. Это безотчетный дар Господу, от Которого ожидают взаимный ответный дар. Монастырское искусство – это призыв к миру, исходящий из тысячи аббатств. Между 980 и 1130 годами христиане Запада по-прежнему были простерты перед Богом, лик Которого им представлялся ужасным. Однако они уже вышли из дикого состояния. Их производство выросло. И они жертвуют значительную часть этих вновь произведенных богатств. Они желают,

чтобы эти богатства были освящены. И вот их мечта воплощается в произведения, которые мы еще можем созерцать, но уже плохо понимаем. В этот короткий период возникло самое высокое и, весьма возможно, единственное подлинно религиозное искусство в Европе» [Дюби 1994, с. 64–65]. Обратим внимание, что здесь идеи доброты и наказания переплетены настолько тесно, что выглядят неразличимыми.

И далее: заказчики-монахи и исполнители-скульпторы «поняли, что тот же самый Бог, кажущийся столь далеким, когда о нем говорит Апокалипсис, когда-то жил подобно каждому из нас, подобно Лазарю, подобно Магдалине, подобно своим друзьям; что Всевышний, изображенный в апсидах восседающим на троне, прежде чем победить смерть, был осмеянным Учителем, преданным своим учеником в руки врагов. И вот уже во фресках, украшающих монастырь Вика, в результате легкого изменения выражения глаз божественная сущность уступает первый план сущности человеческой. Несомненно, тенденция, вышедшая из монастырской традиции и доминирующая в клюнийской эстетике, в сущности, по-прежнему выражала стремление приготовить дом Спасителя к Его триумфальному возвращению, приветствовать его и встретить как царя. Подобное намерение вызвало дерзкое новшество: украшения порталов базилик крупными скульптурными изображениями, подобными тем, которыми некогда в языческом Риме украшались триумфальные арки. Однако вырезать из камня изображения пророков поневоле означало придавать им форму человеческого тела и человеческого лица, помещая их в реальный мир» [Дюби 1994, с. 85–86].

Намечаются две тенденции, и обе они, подчеркнем, появляются именно в романском искусстве, казалось бы, мировоззренчески неотделимом от идеи Второго пришествия и Страшного суда. Первая – особое внимание к человеческой природе Христа и отсюда – к человеческому существу вообще, к телу, которое совершенно не обязательно должно быть средоточием греха, и потому представляется без педалирования мотива греха. Другая – сожаление о несовершенстве мира, который, конечно, подвержен злу, несмотря на икупительную жертву Спасителя.

Особенно ярко проявляется идея Славы Христовой, и если мысль Дюби верна и ее можно продолжить, достоинства

человечности в тимпане портала церкви Сен-Пьер в Больё-сюр-Дордонь (см. илл. 4). Здесь Христос в окружении ангелов и святых восседает на троне. О том, что тимпан связан с темой Страшного суда, свидетельствуют открывающиеся крышки саркофагов справа от Спасителя. Однако движение смертных людей, попираемых святыми, фронтально, у него нет единого направления, и руки Христа вовсе не указывают вниз, в ад. Напротив, они распахнуты в жесте адорации, во вселенском объятии, что, конечно, свидетельствует о торжестве веры, а не о наказании. Горизонтальное членение композиции тимпана по бокам от центральной фигуры Спасителя служит дополнительным свидетельством идеи всеобщего благоденствия в сотворенном Богом-Отцом мире.

Илл. 4. Церковь Сен-Пьер. Больё-сюр-Дордонь.
Сер. XII в. Тимпан портала

Обилие романских сюжетов, относящихся к земной жизни Иисуса, подтверждают идею о преобладании мотива человечности над мотивом осуждения. Как правило, эти сцены размещены на капителях храмовых колонн или на рельефах порталов. Такова сцена купания Младенца и поклонения волхвов на портале церкви Сен-Трофим в Арле (см. илл. 5), на которой присутствуют изображения Бога-Отца (рука над дверцей алтаря или, возможно, того хлеба, где

родила Дева Мария) и Святого Духа (птица над Младенцем в купели). Так скульптор соединил оба плана – божественный и человеческий.

Илл. 5. Церковь Сен-Трофим. Арль. Середина XII в. Резьба портала

На столбе клуатра того же храма изображены рельефы христологического цикла, также посвященные эпизодам, имеющим, помимо божественного, еще и бытовой смысл. Можно сделать вывод, что довольно популярным среди заказчиков и исполнителей был сюжет омовения ног – его можно видеть как в арльской церкви Сен-Трофим, так, например, и в рельефе тимпана в церкви Сен-Жюльенде-Жонзи. Этот евангельский сюжет, будучи воплощен в скульптуре, пусть пока и не круглой, все равно не может не оказаться соотнесен в восприятии паствы с человеческим телом, которое имеет право не только на существование, но даже на сочувствие и милость.

Илл. 6. Церковь Сен-Трофим. Арль. Середина XII в. Рельефы христологического цикла на опорном столбе клуатра

Илл. 7. Церковь Сен-Жюльен-де-Жонзи. Сер. XII в. Тимпан портала. Фрагмент

Обобщая сказанное, можно предположить, что романское искусство не только служило символическим мостом между раннехристианской и готической эстетикой, передавая от одной эпохи к другой идею милосердия Иисуса Христа к людям и преобладания милости над судом [Волков 2013, с. 51]. Напомним, что в нашей статье речь шла о художественных произведениях, созданных в XII в., т. е. до начала множества социальных катастроф, в частности, появления инквизиции в XIII в. и эпидемии чумы середины XIV в., «перекроившей» лицо Европы. XII столетие, хотя и являлось временем действия жестоких законов и норм правопорядка, всё же хранило некоторую «патриархальность» (в библейском смысле) взгляда на миропорядок как на нечто незыблемое. В этом смысле Второе пришествие Христа воспринималось главным образом как победа порядка над хаосом. Однако изображения Христа во Славе (в световом облаке или мандорле) или Христа на троне имели, как представляется современным исследователям, еще один аспект. Живя в ощущении присутствия Бога, подкрепляемом близостью Второго пришествия (даже в XII в. эхо несостоявшегося события все же отдавалось в душах паствы), средневековый человек романской эпохи благодаря этим скульптурным изображениям мог ощутить, даже не умея осмыслить, и свою нужность Господу, заинтересованность Господа в себе, несмотря на свою ничтожность и грешность. М.-М. Дави пишет: «Нам не следует останавливаться на присутствии Бога, которое мы уже рассмотрели как одну из отличительных черт романского периода <...>. Нам хотелось бы только попытаться уточнить основные элементы такового присутствия. Оно состоит прежде всего в ожидании Бога, желающего быть признанным человеком, и не только через Откровение, но в самом зеркале творения. Бог привлекает внимание человека и умножает знаки, чтобы добиться признания. Таким образом, присутствие Бога является не столько ответом на “поиск” Бога, предпринятый человеком, сколько “поиском” человека, предпринятым Богом» [Davy 1977, с. 45–46].

Ощущение того, что Спаситель взыскует каждого верующего (напомним, что в романскую эпоху произошло рождение идеи личной исповеди), передано посредством мотива Христа во Славе и сцен земной жизни Иисуса. Именно поэтому в целом ряде случаев, рассмотрение которых осталось за рамками данной статьи,

изображения тяготеют к обозначенным композиционным и смысловым принципам. Мысль Дюби о зарождающемся в романскую эпоху этосе гуманизма, думается, вполне подтверждает представленный в тексте материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков А. В.* Код Средневековья. Загадки романских мастеров. М. : Вече, 2013. 448 с.
- Гиз У.* Романская скульптура // Романское искусство: Архитектура. Скульптура. Живопись. Кельн : Könenmann, 2001. С. 256–323.
- Дюби Ж.* Европа в Средние века. М. : Полиграмма, 1994. 319 с.
- Лидов А. М.* Иудео-христианская икона света: от сияющего облака к вращающемуся храму // Образ и символ в иудейской, христианской и мусульманской традиции. М. : Индрик, 2015. С. 127–152.
- Майкапар А. Е.* Новый Завет в искусстве: (Очерки иконографии западного искусства). М. : Крон-Пресс, 1998. 349 с.
- Тёмкин В. А.* Отражение идеи паломничества в архитектуре и скульптурном убранстве церкви святой Веры в Конке (Франция) // Проблемы социальной философии и культуры. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 165–180. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (724). Языкознание и литературоведение).
- Тяжелов В. Н.* Романское искусство: Эпохи. Стили. Направления. М. : Белый город, б/д. 48 с.
- Davy M.-M.* Initiation à la symbolique romane. P. : Flammarion, 1977. 312 p.

УДК 947/57

Дьякон Александр (Болдырев), В. А. Васильев

Дьякон Александр (Болдырев), служитель в храме Воскресение Христова г. Медон, в пригороде Парижа; alexyreff@gmail.com

Васильев В.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских наук МГЛУ; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье анализируются причины формирования Русской Православной Церкви за границей после Гражданской войны в России. Рассматриваются условия жизни эмигрировавших из страны православных. Раскрываются объективные условия объединения Русской Православной Церкви за границей с Московским Патриархатом.

Ключевые слова: церковь; религия; православие; эмиграция; за граница.

Alexander Boldyrev, Deacon

The Servant of the Church of the Resurrection of Christ;
e-mail: alexyreff@gmail.com

Vasiliev V. A.

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor, Department of Philosophy, MSLU;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OUTSIDE OF RUSSIA: HISTORY AND MODERN (PRESENT DAY)

In this article the reasons of formation of the Orthodox Church abroad after the Civil war in Russia are analyzed. The conditions of life of the emigrants from orthodox countries are examined. The article also reveals the objective conditions of the unification of the Russian Orthodox Church Outside of Russia with the Moscow Patriarchate.

Key words: church; religion; Orthodox Church; emigration; abroad.

Статья написана на основе обобщения материала «круглого стола» (14 ноября 2017 г.), организованного профессором кафедры философских наук В. А. Васильевым. В обсуждении проблемы

«Русская православная церковь за границей» приняли участие дьякон Александр, преподаватели кафедр философских наук, теологии, а также аспиранты, магистры, студенты МГЛУ.

К 1917 г. в России насчитывалось 117 миллионов православных, проживавших в 73 епархиях. В церковном штате состояло более 100 000 священников, дьяконов и псаломщиков, в число которых входили три митрополита, 129 епископов и 31 архиепископ. Приведенные данные резко поменялись в результате революций, Гражданской войны, строительства социализма. Если в 1917 г. в России насчитывалось 78 тыс. церквей и 1253 монастырей, то к 1991 г. осталось 7,5 тысяч церквей и 16 монастырей, но за 25 лет было открыто почти 30 тыс. церквей. После 90-х гг. XX в. Русская Православная Церковь вновь стала возрождаться, играя важную духовную роль в современной России. Проанализируем всё по порядку.

Февральские, а затем Октябрьские события 1917 г. всколыхнули Россию. Лозунги социалистов переплетались с лозунгами анархистов, кадетов и эсеров, монархистов и других партий. Конечно, не всё население было политизировано, но в массе своей народ устал от войны, разрухи, голода и уже давно был «заражен» западными демократическими идеями. Даже среди духовенства не все поддерживали власть императора, перестали признавать его как помазанника Божьего и тоже желали выстраивать западную модель.

Гражданская война привела к резкому расколу общества, условно говоря, на «белых» и «красных». Не все граждане России признали легитимность советской власти. Разные представители социальных слоев покидали страну. Это были не только люди с оружием в руках, воевавшие с новым режимом, но и огромная масса гражданского населения, которая опасалась за свою жизнь. Эмигрировал большой пласт деятелей культуры: писатели, поэты, художники, музыканты, ученые. Насильственной высылке подверглись православные религиозные философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, С. Е. Трубецкой, Б. П. Вышеславский, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин и другие. Находясь в вынужденной эмиграции, русские философы и другие деятели культуры не разрывали своей духовной связи с православной церковью.

Следует отметить, что православное духовенство подвергалось репрессиям еще со стороны Временного правительства. В силу подозрения в нелояльности к новой власти, оно распустило старый

состав Священного Синода. Было принято Постановление о закрытии всех духовных учебных заведений. Их имущество было конфисковано. В итоге более 37 000 церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школ оказались в ведении Министерства народного просвещения. Тем самым ликвидировалась система духовного образования в России.

Подобная политика усилилась с приходом к власти большевиков. Был принят Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» (23 января 1918 г.), на основании которого церковь лишалась права юридического лица, ей запрещалось иметь какую-либо собственность. Религиозное воспитание подменилось атеистической пропагандой. Разрушались храмы, монастыри, усиливалось политическое преследование духовенства, вплоть до физического уничтожения, увеличивая количество новомучеников Церкви Российской [Голубцов 2010].

Внутри духовенства произошло своеобразное разделение. Одна часть вынуждена была признать новую власть, другая осуществляла неофициальную и поэтому не контролируруемую государством церковную деятельность (Катакомбная церковь). Иные представители духовенства покидали Россию вместе с отступающими частями Белой армии, гражданским населением. На территории, которую не контролировали «красные», прямые контакты с Московской Патриархией постепенно нарушались и объединением православной паствы занялись епископы и священники, оказавшиеся с ними. Так, в условиях Гражданской войны в ноябре 1918 г. в Томске, а затем в мае 1919 г. в Ставрополе были образованы Временные Высшие Церковные Управления Урала и Сибири, а также Юга России. Стало очевидно, что необходимо иметь централизованное церковное управление. В ноябре 1920 г., с благословения Вселенского Патриарха, русские архиереи созвали Первый Заграничный Архиерейский Собор в Карловаре. На нем личным или письменным согласием участвовали 34 епископа. На Соборе было создано объединенное Управление, которое приобрело всю полноту церковной власти на территории, которую не контролировали «красные».

В 1927 г., в силу сложившихся обстоятельств, Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) вышла из административного подчинения Московского Патриархата. Оформление православных

церковных приходов за рубежом не означало раскола в Православной российской церкви. Имея около 400 приходов, РПЦЗ могла отделиться от Московской патриархии и создать свою автокефальную церковь. Для подобного решения достаточно было голоса четырех епископов, в то время как их общее количество за границей составляло тринадцать епископов. Но подобная задача просто не ставилась. Руководство РПЦЗ всегда видело своей основной задачей сохранение чистоты православного вероучения. Оставалась надежда, что эмиграция временная, и Русская Православная Церковь вновь обретет свое единство.

Такими же надеждами жила разбросанная по различным странам мира «белая эмиграция», выражающая свою мировоззренческую и политическую непримиримость с советской властью. Их количество в начале 1920-х гг. составило несколько миллионов человек. Значительная часть из них оказалась в Китае, другая – в Канаде и Америке. Только в Европе, по данным Службы по делам беженцев Лиги Наций, официально было зарегистрировано более миллиона русских беженцев. Из них порядка 200–300 тыс. приняла Франция. Эмигранты главным образом располагались в крупных городах. Так, например, в Париже и его окрестностях нашли приют несколько десятков тысяч человек. Среди них были представители православного духовенства и творческой интеллигенции, великие князья и бывшие царские министры. Создавались благотворительные общества, издавались газеты и журналы, дети ходили в школы. Особое место среди парижских эмигрантов играло Донское войсковое объединение. Среди вынужденных эмигрантов находился и дед одного из авторов статьи дьякона Александра. Обычный гражданский человек оказался на чужбине. Александр родился во Франции, но корни его российские.

Приехав в чужую для них страну, русские православные испытывали трудности проживания без знания национального языка, не имея необходимой профессии. Кроме того, Франция – католическая страна, которая имеет иную, нежели православие, духовно-христианскую атмосферу. Там больше прагматизма, материального интереса. К православным верующим местное население, церковнослужители относились не очень доброжелательно, что исторически обусловлено. В 1-ом тысячелетии н. э. епархии на территории Франции входили в состав единой Христианской

церкви. Однако после раскола церквей в XI в. вся территория Франции оказалась в юрисдикции Католической церкви. Только в 1845 г. состоялось освящение первого православного храма Успения Божией Матери в г. Марселе. В конце XIX в. стали открываться новые православные приходы. Их количество в начале 1920-х гг. не отвечало местам поселения огромной волны русской эмиграции. Православные эмигранты вынуждены были создавать так называемые домашние церкви. Им отводилась часть комнаты, в которой устанавливали иконы, иную церковную утварь. Постепенно люди обживались, строили небольшие деревянные храмы, старались сохранять родной язык, не терять православную веру.

Многие находящиеся в эмиграции россияне надеялись, что власть большевиков долго не продержится, бунт пройдет, и вскоре можно будет вернуться на Родину. В таком настроении люди пребывали до начала Второй мировой войны, которая опять расколола русскую эмиграцию. Часть русской диаспоры, в том числе и отдельные иерархи (РПЦЗ), в надежде быстрого разгрома Красной армии, поддерживали так называемый освободительный поход Гитлера. Среди них были и те, кто вступал в армию Вермахта. Иные старались соблюдать нейтралитет, отказываясь поддерживать оба тоталитарных режима. Другие эмигрантские слои считали, что ради борьбы с фашизмом стоило пойти на союз с коммунистами. Поэтому, отмечал, находясь в эмиграции, философ И. А. Ильин, здравомыслящие русские патриоты не создавали себе иллюзий. Они в силу своих возможностей принимали участие на стороне советской армии, вступали в отряды Сопротивления, которые создавались на оккупированных европейских государствах. Париж оставался для православных притягательной силой, где они черпали свою энергию [Шкаровский 2010]. Так, например, во Франции, по подсчетам самих эмигрантских организаций, каждый десятый бывший российский гражданин участвовал в Движении Сопротивления. Представители духовенства (РПЦЗ) в большей своей части не проявляли особой лояльности к установленным фашистским режимам, а некоторые из них обращались с заявлением к президенту США Ф. Рузвельту, чтобы Америка без промедления оказала помощь СССР.

В ходе Второй мировой войны и после ее окончания наступает новая волна советских беженцев из тех, кто оказался в плену или

насиленно был увезен в Германию. Во Франции скопились огромные группы людей, разобщенных по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям. Многие беженцы сформировались в условиях советской власти как атеисты и не поддерживали связь с представителями РПЦЗ.

Проходили годы, и эмиграция во Франции была обречена на исчезновение или ассимиляцию. Старики первой волны эмиграции, тесно связанные с православием, умирали, молодые люди постепенно «растворялись» в местной среде, становясь французами. Сегодня живет уже четвертое поколение первой волны беженцев. Приезжают украинцы, сербы, болгары; католики женятся на православных женщинах, происходят смешанные браки, утрачиваются связи со своей исторической родиной.

Вдали от России зарубежному православию становится трудно сохранять свою святость. Этому процессу способствовали некоторые решения российского собора 1917–1918 гг. о демократизации Церкви, и русские эмигранты во Франции стали приобщаться к этим новшествам. Речь идет о том, что достаточно мирянам выразить свое недоверие священнику, чтобы его сменить, а если паства проявляет недовольство епископу, то могут перейти под омофором другого Патриарха. Некоторые церкви несколько раз меняли свою юрисдикцию, поскольку с помощью так называемого демократического голосования прихожан проходила сменяемость епископов. Подобная «демократия» неприемлема для исконного православия. В православии Служителя храма выбирают и назначают епископы, наделенные духовной властью. Но данные положения осуществлялись в католической Франции, которая сама постепенно теряет христианскую духовность в результате активизации ислама.

Не только во Франции, но и в других европейских государствах религия ислама выступает реальной силой, способной духовно видоизменить традиционный общественный уклад жизни. В Западной Европе, по разным данным, насчитывается от 14 млн до 20 млн мусульман, т. е. от 4 до 6% населения. В основном это арабы, многочисленная турецкая диаспора, а также граждане иных африканских государств – самая большая исламская община во Франции. Она первой столкнулась с волной мигрантов из бывших колоний, в которых активно распространялась французская культура.

Благодаря знанию французского языка жителям колониальных стран было проще освоиться в европейской стране. Увеличивается численность мусульман за счет иммиграции и естественного прироста мусульманского населения. Города и пригороды заполняют бородатые хмурые мужчины, мусульманские женщины в длинных платьях, в головном уборе, закрывающем всё лицо, кроме глаз. Внешний облик мусульман, язык, религиозно-национальные особенности входят в повседневную жизнь французов. Католические храмы не строятся, но активизируется религиозная деятельность ислама. По данным главы Совета мусульман Франции Далиля Абу Бакра, на начало 2015 г. во Франции действовало 2200 мечетей. Из них пять имеют соборный статус, они располагаются в Париже, Лионе и Марселе. В стране действует свыше 2 тыс. исламских ассоциаций и культурных центров. Много представительств различных мусульманских организаций и партий со всего мира. По мнению Далиля Абу Бакра, существующее количество мечетей не удовлетворяет духовные нужды 7 миллионов мусульман Франции. В связи с этим Совет мусульман потребовал увеличить численность мечетей во Франции [Ислам во Франции].

Значительная активизация ислама определяется также особой политикой французского государства, которая называется лаицизмом. Эта политика не только предполагает разделение государства и религии (во Франции Закон об отделении церкви от государства был принят в 1905 г.), но и противостояние любым религиозным проявлениям в обществе. Например, именно Франция прославилась активной борьбой с ношением хиджаба в школе и паранджи на улице. В то же время законодательно разрешены однополые браки, что разрушает традиционную национальную культуру. Христианское сообщество утрачивает свое былое значение. Ислам трансформирует политический спектр страны. Газета *Le Figaro* провела опрос, который показал, что 60 % французов считают, что во Франции ислам стал «слишком заметным и влиятельным», а 43 % французов считают присутствие мусульманских иммигрантов угрозой национальному самоопределению.

В условиях меняющейся общественной и духовной обстановки перед Русской Православной Церковью за границей стоят сложные задачи, связанные с сохранением своей духовности. На

протяжении долгих лет РПЦЗ не теряла надежду вернуться в лоно Матери-Церкви, надеясь, что наступит период их воссоединения. Такое время наступило. С распадом Советского Союза в 1990-е гг. стали постепенно налаживаться отношения между Московским Патриархатом и представителями Русской Православной Церкви за рубежом. Следует отметить важную дату 24 сентября 2003 г., когда в Нью-Йорке, в Генеральном консульстве РФ состоялась встреча Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Лавра с Президентом В.В. Путиным. На встрече было передано письмо Патриарха Алексия II митрополиту Лавру с приглашением посетить Москву. Приглашение было с благодарностью принято, и в ноябре 2003 г. состоялся визит в Москву делегации Русской Православной Церкви за границей.

17 мая 2007 г. в московском храме Христа Спасителя Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Лавр подписали Соглашение, согласно которому «Русская Православная Церковь за границей является неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви».

Следует отметить, что единение православной церкви было воспринято не всеми верующими и членами духовенства не только во Франции, но и в России. В основном подобное неприятие объясняется не религиозными, а политическими мотивами. Люди несколько десятилетий жили по одним законам и вдруг резко всё поменялось, в результате чего рушится мир, меняются жизненные устои. Часть верующих остается на старой модели отношений между зарубежной церковью и Московским Патриархатом.

Подобная политика незначительной части православных верующих не определяет общее движение к единению церкви и дает возможность оказывать помощь Православной Церкви во Франции в построении новых храмов. Так, например, благодаря активной деятельности руководства Православной Церкви и правительства Российской Федерации в Париже на набережной Бранли, недалеко от Эйфелевой башни построен комплекс зданий, в котором разместились Российский православный духовно-культурный центр, российско-французская начальная школа на 150 учеников. Жемчужиной комплекса стал пятиглавый собор Святой Троицы. 4 декабря 2016 г. в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы,

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил освящение Кафедрального православного собора. В своем интервью «Фигаро» он отметил, что возведение храма – важное событие в культурной жизни не только россиян, но и французов, которые всегда интересовались русской культурой, в том числе иконописью, храмовой архитектурой, хоровым пением. В этом смысле храм и центр – это не только молитвенное помещение, но и площадка для межкультурного общения по самому широкому кругу вопросов. Мы верим, что такое общение под сводами храма может быть более простым и открытым, чем то, которое ведут политики. Думаю, что именно такого общения сегодня не хватает нашим народам. И тысячи туристов посещают этот храм, знакомятся с православием [Интервью Святейшего Патриарха Кирилла французскому изданию «Фигаро»].

В рамках единой православной церкви стали активно расширяться дружеские отношения между церковнослужителями. Пример тому – деятельность дьякона Александра. Он почти ежегодно прилетает в Россию и участвует по приглашению настоятелей в Соборном служении в православных храмах. Встречается с верующими и с теми, кого интересует деятельность Русской Православной Церкви за границей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубцов В.*, иерей. Русская православная диаспора во второй половине XX века. М. : Духовная академия, 2000. 678 с.
- Интервью Святейшего Патриарха Кирилла французскому изданию «Фигаро» // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru/db/text/4704125.html
- Ислам во Франции // Википедия.
- Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М. : ВЕЧЕ, 2010. 496 с.

УДК 141

Е. Н. Соколова

кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: sokelnik1@mail.ru

О КОНЦЕПТЕ «ДОМ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Дом является одним из основополагающих концептов в картине мира носителей русской и английской культуры. Концепт «дом» в языковой культуре как русских, так и англичан является не просто значимым, но и системообразующим понятием. Поскольку особенности концептуализации «дома» и в русской, и в английской культурах обусловлены историко-культурной спецификой формирования и обустройства жизненного пространства семьи и личности, концепт «дом» рождается, формируется и развивается внутри целостной семиосферы культуры, но при этом он находится в неразрывной связи со сферой социально-политической, социокультурной, духовной, эстетической деятельности людей – носителей данной культуры.

Ключевые слова: дом; культура; заимствования; язык; слово; концепт; понятие, пространство; проксемика.

Sokolova E. N.

PhD, Docent with English Department, Faculty of Translation & Interpretation, MSLU; e-mail: sokelnik1@mail.ru

ON CONCEPT “HOME” IN RUSSIAN AND ENGLISH CULTURES

Home is one of the basic concepts in the world pictures of both Russian and English cultures. The concept of “home” in language cultures of the Russian and English people is not only significant but a system notion. As the concept factors of “home” in Russian and English cultures are based on historical -cultural specifics of formation and organization of living space of a family and an individual, the concept of “home” is born, formed and developed inside a closed semiosphere of culture, and at the same time it is fully connected with the socio-political, socio-cultural, spiritual and esthetic activity of the people representing their culture.

Key words: home; house; culture; citations; language; concept; notion; space; proxemics.

Концепт «дом» в языковой картине мира как русских, так и англичан является не просто значимым, но и системообразующим понятием в рамках исследуемых культур. Слова, которые обозначают это понятие, фиксируя его не только в языке и речи, но выводя за пределы лингвистического контекста в мировоззренческий и ментальный космос культуры, – эти «слова с особыми,

культуроспецифическими значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления» [Вежбицкая 2001]. Особенности концептуализации «дома» и в русской, и в английской культурах обусловлено историко-культурной спецификой формирования и обустройства жизненного пространства семьи и личности. Концепт «дом» рождается, формируется и развивается внутри целостной семиосферы культуры, но при этом он находится в неразрывной связи с предметным миром и со сферой социально-политической, социокультурной, духовной, эстетической деятельности людей – носителей данной культуры. Для того чтобы понять, почему в рамках межкультурной коммуникации происходит не просто рецепция отдельных предметов и слов, технологий и знаков, но и рецепция моделей поведения, ценностей и идей, необходимо, во-первых, изучить лингво- и социокультурологические закономерности концептуализации определенного феномена в пределах модели мира, выработанной культурой-«донором» и, во-вторых, выявить те потребности, которые в ходе межкультурной коммуникации актуализируются в недрах культуры-реципиента и делают возможным инокультурное заимствование не только на поверхностном уровне (предмет – слово), но и на глубинном мировоззренческом и поведенческом. Поэтому прежде чем рассматривать механизмы культурного влияния английской бытовой традиции на русскую дворянскую усадьбу, обратимся к сравнительному анализу концептов «дом» в русском и английском языках.

В. И. Даль определяет понятие «дом» так: «строение для жилья; в городе, жилое строение; *хоромы*; в деревне, *изба со всеми ухажаями и хозяйством*. Крестьянский дом, *изба*; *юж. хата*; княжеский и вообще большой, вельможеский, *палаты, дворец*; помещичий, в деревне, *усадьба*; маленький и плохонький, *хижина, лачуга*; врытый в землю, *землянка...*» [Даль 1978. Т. 1, с. 465–466]. Словарь современного русского языка под редакцией С. И. Ожегова дает следующее определение понятию «дом»:

1. Жилое здание, а также люди, живущие в нем;
2. Квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство;
3. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды;
4. Династия, род» [Ожегов 1987].

Обращает на себя внимание тот факт, что если В. И. Даля больше занимают различные типы дома как строения, то С. И. Ожегов более ориентирует пользователя на толкование концепта «дом». Вероятно, это связано и с упрощением типологии зданий, и с развитием семантического поля слова «дом» в русском языке.

При переводе слова «дом» на английский язык обычно ориентируются на узкосемантический аспект. При обратном же переводе с английского языка на русский язык возникают трудности из-за того, что в английском языке не существует полного эквивалента русскому. Например, Большой русско-английский словарь под редакцией И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой очень подробно описывает разницу между английскими словами *home* и *house* [Большой русско-английский словарь... 1987, с. 771, 783–784]. Общий смысл отличий кратко передает словарь-справочник для архитекторов и строителей [Бгашев 2005]: «**Home** дом, домашний очаг ... **House** дом». Русско-английский словарь под редакцией О. С. Ахмановой ориентирует пользователя именно таким образом:

дом: 1. house; жилой дом dwelling-house <...>; 2. (домашний очаг) home <...>; 3. (хозяйство) household <...> 4. (учреждение) holiday home, <...> 5. (род, династия) The house of <...> [Русско-английский словарь... 1975, с. 159].

Разницу между двумя английскими словами «house» и «home» объяснил Э. Хуббард: «*The difference between a house and a home is this: a house may fall down, but a home is broken up*» «Разница между зданием и домом проста: здания рушатся, а дома разрушаются» [Dictionary of quotable definitions, 1970]. Таким образом, при самом упрощенном толковании, *home* (дом) понимается как семейный очаг, *house* – дом, как здание, постройка. В английском языке также есть еще одно значение у слова *house*, которое в русском эквиваленте также ассоциируется с одним из оригинальных значений дома, а именно – одного из его видов – *палаты*. Палатами во многих современных языках принято именовать различные органы власти. Например, в России – Общественная палата, в Великобритании – Палата лордов и т. д. Однако семантическое поле слова дает широкие возможности интерпретации. Например, известный исследователь творчества Ч. Диккенса М. Урнов, замечает в комментариях к роману «Холодный дом»: «Название “Холодный дом”

возникло у Диккенса не сразу, а в процессе работы над романом, в связи с переменной первоначального замысла. Вначале Ч. Диккенс предполагал назвать свой роман “Одиноким Том”. Первоначальный замысел сосредоточивал внимание на “Одиноким Томе” – лондонских трущобах, на условиях жизни, нравственном, духовном и физическом облике отверженных английской столицы. С переменной замысла и, соответственно, названия переместился идейный и композиционный центр романа. Этим центром стал Канцлерский суд, верховный Суд Справедливости, в то время высшая, после палаты Лордов, судебная инстанция в Англии. В “Холодном доме” Канцлерский суд – сатирически изображенная реальность английского судопроизводства и символ – символ формализма, бюрократизма, бесправия, несправедливости» [Диккенс 1985. Т. 7, с. 769].

В английском и русском языках также есть соответствия семантических нагрузок слова «дом» понятийного значения. Например, в русском языке существует понятие «господский дом», в английском языке ему соответствует *manor*, или английское понятие *tyed cottage*, что в буквальном переводе означает *прикрепленный коттедж* (дом на господских землях, предлагаемый в пользование наемным рабочим). Вероятно, это понятие больше соответствует русскому *служебная постройка* или *общинный дом*.

На наш взгляд, важным также является тот факт, что семантическое поле слова «дом» расширяется со временем, что связано с появлением новых реалий (например, появление такого вида жилья, как «коммунальная квартира»). Кроме того, с расширением личностного кругозора и повышением уровня знаний индивида естественным образом расширяется и ассоциативный ряд слов «дом»: *house, home*.

Например, студентам-переводчикам IV курса МГЛУ было предложено построить ассоциативные ряды к следующим словам: *дом, семья, русский дом, английский дом, house, home*. Всего было опрошено 17 человек в трех группах 2007/2008 академическом году: англо-немецкая (401), англо-французская (402), англо-шведская (403).

Представленный результат усреднен нами, исходя из хотя бы однократного повторения испытуемыми. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Результат данного опроса рассматривается нами как еще одно подтверждение практического интереса к такому явлению, как «английский дом». Мы выделили замкнутую модель: семья – дом –

семья. В русском сознании такие понятия, как «английский дом» и «комфорт», «благополучие», «семья», «стабильность» прочно слились в единое целое. Одновременно понятие «русский дом» представлено в ответах студентов весьма расплывчато. Обращает на себя внимание, что оно ориентируется больше на типы жилищ и на традицию принимать гостей. Простым объяснением этому является, на наш взгляд, многолетняя неустроенность быта в России, возможно, на результаты влияют также личные обстоятельства и опыт испытуемых. Важно подчеркнуть тот факт, что на бытовом уровне в русском сознании не существует разделения между понятиями «шотландский», «валлийский», «североирландский» и «английский». Поэтому «английский дом» понимается русскими как некий усредненный «британский» феномен.

Таблица 1

Дом	Семья – благополучие – жизнь
Семья	Родители / родственники – дом – друзья – собака
Русский дом	Самовар – открытость – хлебосольство – изба – дворец – хрущовка – коммуналка
Английский дом	Благополучие – деревенский коттедж – семья – чопорность – традиция – комфорт – скука – стабильность
House	<i>Building – house of lords / commons / etc. – construction</i>
Home	<i>Place you live – family – comfort – friends – pets</i>

Немалая доля обаяния «английского дома» для русской культуры заключена в сохранении традиции. Речь идет не только и не столько о пресловутой традиции *five o'clock*, крикете, каминах и охоте в собственных угодьях, скорее это живая ассоциация с уютом английского дома. Обычно слово «уют» ассоциируется с чем-то упорядоченным, обыденным, скучноватым и немного «пыльным»: уют противопоставляют внешнему миру, небезопасному и тревожному: «Уют – это понятие и слово, столь важное в современном русском быту, происхождения, однако, довольно недавнего. <...>. Более новое уютный по смыслу и форме параллельно более старому укромный, а у Пушкина они выступают как полные синонимы. <...> Понятие уюта для нас, как и для Пушкина, всегда ассоциируется со «своим», только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным, отграниченным от внешнего

мира и, в противоположность последнему, – где веют ветры, происходят какие-то волнения ... защищенным «уголком», где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» [Зайончковский 1958].

Удивительно, но природа «дома» до сих пор достаточно плохо изучена. Как отмечал О. Шпенглер, «пока не существует никакой всемирной истории дома и его рас» [Шпенглер, т. 2, с. 122]. Пожалуй, только О. Шпенглер в «Закате Европы» подробно описывает дом как культурный феномен: «Дом – наиболее чистое выражение расы из всех, какие только бывают» [Шпенглер 2004]. Вслед за Шпенглером, Г. Е. Крейдлин утверждал, что: «каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую можно назвать **национальная концептуализация пространства**» [Крейдлин 2002]. Неоценимую помощь исследователю данной области оказывает проксемика.

Изучение пространственной коммуникации человека выделяет особые правила проксемики поведения: 1. Наделение некоторых пространственных фрагментов и характеристик определенными смыслами и культурными функциями. Например, в романе Дж. Остин «Гордость и предубеждение» Элизабет и ее мать принимают леди Кэтрин де Бер в одной из гостиных родительского дома, а та замечает: «В этой комнате нельзя проводить летние вечера. Окна выходят на запад. Миссис Беннет заметила, что в послеобеденное время этой комнатой не пользуются» [Остен 1998]. 2. Вербальное / невербальное притязание человека на личное пространство, а, соответственно, общества – на социальное. Известно, что человек стремится иметь «свой угол» везде, где он более-менее регулярно проводит время. Подобные «углы» (место на работе, столик в ресторане, место в аудитории и тому подобное) человек «готов защищать от внешних посягательств» [Крейдлин 2002]. 3. Общие законы организации среды. Выбор средств коммуникации. Известный искусствовед Поль Клодель так объяснял устройство культовых сооружений: «Священные книги показывают нам, насколько подробно сам Иегова описал, чуть ли не собственными руками нарисовал Моисею и Соломону, какими должны быть принадлежности и устройство помещения для его культа, чтобы они могли отвечать своему глубокому символическому назначению» [Клодель 2006].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бгашев В. Н.* Учебный англо-русский иллюстрированный словарь-справочник по архитектуре и строительству. М. : Высшая школа, 2005. 239 с.
- Большой русско-английский словарь: в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. М. : Русский язык, 1987. 2110 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь: в 4 т. М. : Русский язык, 1978.
Том первый. А–З. 1978. 699 с., 1 порт.
Том второй. И–О. 1979. 779 с.
Том третий. П. 1980. 555 с.
Том четвертый. Р–V. 1980. 683 с.
- Диккенс Ч.* Холодный дом. М. : Художественная литература, 1985. Т. 1–10.
- Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. : Научная литература, 1958. 473 с.
- Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Клодель П.* Глаз слушает. М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. 379 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1987. 787 с.
- Остен Дж.* Гордость и предубеждение. М. : АСТ, 1998. 476 с.
- Русско-английский словарь ; под ред. О. С. Ахмановой. М. : Русский язык, 1975. 766 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы: в 2 т. М. : Айрис-пресс, 2004. 592 с.
- Dictionary of quotable definitions / Ed. by Eugene E. Brussell. Prentice-Hall Inc., Englewood Cliffs, New Jersey. 1970. 627 p.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки Выпуск 3 (792)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences Issue 3 (792)

Ответственный редактор:
кандидат филологических наук, профессор Т. В. Медведева

*Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 02.04.2018 г.
Усл. печ. л. 13,5. Формат 60x90/16
Заказ № 74

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ
Ссылка на издание обязательна